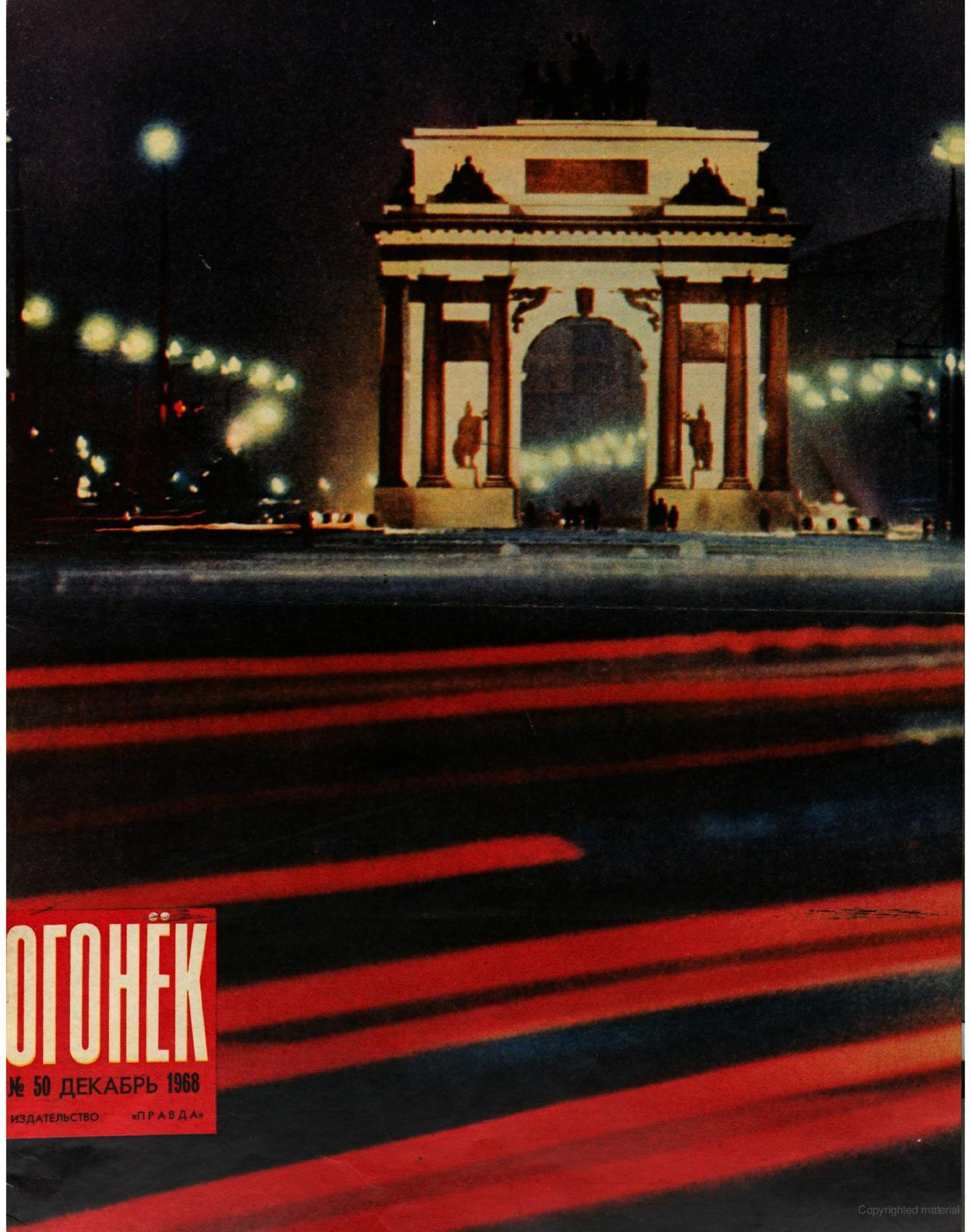
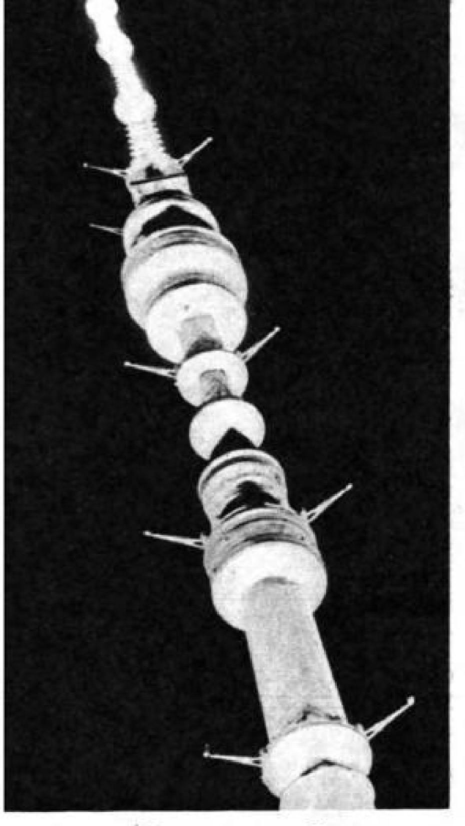

ОГОНЁК
№ 50 ДЕКАБРЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ФОНАРИ МОСКОВСКИЕ

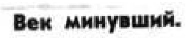
Оперетта — это всегда ярко.

Хрусталь телебашни.

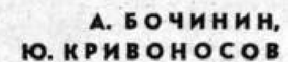
За главным пультом И. С. Демидов.

Век минувший.

Огни столицы.

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ

В джунглях телевидения.

ФОНАРИ МОСКОВСКИЕ

Фонари московские... О них поют песни и сочиняют стихи. Они буднично-привычны и празднично-нарядны в одно и то же время. Одни из них яркие, как солнце, и на залитых их светом площадях светло, как днем. Другие мягко посвечивают где-то в тихих аллеях бульваров...

Фонари-модерн разбежались вдоль широких проспектов, фонари-ветераны осеняют фасады театров, гранит и бронзу памятников. Мы посмотрели на город с Ленинских гор и увидели целые созвездия огней, их было, наверное, больше, чем звезд на небе. Они вспыхнули дружно, все сразу, будто какой-то волшебник включил исполинский рубильник. Нам захотелось увидеть этот выключатель Москвы. Где он? Нам сказали: на Большой Бронной...

Никакого волшебства мы по этому адресу не обнаружили. Там была центральная диспетчерская «Мосгорсвета». За главным пультом со множеством телефонов, кнопок и сотнями сигнальных лампочек дежурил диспетчер Иван Семенович Демидов. Вот уже двадцать семь лет по его команде включается наружное освещение города. Никакого исполинского рубильника, как оказалось, не существует. Систем включения много — тут и автоматика, и телеуправление, и реле времени, срабатывающие от фотоэлементов. Приводят в действие все эти системы районные диспетчеры по команде с главного пульта, которая звучит весьма торжественно:

— Включить освещение города Москвы!

Время подачи команды для каждого дня определяют графики, составленные с учетом наступления темноты. И вспыхивают одновременно в Москве сто тридцать с лишним тысяч фонарей — на улицах и в парках, на стадионах и во дворцах. В ведении «Мосгорсвета» и светящиеся дорожные знаки, и подсветки памятников, и даже освещение Спасской башни и циферблата ее часов.

Мы поинтересовались немного историей и наугад выбрали год 1920-й.

И оказалось, что на улицах столицы в ту пору светило сто керосиновых фонарей, сто тридцать газовых и тысяча четыреста электрических. Теперь этого количества и на один район Москвы не хватило бы.

Конечно, далеко не все огни столицы подвластны диспетчерам «Мосгорсвета». Город зажигает тысячи реклам, витрин магазинов, лампы в цехах предприятий, прожекторы в театрах, люстры и торшеры в квартирах... Тут каждый себе диспетчер. И щелкают миллионы выключателей, рубильников и прочих электрических контактов. И отступает темнота, и люди продолжают жить на продленном дне и вечером и в ночи. И блестит, переливается огнями наша столица!

Ученье — свет...

ОСНОВЫ НАШЕЙ ДРУЖБЫ

12 декабря 1943 года, двадцать пять лет назад, был заключен между Советским Союзом и Чехословакией Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. В связи с этой годовщиной Чрезвычайный и Полномочный посол Чехословацкой Социалистической Республики в СССР товарищ **В. КОУЦКИЙ** принял корреспондента «Огонька» **А. Сербина** и ответил на его вопросы.

ПЕРЕД ТЕМ, КАК ШАГНУТЬ ВО ВСЕЛЕННУЮ

А. ГОЛИКОВ,
И. КАСЬЯН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 50 (2163)

Основан 1 апреля 1923 года

7 ДЕКАБРЯ 1968

— Скажите, пожалуйста, товарищ посол, в чем состояло значение советско-чехословацкого Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве для развития вашей страны?

— Я очень хорошо помню то время, когда между нашими странами был заключен этот Договор. Это было время, когда миновал самый мрачный период фашистской оккупации и люди увидели горизонты будущей свободы. Тогда народы нашей страны задумывались над тем, как дальше вести борьбу против фашизма и как строить жизнь в будущем. Коммунисты и другие отважные патриоты, сражавшиеся в подполье, а вместе с ними и все более широкие слои наших народов стали искать новые пути. Все яснее становилось сознание того, что фундамент, на котором буржуазия создавала государство после 1918 года, оказался ненадежным и непрочным. Во время Мюнхена буржуазные правители Чехословакии во имя своих классовых интересов предали интересы народа. Мюнхен показал опасность опоры на внешнеполитические связи с державами Запада, которые продали Чехословакию гитлеровцам. Для новой Чехословакии нужно было заложить новые краеугольные камни, чтобы создать общество, которое могло бы удовлетворить национальные и социальные чаяния наших народов, обеспечить суверенитет, целостность и неприкосновенность нашей республики. Некоторые круги буржуазии тоже чувствовали, что этого нельзя добиться без Советского Союза. Но они не могли и не хотели последовательно идти по пути сближения между нашими странами. Мы, коммунисты, всегда говорили народу, что этот путь — единственный отвечающий интересам страны. И во время гитлеровской оккупации наш народ убедился в том, что, если не идти рука об руку с Советским Союзом, невозможно обеспечить свободу для страны, невозможно построить более прогрессивный общественный строй. Заключение советско-чехословацкого Договора стало исходным пунктом нашего послевоенного развития и наполнило наш народ чувством глубокого удовлетворения.

Статьи Договора, касавшиеся сотрудничества в борьбе против фашизма, были скреплены кровью наших народов. Содержание этих статей было полностью выполнено, и вершиной их выполнения было освобождение Праги 9 мая 1945 года и тем самым — освобождение всей Чехословакии Советской Армией. Свобода Чехословакии досталась недешево: земля нашей родины была полита кровью патриотов, погибших в подполье, в гитлеровских тюрьмах и на фронтах, кровью десятков тысяч советских солдат.

Идеи советско-чехословацкого Договора пронизывают всю послевоенную историю нашей страны. Как раз в февральские дни 1948 года, когда решалась судьба социализма в Чехословакии, когда предельно остро стоял вопрос о том, куда пойдет Чехословакия дальше, товарищ Клемент Готвальд сформулировал известный лозунг нашего народа: «С Советским Союзом — на вечные времена!».

Этот Договор был расширен и упрочен многими другими соглашениями. Сотрудничество наших стран в политической, экономической и культурной областях становилось все более крепким и многосторонним. Когда срок Договора истек, в 1963 году он был продлен особым протоколом на следующие двадцать лет. В протоколе были определены новые актуальные задачи, из которых вытекает необходимость дальнейшего упрочения советско-чехословацкой дружбы.

— Товарищ посол, каковы перспективы упрочения этой дружбы в сегодняшние дни?

— Самое главное, самое насущное сейчас — это все ярче и все конкретнее показывать нашим народам значение этой дружбы, не ограничиваться общими положениями, а раскрыть живое содержание нашей дружбы, пронизывающей всю жизнь наших социалистических стран. Дальнейшее успешное развитие Чехословакии, ее экономический рост, повышение жизненного уровня ее народов, новый научно-технический подъем невозможно представить без плодотворного обмена с Советским Союзом во всех областях.

В будущем году товарооборот между нашими странами увеличится на 10 процентов и превысит два миллиарда рублей. Это такая статья в нашем экономическом балансе, без которой его вообще было бы трудно составить. Достаточно сказать, что почти все потребности в пшенице, нефти, газе, железной руде мы покрываем за счет торговли с СССР. А чтобы обеспечить сбыт продукции нашей машиностроительной промышленности, станкостроения, товарам широкого потребления, для нас нет надежнее покупателя, чем Советский Союз.

Значение Договора, скрепляющего нашу дружбу, велико, в частности, в области внешней политики, имея в виду нынешнюю стратегию империализма, и в особенности тот факт, что силы западногерманского милитаризма формируются в непосредственной близости от наших границ. Мы не можем себе представить успешную защиту наших национальных прав, нашего государственного и общественного строя без социалистического содружества, в котором решающая роль принадлежит мощи Советского Союза. Поэтому мы приветствуем обсуждение мер по укреплению нашей коллективной безопасности, которое проводится сейчас в рамках Варшавского договора. Мы приветствуем то, что в ближайшее время должны быть на высшем уровне обсуждены вопросы улучшения экономического сотрудничества в рамках Совета Экономической Взаимопомощи, который является гарантией перспектив нашего научно-технического и экономического роста. В духе Договора мы должны расширить культурный обмен, и сейчас в Праге ведутся переговоры о плане культурного обмена на 1969 год. Эти переговоры должны отметить новый благоприятный этап в нашем культурном сотрудничестве.

Как за все хорошее в жизни, за дружбу надо бороться, ее надо укреплять постоянно, учитывая все новое, что приносит время и приход новых поколений. Для того, чтобы дальше развивать нашу дружбу, у нас и ныне имеются исходные пункты, на которых мы взаимно обязались развивать сотрудничество и преодолевать трудности, возникшие недавно,— и это главное. Эти исходные пункты заключены в итогах переговоров между представителями наших партий и правительств в августе и октябре этого года. Я имею в виду Московский протокол и Коммюнике и Договор об условиях временного пребывания советских войск в Чехословакии. Мы хотим последовательно и искренне выполнять эти соглашения, потому что только на этом пути находятся гарантии успешного развития нашей республики и ее социалистического строя. Этот путь был вновь подтвержден решениями ноябрьского пленума ЦК КПЧ.

В решениях пленума отмечено, что наш путь вперед — это развитие всего положительного опыта социалистического строительства, накопленного более чем за двадцатилетний период нашей совместной борьбы, это преодоление всех ошибок и искажений, это всестороннее развитие активности и инициативы трудящихся масс, как творца судеб своей страны, это борьба против всех антисоциалистических сил и их зарубежных подстрекателей.

На этом пути мы и впредь будем опираться на союз и дружбу с СССР, на братскую поддержку советского народа, его партии и правительства.

Большое серое здание. Здесь проходят тренировку наши космонавты. В просторной лаборатории, где строго поблескивают стеклами приборов различные тренажеры, мы просим врача-экспериментатора рассказать об особенностях подготовки к космическому полету Георгия Тимофеевича Берегового.

— Полеты советских космонавтов,— рассказывает врач-экспериментатор,— позволили нам накопить в этой области значительный опыт, правильно оценить влияние на человеческий организм различных факторов космического полета.

Надо сказать, что Георгий Тимофеевич Береговой был для нас в некотором роде новым объектом. Во-первых, он был значительно старше своих предшественников, но лишь по возрасту, а не по состоянию своего организма.

Сначала расскажу, как готовился Береговой к встрече с невесомостью. Ведь длительная невесомость — это необычайно сложный и сильный раздражитель, который воздействует на все физиологические системы организма и в первую очередь на вестибулярный аппарат. Основным видом тренировки для Георгия Тимофеевича явилось пребывание и работа в условиях кратковременной невесомости, создаваемой на самолете.

По влиянию состояния невесомости на людей медики подразделяют их на три группы. К первой относятся те, кто в невесомости себя чувствует хорошо и не теряет работоспособности, ко второй — те, кто испытывает пространственные иллюзии, и к третьей — люди, испытывающие общую слабость, тошноту, теряющие работоспособность. Это деление, конечно, весьма условное.

Береговой относился к первой группе. В тренировочных полетах он выполнял все рабочие операции, необходимые для управления кораблем, поддержания связи и другой деятельности. Причем тренировки повторял многократно. Все это делалось под неослабным наблюдением врачей, контролировалось киносъемками. В этих полетах выяснилась высокая вестибулярная устойчивость Берегового. Георгий Тимофеевич совершенно не был подвержен укачиванию. Вот что он сам записал в бортовом журнале.

Врач-экспериментатор открывает тетрадь и читает: «Самочувствие в кратковременной невесомости было хорошее. Работа, которой занимаешься в это время, почти полностью отвлекает внимание от собственных ощущений и создает весьма четкое впечатление, что невесомость переносится заметно легче, чем в первые полеты».

— Во время кратковременной невесомости профессором Югановым исследовалась и устойчивость вестибулярного аппарата космонавта к угловым ускорениям,— продолжает рассказывать врач-экспериментатор.— Для этого в самолете было установлено вращающееся кресло. Береговой в него садился, принимал нужную позу, и, когда наступала невесомость, кресло вращалось. Обычно при этом у человека изменяется частота пульса, он либо бледнеет, либо краснеет. У Георгия Тимофеевича этих признаков не появлялось. Закрутить мы его, что называется, не могли. Этими экспериментами было установлено, что чувствительность вестибулярного аппарата у Георгия Берегового высокая.

Пришлось ему заниматься и физическими упражнениями в условиях невесомости. По заданию врачей он выполнял дозированную физическую нагрузку — растягивал эспандер. При этом выполнял работу, равную 100,8 кгм. В сравнении с той же работой, проделанной в горизонтальном полете, частота дыхания возрастала с 20 циклов в минуту до 26, а легочная вентиляция — с 18 до 25 литров в минуту. Естественно, пульс при физической нагрузке возрастал до 90 ударов в минуту, а частота дыхания — до 24 циклов в минуту. Следует отметить, что у Берегового, у одного из первых испытателей в условиях невесомости, было изучено мозговое кровообращение и кровенаполнение органов грудной клетки.

Многое ему дали и акробатические упражнения. Как известно, в вестибулярном аппарате, кроме отолитов, есть полукружные каналы. Для их тренировки Береговой в состоянии невесомости выполнял вращения вправо и влево (крутил «колесо»), переднее и заднее сальто и даже своеобразный высший пилотаж: поднимался к потолку восходящим штопором, делал бочки. И все это — с открытыми и закрытыми глазами, не теряя координации движений. Самочувствие его было хорошее.

Георгию Тимофеевичу были подобраны специальные физические упражнения, которые он должен был выполнять во время полета. В ходе этих упражнений работали все группы мышц. При спуске на Землю космонавта ждут высокие перегрузки, и организм может их хуже переносить. Чтобы этого не случилось, в полете нужны регулярные физзарядки.

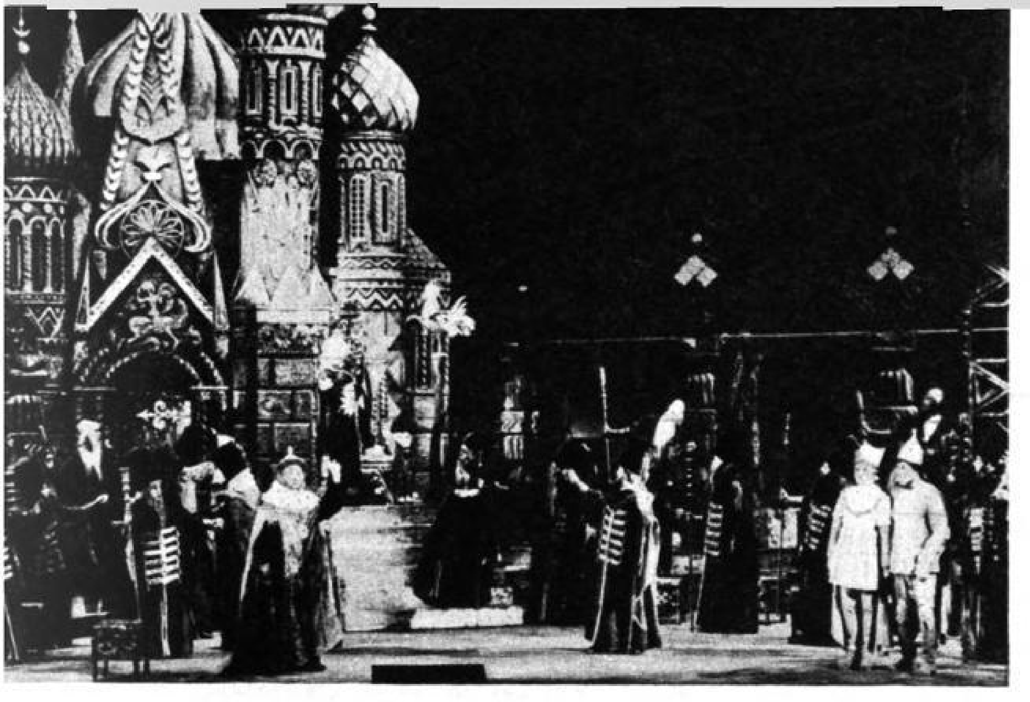
Входим в необычное помещение. Оно не велико. У стены кровать, в углу умывальник, посередине стол. Сначала не понимаешь, откуда берется какая-то необычность ощущений, овладевающих тобой в этой комнате, такое чувство, будто чего-то не хватает, и не сразу соображаешь — не хватает привычных шумов и звуков.

— Это сурдокамера,— объясняет наш спутник.— Здесь царит полная тишина, полная звукоизоляция от внешнего мира. Береговой провел в сурдокамере немало времени.

Осматриваем стенды и тренажеры, на которых Береговой готовился к полету. В термокамере он учился переносить жару, выполнять различные действия в условиях высокой температуры. На центрифуге на него «наваливалась» огромная перегрузка. При всех этих исследованиях и тренировках у Берегового был установлен высокий уровень функциональных возможностей организма и устойчивая эмоционально-волевая сфера.

В заключение подготовки Береговой в макете корабля «Союз» выполнил весь «полет» — от старта до посадки. Во время репетиции снимался физиологический фон организма космонавта: дыхание, пульс, электрокардиограмма, сейсмокардиограмма и т. д. Велось наблюдение и нервно-психической сферы космонавта. После «полёта» изучалась запись на магнитных пленках речи Берегового, записи, сделанные им в бортовом журнале.

В течение всего опыта общее состояние космонавта было хорошее. Сон крепкий, на аппетит не жаловался. Береговой всегда пунктуально выполнял распорядок дня. При этом проявил способность концентрировать на задании внимание, что подтверждало его высокую работоспособность. После заключительной тренировки в макете космического корабля «Союз» Береговой был тщательно обследован врачами. Мнение медицинской комиссии было единодушным: Георгий Тимофеевич Береговой к космическому рейсу готов.

Произведения русской классики с успехом идут в театрах всего мира. Недавно Будапештская государственная опера поставила новый спектакль — оперу Н. А. Римского-Корсакова «Золотой петушок». Спектакль, сцену из которого вы видите на фотографии, был тепло встречен музыкальной общественностью венгерской столицы.

Фото МТИ, ЦАФ, ТАСС, ЮПИ и В. Корочанцева (ТАСС)

Сейчас девушка поднимет флаг и даст старт машине с номером 7, которой предстоит пройти путь в десять тысяч миль от Лондона до Сиднея. Вместе с тремя своими собратьями «Москвич» капитана советской команды А. Ипатенко успешно преодолевает трудную и необычную трассу — настоящий автомобильный марафон.

Варшава. Большой интерес у жителей города вызвала выставка советской книги, организованная Польской академией наук и государственным научным издательством. На стендах — книги, изданные Академией наук СССР и Украинской академией наук.

Самолет японской компании «Джапан Эрлайнз» вместо обычного приземления... приводнился в бухту около Сан-Франциско. К счастью, никто не пострадал, и все 107 пассажиров были на катерах перевезены на берег.

Джеймс ОЛДРИДЖ

ЗА ИСТОРИЧЕСКИ-КЛАССОВЫЙ ПОДХОД К ЯВЛЕНИЯМ

В наши дни мало кто из интеллигентов на Западе принимает Киплинга всерьез как писателя, и для многих особенно одиозным стало его знаменитое стихотворение «Если». Заключенные в нем моральные декларации считают глуповатыми и далекими от жизни. Однако две строки в этом сугубо эмоциональном стихотворении имеют прямое отношение к западной интеллигенции, и ей не мешало бы к ним прислушаться. Это — самое начало стихотворения: «Если ты способен не растеряться, когда все вокруг тебя теряют голову и тебя же за это винят...»

В связи с мировыми событиями последних месяцев некоторые западные интеллигенты и прогрессивного и консервативного склада только и делают, что доказывают свою нелюбовь к Киплингу тем, что теряют голову и сваливают вину за это на других. Люди неглупые и осведомленные, люди, по-настоящему понимающие реальную ситуацию в мире, люди, которых, казалось бы, трудно ввести в заблуждение, внезапно отбросили всякую трезвость суждений и предались старым идеалистическим бредням, таким, как абстрактная «гуманность» и внеклассовая «демократия», «широкий взгляд на вещи» и «либерализм», «новый подход» и «реформированный» социализм.

Всем понятно, что я имею в виду кризис в Чехословакии, но я имею в виду также образ мышления, который уже существовал до того, как кризис в Чехословакии помог ему выявиться.

Если рассматривать интеллект как дар богов одной общественной группе, которой разрешено считать себя единственной и неповторимой и делать все, что ей угодно,— тогда нынешняя ситуация вполне объяснима. Но разве Маркс не опрокинул это представление об интеллигенции как о чем-то самодовлеющем? Разве пример Маркса не вызвал к жизни интеллигента нового типа, понимающего, что интеллект вверен ему для служения классу, который все создает, строит, производит, но пребывает в рабстве у системы эксплуатации?

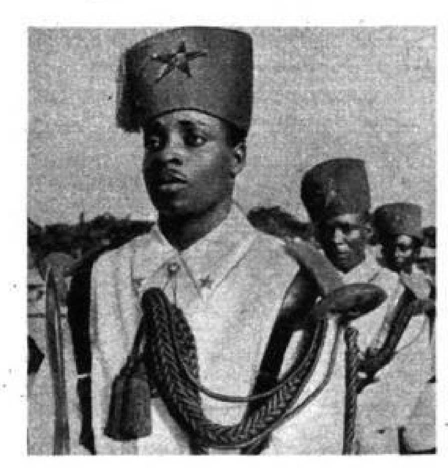
Многие современные интеллигенты так прочно забыли об этой своей миссии, что восстановить правильный взгляд на нее представляется нелегким. В наши дни надо быть очень глубоко мыслящим человеком, чтобы не упускать из виду классовую структуру общества. Она так изменилась, так затушевана, что осталась как будто только идея класса, в то время как сущность его для поверхностного глаза трудноуловима.

Разумеется, все это нельзя отнести к интеллигенции в целом, речь идет об определенных ее кругах, отошедших от подлинного марксизма. Выступления писателей, ученых, журналистов разных стран свидетельствуют о том, что серьезные, мыслящие интеллигенты и в наши дни трезво, с точки зрения реализма оценивают события современности.

Нынешняя ситуация обусловлена столькими факторами, что для ее понимания понадоби-

Санта-Исабель. Свой национальный флаг впервые поднимает сорок первое государство Африки — бывшая испанская колония Экваториальная Гвинея. В центре фотографии — первый президент страны Франсиско Масиас Нгуэма. Новое государство состоит из острова Фернандо-По и нескольких мелких островов и материковой части Рио-Муни. Площадь страны — 28 тысяч квадратных километров, население — 265 тысяч человек. Экономика Экваториальной Гвинеи, в которой почти два столетия хозяйничали испанские колонизаторы, носит слаборазвитый характер.

Один из солдат Экваториальной Гвинеи на церемонии празднования независимости.

ПОЕЗДКА К ДРУЗЬЯМ

С Кипра вернулась делегация Общества дружбы СССР — Кипр, которую возглавлял министр торговли РСФСР **Д. В. ПАВЛОВ**. Наш корреспондент **А. Игнатов** встретился с ним и взял у него интервью.

— Дмитрий Васильевич, с какими впечатлениями возвращаетесь вы с Кипра?

— Если коротко говорить, то с самыми хорошими. Это касается и меня и других членов нашей делегации. Мы гостили на Кипре семь дней по приглашению Кипро-советского общества дружбы, чтобы вместе с кипрской общественностью отпраздновать 51-ю годовщину Октябрьской революции. Мы приняли участие в многочисленных собраниях, причем не только в крупнейших городах — Никозии, Фамагусте, Лимасоле,— а иногда и в селах. Такие встречи повсюду собирали большое количество местных жителей. После официальной части устраивался небольшой концерт, в котором выступали молодые артисты советской эстрады, или же демонстрировался наш кинофильм.

В беседах с нами рабочие, крестьяне, представители интеллигенции единодушно благодарили Советский Союз за помощь в борьбе против империалистических интриг, направленных, в частности, на разжигание национальной вражды между проживающими на Кипре турками и греками и на раздел острова.

Между Советским Союзом и Кипром осуществляется всестороннее сотрудничество. Советский Союз закупает большое количество сельскохозяйственного сырья, цитрусовых, соки, табак, коньячный спирт. Значительные закупки традиционных товаров кипрского экспорта, осуществляемые нашей страной, позволяют сохранить и даже увеличить площади под цитрусовыми и виноградом, обеспечивая, таким образом, работой сотни и тысячи киприотов. Они это отлично понимают и высоко ценят.

— Из печати известно, что советская делегация встречалась с президентом Кипра. Как прошла эта встреча?

— Президент Кипра архиепископ Макариос принял нас на другой день после приезда. Беседа с ним была очень дружественной, откровенной. Она продолжалась полтора часа. Президент подчеркнул, что приезд нашей делегации будет способствовать дальнейшему укреплению дружбы между нашими народами. Он подробно рассказал о мерах, предпринимаемых правительством для улучшения жизненного уровня населения, преодоления напряженности в отношениях между греческой и турецкой общинами.

В нынешнем году на Кипре не было ни одного конфликта на национальной почве. Но обстановка продолжает оставаться напряженной. Необходимость содержать армию обходится молодому государству весьма дорого — три с половиной миллиона фунтов стерлингов.

Действительно, в ходе поездки по стране мы убедились, что люди мирно трудятся и в селах и в городах. Видели мы и работающих вместе турок и греков. И еще раз убедились в том, что «вражда» между ними — это явление, искусственно насаждаемое извне империалистическими силами, заинтересованными в обострении положения на Ближнем Востоке и осложнении жизни независимого Кипра, проводящего самостоятельную политику.

— Расскажите, пожалуйста, о деятельности Общества кипро-советской дружбы.

— Должен отметить, что у нас остались очень благоприятные впечатления о работе Общества кипро-советской дружбы. И это не только в столице, но и во многих городах и в целом ряде деревень, где есть отделения Общества. В него входят, как правило, известные люди — врачи, адвокаты, представители духовенства, но также много рабочих, крестьян. Общество проводит на предприятиях и в селах немалое количество лекций, бесед о нашей стране, о советской культуре.

Запомнилась встреча с одним из руководителей отделения Кипро-советского общества дружбы в Фамагусте, писателем Г. Ф. Пиеридисом. Он работает директором городской библиотеки. Мы видели на полках этой библиотеки книги русских и советских писателей — Л. Н. Толстого, А. Н. Толстого, А. М. Горького, М. А. Шолохова. Они пользуются большим спросом читателей, так же как и советская периодика. На втором этаже библиотеки устроена небольшая картинная галерея. В заключение дружеской встречи Г. Ф. Пиеридис подарил нам свою книгу «Жестокие времена». Она переведена на русский язык.

— Надеюсь,— сказал он,— что дружественные отношения между нашими странами будут и дальше развиваться и укрепляться. Искренне желаю этого.

Что ж, и этому пожеланию нельзя не присоединиться. Советской общественности близка жизнь, интересна история и культура дружественного народа Кипра.

На снимке: советская делегация на приеме у президента Кипра архиепископа Макариоса.

лось бы проанализировать все развитие капитализма после войны. Скажем только, что по мере того, как капитализм ловко приспособлялся к учению Маркса, некоторым марксистам становилось трудно распознать, где правда, а где ложь в повседневной политической практике. Иногда, например, капиталистический и социалистический образ мышления оспаривали друг у друга правильное понимание «либерализации». Некоторых марксистов удалось убедить в том, что существующие формы буржуазной демократии неуязвимы и несокрушимы и что парламентаризм и респектабельность — категории определяющие.

Этот «реформированный» марксизм впитал столько старых, изживших себя элементов домарксистского мышления, что остается только пожалеть, что Маркса нет в живых и он не может сам, в одном из своих великолепных припадков ярости, во весь голос возмутиться тем, что делается подчас его именем. Кажется, нет того аспекта марксистской идеологии и политики, который бы как-то не исказили, не изменили, не перекрасили. Среди «реформистов» бытует даже теория, будто имеется какой-то «национальный» марксизм, который каждая страна может использовать исключительно в своих нуждах.

Но чем более «национальным» становится этот «марксизм», тем более интернациональной становится реакция. Каждый без особого труда может заметить, как экономическая структура Западной Европы подчиняется все более тесному союзу международных монополий. В самом деле, когда Англия вступит в общий рынок, вся экономика Западной Европы окажется во владении и под контролем какого-нибудь десятка финансовых и промышленных концернов. Это — безусловно интернационализм, но не такой, какой нам нужен.

И политическая стратегия реакции теперь тоже планируется в международном масштабе. Это не просто работа отироованных организаций типа ЦРУ и подобных ему агентств в западноевропейских странах. Повсюду в Западной Европе существуют сейчас крупные учреждения, планирующие надолго вперед общеевропейскую политическую стратегию, основанную на глубоком и детальном анализе того, как функционирует социализм и как лучше всего к нему подступиться.

Применение силы оружия не стоит первым пунктом в программе этих учреждений, хотя, возможно, и является их конечной целью. В первую очередь они покушаются на самый характер социализма. Всякий стратег, естественно, учитывает и реальную обстановку и ее корни. И реальная задача для современной реакции как раз в том и состоит, чтобы подорвать идеологические корни социализма. Так, например, из урока событий в Венгрии реакция поняла, что в социалистической стране очень важно завладеть средствами связи и информации, но главное — нужно перетянуть на свою сторону, или развратить, или сбить с толку интеллигенцию.

Наши капиталисты научились также использовать Маркса для решения своих внутренних проблем. В Англии кто-то сказал, что лучшие английские марксисты — это банкиры лондонского Сити. Это почти так, потому что капиталистическая система располагает квалифицированным штатом людей, отлично понимающих данный Марксом анализ капитализма.

Но задача их — использовать марксистский анализ не для свержения системы эксплуатации, а для ее укрепления. Знание слабостей капиталистической системы, полученное ими от Маркса, они используют на то, чтобы подпирать эту систему, латать ее, подправлять и приспосабливать. И Маркса знают не только наши экономисты, но и наши политические эксперты. Оно и логично — всякая армия должна знать, что думает противник.

Кому же надлежит использовать марксизм ради правого дела? Кто не станет использовать труд этого великого ученого в целях частного обогащения? Кто использует эту научную теорию в интересах того класса, для помощи которому она была создана? Свобода, права человека, справедливость — все это Маркс понял совершенно по-новому. Подход его всегда был исторически-классовым. И всякий интеллигент, называющий себя марксистом, должен усвоить такой же подход, если не хочет лить воду на мельницу врага.

Когда этим летом иные наши интеллигенты потеряли голову, они заодно потеряли и свой марксизм. Будем надеяться, что потеря эта временная, но есть опасность, что, защищаясь от обвинений в ошибках, они будут отходить все дальше от марксистских позиций. Классовая позиция — единственно правильная не только во внутренних, но и в международных вопросах. Самое необходимое сейчас — это идеология, основанная на понимании того, что происходит в мире.

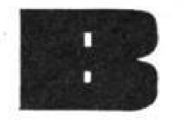
Журнал «Иностранная литература»
№ 11 за 1968 год.

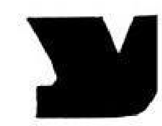
ЦК КПСС и Совет Министров СССР рассмотрели вопрос о мерах по дальнейшему укреплению советской милиции. Принято постановление по этому вопросу. Президиум Верховного Совета СССР переименовал союзно-республиканское Министерство охраны общественного порядка СССР в союзно-республиканское Министерство внутренних дел СССР.

Перед выездом на задание.

Наши специальные корреспонденты ведут репортаж с учений волгоградской милиции.

ТЯЖЕЛО

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ и К. БАРЫКИН

Речная милиция. Срочный вызов. Собраться, отойти от причала — считанные минуты...

...Второй день учений в Волгограде поначалу не сулил ничего непредвиденного. Разделенные на несколько игровых коллективов, офицеры милиции искали наилучшие решения задач, которые, хотя и составлялись заранее, начало свое брали в неожиданностях повседневной практики. К каскаду все новых заданий стали привыкать. Выполняли их быстро и четко. И новая команда комиссара милиции второго ранга И. А. Глебова была принята сначала лишь как одна из таких плановых неожиданностей. Но уже через минуту стало ясно: речь идет о деле, планом учений не предусмотренном.

— Из мест заключения бежали два рецидивиста. Сейчас они, как предполагается, находятся в нашей области. Первому игровому коллективу разработать план поимки...

Сообщили оперативные данные, на стол легли листы с описанием примет бежавших. Где они? Да и в области ли? Десятки самолетных рейсов, еще больше железнодорожных и автобусных маршрутов. Иголка в стоге сена... Поиск начался, вклинившись в учения, сделав их еще более напряженными...

А они тем временем шли своим чередом.

...Об ограблении знали, кажется, только заведующий сберкассой да сами «налетчики». Они ворвались в помещение. Обрез и пистолет — оружие нешуточное. Но одна из работниц сберкассы все же успела нажать кнопку тревоги. И когда через несколько минут «грабители» выходили из здания, оно уже было оцеплено милицейским нарядом.

Волгоградская милиция четко сработала и на этот раз, как и несколько недель назад, когда не на учении, а в действительности настоящие грабители сделали налет на сберкассу. Тамара Александровна Соломатина в ту минуту оставалась одна — она и доверенные ей деньги. И вдруг: «Руки вверх!» Сигнал тревоги сработал мгновенно. Но девушка знала, что милиция сможет приехать лишь минут через десять. И сотрудница сберкассы вступила в единоборство с налетчиками. Была ранена, но своей отвагой, находчивостью помогла предотвратить ограбление, поймать воров. Начальник областного управления наградил ее именными часами...

Машина минует городскую черту, выезжает за город, но скоро мы снова оказываемся в центре Волгограда. Тут, в поле,— копия нескольких его кварталов. Те же улицы, переулки. Сегодня отрабатывается взаимодействие различных подразделений милиции в условиях сложной оперативной обстановки. Предстоит еще раз проверить новую технику, отшлифовать индивидуальное мастерство каждого сотрудника милиции — от рядовых до руководителей управления...

Инженер Валерий Павлович Басинский — заместитель руководителя оперативно-технического отдела волгоградского управления. Раньше он работал на одном из крупных волгоградских заводов, а теперь здесь, в милиции. В хозяйстве управления немало машин, приборов, механизмов, и одному специалисту во всем этом трудно разобраться. Здесь работают химики и физики, криминологи и инженеры. Техника берет на себя безошибочное решение самых

Дежурная часть волгоградской милиции.

ЧЕНЬЕ...

разных задач — от определения траектории полета пули до установления подделки лотерейного билета. Ведь и такое бывает. Во всяком случае, было. Некто Слепов пытался предъявить в различные сберегательные кассы Волгограда очень уж удачливые лотерейные билеты. Один из них — № 113, серия 44702,— работникам сберкассы показался подозрительным. Он был направлен криминалистам на экспертизу. Установили, что «0» просматривается иначе, лучше, чем остальные цифры. Оказалось, что этот богатый ноль — он-то и делал билет выигрышным — ловко переделан из девятки. Карьера фальшивобилетчика завершилась довольно быстро. Доигрался!..

Будни милиции полны самых неожиданных ситуаций. Учения помогают вырабатывать навыки, быстро разбираться в сложных преступлениях, без промедления принимать необходимые решения. В наши дни поиском преступника занимаются люди, владеющие приборами и машинами, которые способны молниеносно рассчитать десятки самых разных вариантов операции, провести тщательную экспертизу, взять на себя почти всю техническую работу... Вот эта насыщенность техникой, пожалуй, одна из самых характерных примет учений. Все происходило так, как это бывает в жизни.

На полигоне, где свое мастерство и выучку демонстрировали многие подразделения, вдруг возник пожар. «Вдруг» — для пожарных. А для многих огневое столпотворение, разразившееся над наскоро возведенным сооружением, было предусмотрено. Пожар начался, слышны тревожные сирены приближающихся машин, а масло в огонь все подливали — опрокинута двухсотлитровая бочка мазута. Пенные огнетушители обволокли горящее сооружение непроницаемым для огня пологом, белой, вязкой массой. И пожар захлебнулся...

А в это время к руководившему учениями заместителю начальника управления подполковнику А. П. Дронову подошел офицер угрозыска и доложил:

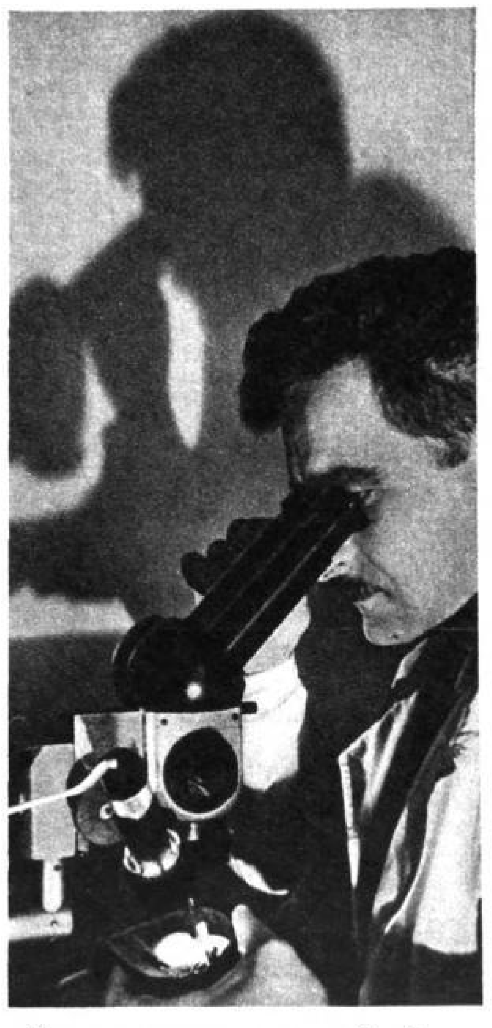
— Бежавшие преступники пойманы...

Так жизнь перемежалась с учениями, дополняя их, внося в них свои коррективы.

* * *

— Учения волгоградской милиции — дело новое для ряда областных управлений внутренних дел,— сказал нам заместитель министра внутренних дел СССР Б. Т. ШУМИЛИН.— Мы провели учения с руководящими работниками органов МВД, и польза, которую они принесли, сказывается уже сейчас. Это хорошая форма подготовки кадров. Поэтому решено проводить такие учения и в областях, чтобы продолжить коллективный поиск ответа на наиболее часто встречающиеся в нашей практике вопросы. На этих учениях изучается и осваивается новая техника, средства связи, отрабатываются динамично, творчески составленные модели, которые позволяют эффективнее бороться с преступностью, повышать культуру сотрудников, прививать им необходимые навыки.

Учения — составная, очень важная часть осуществляемой сейчас работы по подготовке кадров.

Эксперт-криминалист за работой.

ПИСАТЕЛЬ-КОММУНИСТ

К 70-летию со дня рождения Ю. Либединского

«Какими словами рассказать мне о нас, о нашей жизни и о нашей борьбе?» — эти слова открывают первую повесть Юрия Николаевича Либединского «Неделя». Он написал ее двадцатидвухлетним юношей. Это была первая книга о коммунистах, людях новой формации.

Небольшая повесть полюбилась читателям — и советским и зарубежным. Анри Барбюс написал о ней: «Революция, увиденная революцией».

Либединский детство свое провел в Челябинске. Родился он 10 декабря 1898 года. Окончив реальное училище в 1918 году, Юрий Николаевич идет на фронт гражданской войны. В 1920 году вступает в партию.

После окончания гражданской войны он возвратился в Челябинск и поступил на службу в политотдел губвоенкомата, где заведовал краткосрочной политшколой. Потом переезжает в Москву и работает в Высшей военной школе связи.

Занятость литературной работой вынудила Либединского демобилизоваться. Некоторое время он сотрудничает в журнале «Молодая гвардия» — там напечатана его повесть «Завтра».

Но Юрий Николаевич был человеком удивительно придирчивым к самому себе. Он никогда не удовлетворялся тем, что делал и писал. Чтобы глубже окунуться в жизнь, Либединский попросил Московский комитет партии направить его в заводскую партячейку, где он ведет пропагандистские кружки и работает рабкором. Там-то и родилась его книга «Комиссары».

В дни Великой Отечественной войны Либединский вступил в народное ополчение, работал в военной газете «Красный воин», написал рассказы «Гвардейцы», «Ополченцы».

После войны вышли в свет его романы «Утро Советов», «Зарево», «Пушка Югова», цикл литературно - критических статей. Книги воспоминаний «Воспитание души» и «Связь времен» опубликованы после смерти писателя.

Замечательный советский прозаик и публицист Юрий Николаевич Либединский всю жизнь искал слова, чтобы рассказать людям о коммунистах и о революции, активным участником которой он был и в торжество которой свято верил до последнего своего часа.

Н. НИКОЛАЕВА

Валаам

М. БАБИКОВ

Тихоходный ботик, поскрипывая дощатой обшивкой старенького корпуса и натруженно гремя изношенной машиной, неторопливо пробирался по проливам мимо многочисленных островков у северного побережья Ладоги. Палуба суденышка завалена ящиками, бочками, кирпичом и множеством другого груза. Над этим беспорядком — две мачты с реями и с туго оттянутыми к бортам вантами. Когда-то, видно, считалось, что ботик при нужде должен ходить и под парусами, но теперь команда больше надеется на машину, а потому и паруса давным-давно вычеркнуты из перечня бортового имущества. Да и ставить их некому, в экипаже два человека: капитан, он же рулевой, да моторист, который то подменяет у штурвала капитана, то принимает и подает концы при швартовке.

Погода на редкость отменная — золотая осень. Тепло, солнечно. В кубрик спускаться не хочется: там неуютно, не прибрано и не топлено. Через зеленое стекло маленьких иллюминаторов чуть-чуть пробивается тусклый свет. На камбузе нет даже кипятку: команда живет на берегу, приходит на судно только перед рейсом.

Поев копченой рыбы и свежих огурцов, мы с председателем Сортавальского райисполкома Алексеем Алексеевичем Тхоржевским присели на бухту толстого каната и неспешно беседуем, любуясь живописными берегами, говорим об истории здешних мест, о кипевших когда-то в дальней и ближней округе буйных страстях... Уважают горожане Алексея Алексеевича за простоту и доступность. Работает он в этих местах много лет, всем сердцем привязан к озерному и каменистому краю, любит здешнюю природу.

Слева, за зеленой зубчатой стеной леса, взметнулись в небо трубы Питкяранты. Желтовато-серый дым тянется в сторону озера. Снуют моторные лодки, одни скрываются в проливах и бухтах, другие возвращаются в Сортавалу.

— Много тут рыбаков?— спрашиваю Тхоржевского.

— Любителей немало. Редкий житель Сортавалы не ходит на рыбалку. И не только летом, но и зимой. Увлечение подледным ловом захватило многих и в Карелии.

— А судов промыслового флота почему-то не видно. Может, в других местах ловят? Время как раз для хорошей осенней путины,— продолжаю допытываться у собеседника.

— Сезон-то рыболовный, да рыбы ловиться стало мало. Скудеет озеро. Промысловик подолгу сидит без дела. Остался только любитель, ловят помаленьку для своих надобностей. Даже на рынок вынести нечего.

— Славилась раньше Ладога рыбой... Много было сига, ряпушки, ловили язей. Слыхал я, что и стерлядь была разведена. Неужели так обловили?

— Ловили, конечно, и часто без разбору. Но не в том дело. На воде, в рыбном деле, хозяйствовать надо тоже с умом, жить не сегодняшним днем, а заботиться о будущем. Очень уж много сбрасывaем в озеро неочищенной воды. Загрязнили многие нерестилища...

— А с виду вода чистая. Вон от бортов волна отливает синеватая, не то что в реках — желтая да мутная.

— Это она кажется такой. А возьми на пробу — сразу узнаешь, сколько убийственных отбросов в нее попадает через трубы и речушки.

За разговором об окрестных местах, о некогда обильном рыболовстве на озере время проходит незаметно. Прибрежные островки остались далеко за кормой. Ботик наш покачивается уже на просторе. Перед нами неоглядная, как море, ширь. Только далеко впереди вздыбился и как бы висит над водой прорезанный сплошной светлой полоской Валаам.

Еще в Петрозаводске, перед выездом в Сортавалу, мне советовали непременно посетить этот остров. Туристы, говорят, туда валом валят. Влечет их и титаническая красота древних ледниковых нагромождений, и полная драматических событий история — седая старина, уходящая в глубь веков. Почти сто тысяч экскурсантов и отдыхающих приезжают на Валаам за год.

Ступая на эту землю, как бы прикасаешься к чему-то настолько замшелому и поседевшему, к такой древней старине, какой нам кажется Русь времен походов Игоря и зарождения городов на владимирском Ополье. Писаная история Валаама насчитывает лет восемьсот, а изустные рассказы и легенды уходят даже в предшествующее тысячелетие. Предприимчивые, охочие на открытие дальних стран новгородцы еще на заре своего вольного города считали эти края своими, а на Валааме возвели поселения и сторожевые посты.

До острова еще километров десять, над копной его лесов отчетливо вырисовываются шпиль колокольни и церковные купола. Прямо на них и правит наш рулевой: издавна примечен этот ориентир. Ботик вползает в узкую горловину Монастырского пролива. С обоих бортов нависли над нами крутые скалы, по этой расщелине пробираемся в глубину пролива, оставляя слева от себя островок с церквушкой, прилепившейся к массивным каменным постройкам. Это Никольский островок, а церковь на нем — Никольская — покровителя моряков. Переходный мостик с этого островка ведет на большой остров. Прямо по середине фарватера высунулась из воды отшлифованная до блеска волнами небольшая скала, а на ней вешка-маячок с сигнальным фонарем заставляет рулевого круто взять руль вправо и почти прижаться бортом к отвесной скале. Это берег Скитского острова.

Пролив, освещенный солнцем, сам собою просится на полотно художника. Мы медленно-медленно как бы вползаем в загадочный грот. Тут совершенно тихо, дорогу ветру преграждают островки и повороты, вода кажется застывшей. На угрюмых камнях пятнами зеленеет трава, на валунах седые мхи, а между ними увядающие луговые цветы. Красив Монастырский пролив, но знатоки считают, что куда живописнее его Московский, Железняковский и Баиновский заливы.

И сам Валаам и другие острова на озере неизменно привлекают художников. От небольшой пристани, сплошь заваленной кирпичом, цементом, металлом, трубами, множеством бочек, мощенная булыжником дорога взбегает по некогда крутому склону к монастырским стенам. Невдалеке от главных монастырских ворот стоит обелиск с именами известных деятелей, некогда посетивших Валаам: П. И. Чайковский, И. И. Шишкин, Р. Кент...

Мощные стены образуют крепостной пояс вокруг церквей, жилых, бытовых построек, прижавшихся друг к другу. Тут и сводчатые комнаты — кельи монахов, и трапезные для братии, и настоятельские покои, и палаты для именитых сановных паломников, и лечебница с аптекой, где снадобья изготовлялись из лекарственных трав. В северной части внешнего четырехугольника размещены мастерские. И в старое время тут были прачечная, баня, кузница, сюда подавалась паровой машиной вода из колодца, выведенного на большой глубине в Монастырский пролив. Колодец этот строили в прошлом веке, взрывая скальную породу порохом. В нынешнее время к старым постройкам добавились электростанция, пилорама и различные склады.

Зашли в школу, в поселковый Совет, в библиотеку. На первый взгляд все тут знакомое, много раз виденное — и парты, и классная доска, и ряды книг на стеллажах, и канцелярская утварь в Совете. И все же подсознательное, трудноуловимое чувство несовместимости невольно заставляет сравнивать начинку и оболочку. Так и кажется, что какой-то нынешний горожанин в короткополом пальто влез в колымагу петровских времен. Угрюмые, тяжеловесные своды зданий, темноватые комнаты, сделанные на века, невольно заставляют разговаривать вполголоса, приглушают желание посмеяться и пошутить, как бы настраивают на ту сумеречную молчаливость, которая царила тут столетиями.

Архитектор, размышляя над застройкой Валаама, наверное, задумывал его как сторожевую крепость. И он нашел удачное решение. Он так расставил все постройки, что получился двойной четырехугольник, который был способен выдержать не только длительную осаду, но позволял упорно драться с неприятелем и внутри крепостного пояса.

В центре, на площади, возвышается самое крупное и видимое издали сооружение на острове — соборная Преображенская церковь. Этот пятиглавый собор стоит третье столетие. Хоры, иконостас своей внушительностью и величием, наверное, не могли не поражать богомольца. Вот они, следы богатейшей росписи. Она сохранилась только местами. Неумолимое время, а главное, небрежное содержание, сырость и резкие колебания температуры

Н. Богданов-Бельский. УСТНЫЙ СЧЕТ. 1895.

Государственная Третьяковская галерея.

Н. Богданов-Бельский. ПОДРУГИ.

безнадежно испортили множество интереснейших творений мастеров северной иконописи. Часть икон свалена в подвалах, в нижнем этаже собора.

Венчает собор двадцатипятиметровая колокольня. Она-то и служит маяком для плывущих по северной Ладоге судов. Отсюда, с высоты птичьего полета, хорошо видна панорама бывшего монастыря, отчетливо просматриваются не только ближние, но и окраинные владения на острове. А к собору примыкает Успенская церковь. В ней нынешние островитяне соорудили себе клуб.

В древнюю пору остров был почти непригоден для земледелия. Гранитные скалы и валуны, в расщелинах — красноватая осыпь от разрушающихся каменных пород, мшистые заболоченности в низинах почти не оставляли места для хлебопашества. Веками приписанные к монастырю крестьяне из окрестных уездов на материке, тысячи богомольцев, трудившихся на монастырь по обету, облагораживали эту неживую, непокорную гранитную глыбу и сделали ее плодоносящей. С материка на лодках завозили почву, смешивали с торфом, засыпали южные, хорошо прогреваемые солнцем склоны. Выжигали чащу, кустарники, пускали на удобрение золу. Проложили по острову каналы и осушительные канавы, спустили застоялую воду с заводей. И земля стала вознаграждать людей за труд урожаями. Историк свидетельствует: рожь, бывало, уродится сам-десять, а то и сам-шестнадцать! Ячмень и овес — похуже. Много собирали моркови, свеклы, картофеля, капусты, лука, огурцов. До чего, кажись, тут скупая земля, а арбузы успевали набрать весу до восьми килограммов, а дыни нередко случались трехкилограммовые. Сеяли не только хлеб и овощи, с годами на привозном грунте подняли сады, вырастили ягодники. Своих яблок — белого налива, антоновских, анисовых, апорта — запасали на целый год. Из своего же урожая подавались к столу вишни, сливы, груши. Нечего и говорить про крыжовник, малину и смородину — для них тутошний климат тем более не помеха. Сады эти и поныне плодоносят. Долгие годы большими трудами на твердокаменном острове люди подняли ботанический сад. Более шестидесяти видов деревьев сгрудились на небольшом клочке земли. Тут и кедры, и каштаны, и пихта, и лиственница, тут можно видеть дубы, липы, тополя, вязы, орешник.

Столетия отшумели у древних монастырских стен. На заре нынешнего тысячелетия вольные новгородцы, рассылавшие своих мореплавателей и землепроходцев по широким северным рекам за Камень, как тогда они называли седой Урал, и на Грумант через заледенелое море, выставляли на поморских и приграничных землях свои сторожевые посты, строили крепости и оберегали их боевыми дружинами от разорительных набегов заморских рыцарей, возводили новые поселения и монастыри. Властительный город подчинил обширные северные земли, далеко за море проложил торговые пути. Держать в безопасности и повиновении эти земли, отбивать у недругов охоту к разбоям и грабежам стоило больших трудов. И волей-неволей приходилось опоясывать владения многими крепостями-дозорами. Такой сторожевой крепостью на пути через Ладогу поднялся и Валаам. Островитяне первыми встречали чужестранные войска, стойко держались в осаде, не позволяли врагу врасплох подобраться к большим русским городам и крепостям.

Войны наносили урон Валааму. Не однажды он страдал и от стихии. Выгорал при опустошительных пожарах, терпел бедствия от ураганов, безлюдел от моровых болезней. Но проходило короткое время — и он вставал из пепла и развалин! Мастеровые русские люди восстанавливали пострадавшие строения, возводили новые. Труда народного вложено в Валаам немало. Соборы и крепости, подземные переходы, дороги и каналы строили не монахи. Ухаживали за скотом, выращивали хлеб и овощи, косили сено на обширных лугах, ловили рыбу, содержали большое монастырское хозяйство тоже не они. Во всех этих поднятых на высоту десятков метров каменных глыбах, в водоподъемных устройствах, в росписи стен — великое трудолюбие русского народа.

С годами монастырь разбогател, разросся, прибрал к своим рукам всю ближайшую округу. И тогда монастырская братия устремила свои взоры в края весьма отдаленные. Монахи отправились в дальнее путешествие к восточным рубежам России. Добрались до Чукотки, основали свои поселения на Алеутских островах, переправились и на Аляску...

Пока мы ходили по острову, слушали рассказы о том, что было да прошло, любовались творениями, воздвигнутыми в давнюю пору, день склонился к вечеру. Легенды, занимательная история Валаама остались позади. Время, только что уносившее нас на столетия назад, лицом к лицу свело с нынешними заботами и нуждами острова. Теперешний Валаам живет жизнью размеренной, спокойной. К нему, как и исстари, сохранилась торная тропа паломничества. Только едут теперь сюда не на богомолье. Нынешних приезжих зовет на остров природа, им хочется своими глазами посмотреть на дело рук предков — мастеровых людей русского Севера.

Коротко время у командированного... И нам настала пора возвращаться в Сортавалу. Ботик наш снова ворчливо постукивает своей машиной. Завернули в бухту Московского залива. К причалу приткнулись теплоходы. На тропинках, среди деревьев, возле старого скита приезжие отдыхают от шума большого города на Неве...

Присел я на какой-то ящик и задумался. Впечатлений много. Нет-нет да и приходит в голову то, о чем говорили нам ленинградцы. Просили поговорить об этом, где следует... Несоизмерим интерес к острову с тем, что он сегодня может предложить туристу. Не худо бы подумать о некоторых удобствах для приезжих. Гостиницу бы расширить, получше ее оборудовать. Кафе бы, чайную на старинный манер с рыбной кухней открыть. Фотоателье пристроить, чтобы было где экскурсанту с фотоаппаратом справить свои немудрящие дела. Палатку бы с сувенирами, с книгами о Валааме открыть. Какой будет доход! И когда я рассказал об этом в Петрозаводске, мне ответили, что там давно обо всем этом думают, и даже большими планами поделились, а было в этих планах куда больше размаха, чем имели в виду хозяева острова.

Попутный ветер подгонял наш ботик к берегу. А позади реденькими огоньками все еще посвечивал Валаам...

На одной из кафедр академии. Занятие по технике связи.

ПРАВОФЛАНГОВЫЕ

Ввиду того, что ликвидация Военной Академии или же преобразование ее в высшее учебное заведение гражданского типа совершенно не соответствует ни видам правительства, ни потребностям времени, Вам предлагается немедленно же задержать Ваше распоряжение от 9-го сего марта за № 2735 на имя Начальника Николаевской Военной Академии и предварительно представить в Совнарком Ваш проект реорганизации Николаевской Военной Академии.

О выполнении сего довести до сведения Председателя Совета Народных Комиссаров.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

Так писал В. И. Ленин Главному комиссару всех военных учебных заведений 10 марта 1918 года, а 8 декабря того же года состоялось открытие первой советской военной академии, носящей теперь имя Михаила Васильевича Фрунзе.

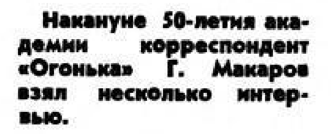
За заслуги в подготовке высококвалифицированных командиров Советской Армии академия награждена орденами Ленина, Красного Знамени и Суворова 1-й степени.

Во главе каждого военного парада на Красной площади проходят фрунзевцы.

Фрунзевцы в строю.

Накануне 50-летия академии корреспондент «Огонька» Г. Макаров взял несколько интервью.

Слово воспитаннику академии, заместителю министра обороны СССР, Маршалу Советского Союза П. Ф. БАТИЦКОМУ

— Пребывание в академии оставило неизгладимый след в моей жизни. Здесь я стал членом Коммунистической партии. Душой нашей группы был секретарь партийной организации Александр Семенович Панюшкин. Наша учеба и наша последующая деятельность были проникнуты идеями марксизма-ленинизма.

Никогда не забуду друзей, с которыми делил радости и преодолевал трудности. Передо мной, словно живой, стоит Александр Кичкайлов, командовавший стрелковой дивизией во время Великой Отечественной войны, храбрец, геройски погибший под Мгой. В стенах академии жизнь подарила мне таких замечательных товарищей, как генералы Басан Бадьминович Городовиков, Алексей Иванович Радзиевский, Алексей Иванович Хвостов и многие другие. Академия буквально сроднила нас.

Мы благодарны нашим педагогам. Крупные специалисты, энтузиасты своего дела генералы Шабанов, Зиберов, ученый-артиллерист Гриндаль и их коллеги сумели привить нам любовь к делу, которому мы посвятили жизнь.

Слушатели нашей группы всегда с благодарностью будут вспоминать коммуниста, представителя старшего поколения военных конармейца генерала Зиберова. Без митингований и нажимов, но настойчиво учил он нас разбираться в делах и политике партии, прививал нам любовь к Родине и ненависть к врагам революции.

Академия научила нас глубоко анализировать вопросы военного искусства. Здесь от нас требовали самостоятельности, умения принимать инициативные решения. Великая Отечественная война подтвердила правильность таких требований.

Воспитанные на опыте старших товарищей, закаленные партией, выпускники академии, где бы они ни оказались, всегда с честью выполняли свои задачи.

Три вопроса начальнику академии генералу армии А. Т. СТУЧЕНКО

1. ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ АКАДЕМИЯ ИМЕНИ М. В. ФРУНЗЕ ОТ ДРУГИХ ВЫСШИХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СОВЕТСКОЙ АРМИИ?

— Главным образом тем, что другие академии готовят специалистов того или иного рода войск или специальных войск, а наша академия готовит общевойсковых офицеров командно-штабного профиля, которые являются основными организаторами боя и операции, а в этих боевых действиях используются все рода войск и специальные войска.

Объединить усилия всех этих разнообразных и мощных средств и умело направлять их действия к единой цели — разгрому противника — может только высокообразованный общевойсковой командир-единоначальник. Таких командиров и готовит Академия имени М. В. Фрунзе.

2. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ АКАДЕМИИ.

— Академия имени М. В. Фрунзе — первое высшее военное учебное заведение первого в мире социалистического государства, созданное по личному указанию В. И. Ленина в 1918 году.

Выполняя свою главную задачу, академия послала на фронты гражданской войны большой отряд талантливых военачальников. За годы Великой Отечественной войны подготовила для Красной Армии около 11 тысяч командиров. Многие воспитанники академии стали выдающимися полководцами. Всему советскому народу и за пределами нашей Родины известны имена питомцев академии, прославленных Маршалов Советского Союза И. Х. Баграмяна, С. С. Бирюзова, С. М. Буденного, Л. А. Говорова, А. А. Гречко, И. С. Конева, К. А. Мерецкова, К. К. Рокоссовского, В. Д. Соколовского, Ф. И. Толбухина, В. И. Чуйкова и многих других.

И сейчас академия продолжает готовить общевойсковых офицеров сухопутных войск Советской Армии, одновременно обучает командиров для армий стран социалистического лагеря.

3. ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О РОЛИ АКАДЕМИИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ВОЕННО-НАУЧНОЙ МЫСЛИ?

— Первое военно-научное общество нашей армии было организовано в академии еще в годы гражданской войны. Большой шаг в развитии советской военной науки сделала академия под руководством ее начальника, выдающегося полководца и теоретика Красной Армии, видного деятеля Коммунистической партии, соратника В. И. Ленина — М. В. Фрунзе. Наш научный коллектив принимал активное участие в развитии военно-научной мысли на всех этапах строительства Советских Вооруженных Сил.

Подполковника Болгарской Народной Армии Димитра СЕИЗОВА мы спросили:

— КАК, НА ВАШ ВЗГЛЯД, СПОСОБСТВУЕТ БОЕВОЕ СОДРУЖЕСТВО АРМИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ДРУЖБЕ МЕЖДУ НАШИМИ НАРОДАМИ?

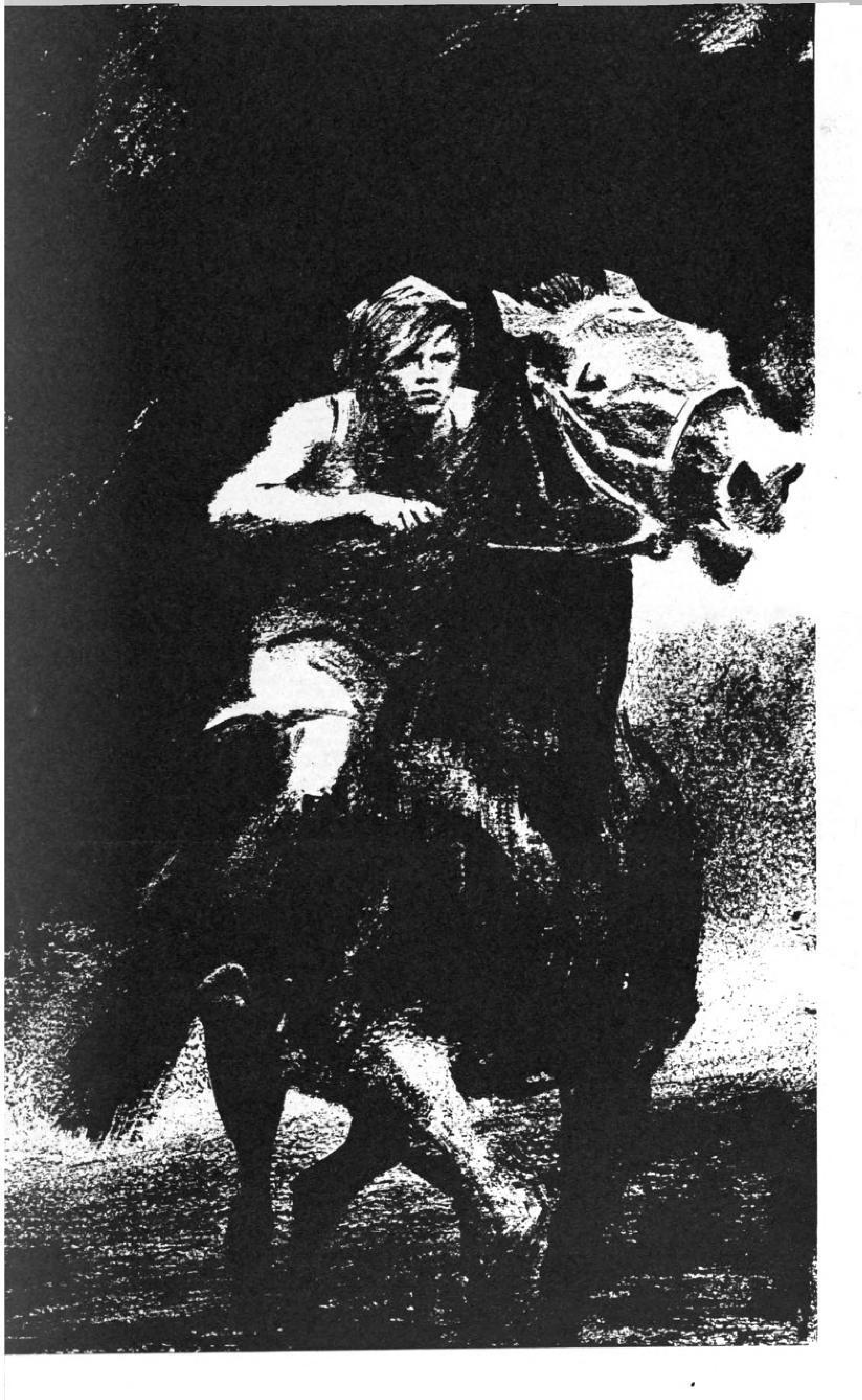
— Опорой социалистического лагеря является мощь Советской Армии. Боевое содружество офицеров стран социализма, обучающихся в академии, носящей имя великого полководца Фрунзе, является звеном великой дружбы народов наших стран. Все мы братья по классу и друзья по оружию. Георгий Димитров говорил, что дружба с Советским Союзом необходима нам, как солнце и воздух каждому живому организму. Недаром для нас, болгар, святыми остаются слова «Шипка» и «дядо Иван» — так наши деды называли русских солдат.

●

На вопрос, что привело его в число слушателей академии, отвечает первокурсник капитан Г. Н. БОГАЕВ

— Человек, посвятивший жизнь Вооруженным Силам, не должен останавливаться на полпути. Учиться в Академии имени М. В. Фрунзе, в которой в свое время учились выдающиеся полководцы нашей Родины, идти их путем, следовать их славным боевым традициям — мечта, вероятно, многих советских офицеров. И я не исключение из их числа.

Стук копыт гулом прошел по окнам поселка и вырвался в степь, но никто из спящих за окнами людей и не подумал проснуться, а тем более удивиться ему. Здесь, в этой табунной степи, чуть ли не у всех людей жизнь проходит в седле. И мало ли кому и по какой надобности сейчас нужно ехать верхом, скажем, на самое дальнее отделение конезавода или еще куда! А то, может, кто и возвращается от своей возлюбленной, от невесты или молодой вдовы, и от подмывающего его счастливого веселья озорует — вон как гонит коня!

Думала ли она, что вот так будет скакать за ним в погоню на его же коне! И выходит, значит, что сперва она сына у него украла, а теперь коня. И на нем же к нему и спешит.

«Ты лети, лети, мой конь, через чисто поле»,— любил когда-то петь ее отец старую казачью песню. Лети, мой *жалкий*, мой тпруженька. Твой хозяин и не ждет нас сейчас, он думает, что никто его не станет искать и никому он, кроме этой цыганки Насти, не нужен на земле. А *степя* здесь и правда ровные, днем здесь кругом на все стороны видно, а сейчас — одну только эту звездочку, ягори. Могла ли она еще три дня назад представить себе там, в хуторе, что будет вот так почти *телешом* скакать верхом ночью по чужой степи?.. Если бы ей самой сказал кто-нибудь она бы засмеялась ему в лицо. И что на его же коне она будет скакать к нему! Ваня и Нюра, посмотрели бы вы сейчас на свою мать. Рубашка сбилась у нее выше колен, и, спасибо, темная ночь от нее же самой прикрывает весь этот срам. А растрепавшиеся волосы так и вьются вокруг головы. И все ради этой рдяной звездочки, этого жаркого цветка, который встречно разрастается, приближаясь к ней из степи.

Ты лети, лети, мой тпруженька! Но он как будто и сам понимает, к кому ее везет, его не надо понукать. По обочинам дороги уносятся назад какие-то деревья, столбы, стога. И уже не так стало душно, и вся ночь пропахла одним только молодым сеном. Где-то здесь, в степи, и он пасет свой табун на этом коне. «Ты лети, лети...»

Самого, должно быть, быстрого и умного выбрал себе из табуна. Конь донской, а хозяин у него цыган. И ничего не нужно ему приказывать, сам понимает, что пора уже сворачивать с большого шляха на проследок, наторенный редкими машинами и подводами по траве, туда, где тонкими колеблющимися стеблями ветвится пламя костра. Знает, где своего хозяина искать. В самую степную глушь она его завезла, хоть кричи. Думала, что там уже никто не станет его искать.

...Ну, а теперь ты уже скачи, пожалуйста, потише, тпруженька,— так и не знаю, как тебя звать,— а то копыта у тебя, как весенний гром. Так и катится по степи. И негде ему задержаться, не за что зацепиться на этой *ровени*, недаром же здесь выгуливаются табуны. Ни холмика, не говоря уже о том, чтобы какой-нибудь курган. Это тебе не по правому берегу Дона, где они, как какие-то большие птицы со смеженными крыльями, стоят.

Нет, вот там, правее костра, кажется, тоже темнеет и тускло серебрится полынью что-то *наподобие* курганчика или какого-то бугра. Вот мы, тпруженька, давай к нему и свернем и заедем к ихнему ягори с той стороны. И чтобы по бездорожью, по мягкой траве. Еще тише иди, умница, а теперь стой! Привязать тебя тут не за что, но все-таки мы придавим конец твоего повода этим валуном, и, смотри ты, стой совсем смирнехонько, не навостряй уши на голос своего хозяина и не вздумай, по-

Анатолий КАЛИНИН

ЦЫГ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Окончание.
См. «Огонек» №№ 47—49.

жалуйста, ударить копытом или же, еще чего доброго, заржать. Теперь они тут от нас совсем рядом, прямо за курганом, и хозяин твой голос может узнать. Трава тут прямо под тобой, щипи ее сколько хочешь, а я полезу наверх.

* * *

— Ты слышал, Будулай, кажется, вроде лошадь проскакала.

— Должно быть, кто из табунщиков едет из поселка, загулял. Да мало ли кто может ехать!

— Но сейчас уже не слышно.

— А то еще бывает, Настя, отобьется от табуна какой-нибудь недоросток и шляется по степи, пока его не найдут.

Сверху, из-за тупой, округлой вершины курганчика, хорошо видны и сам костер и весь зыбко очерченный его пламенем круг полусвета-полумглы. Жарко и ярко горит к у р а й, клубки которого ветер нагреб к подножию кургана с той стороны — надо только руку протянуть за черту красновато-синего круга. И Будулай, который, поджав под себя ноги и сгорбившись, как большой беркут, сидит к кургану спиной, так и делает, время от времени протягивая руку в темноту и бросая в огонь космату́ю траву клубок за клубком.

А Настя во весь рост стоит прямо против него по ту сторону костра и даже не стоит на одном месте, а все время движется, вихляется всем своим тонким телом, как и жаркие стебли пламени этого цыганского ягори. Из-за ее спины поблескивает оправа ее металлического коня, на котором она привезла сюда Будулая.

— Ну, а ту песню, которую всегда пела Галя, ты не забыл, Будулай? Хоть я и была тогда совсем маленькая, а она еще не замужем, я хорошо помню, как вот так же горит я к перед вашим большим шатром, а ты смотришь на нее и улыбаешься, и как она стоит перед тобой и хлопает в ладоши, чтобы раздразнить тебя. А то еще возьмет и вынесет из нашего шатра старый бабушкин бубен, чтобы поскорее тебя раздразнить. Ты всегда любил, Будулай, чтобы она подольше перед тобой погремела бубном, любил на нее посмотреть. Но у меня с собой сейчас бубна нет, я его в наш драмкружок отдала, и придется обойтись без него.

И вдруг грубым гортанным голосом, который был так непохож на ее обычный, она запела:

Пошомару цину кхер
Дайбагана очая
Чаурынга тэнхэлэн.

При этом она не танцевала, а сама же ладошами и подхлопывала себе, извиваясь, как и пламя костра. Но с вершины кургана можно было видеть, как ее широкая и н д а р а к а, колоколом раздуваясь вокруг ее бедер, временами почти закрывала собой весь огонь и, подсвеченная им снизу, становилась ярко-багровой. Будулай сидел перед костром с сутуло опущенными плечами, а она все чаще хлопала перед ним в ладоши:

Мар жянжи тыра тыра ха
Тэдык хэн очая! [1]

Мягкая молодая полынь на склоне кургана, увлажненная росой, охлаждает разгоряченную грудь, но от ее густого, резкого запаха, ударяющего прямо в ноздри, кружится голова. А может быть, еще и оттого, что так и кружится перед глазами там, внизу, эта индарака, пурпурно вспыхивая над костром... Незнакомая, совсем непонятная песня и чужая, очерченная призрачным кругом этого полукрасного-полусиреневого света жизнь. И он в черте этого круга вместе с ней. А с другой стороны кургана, тоже внизу, похрустывает молодой травой его конь.

Внезапно и это багровое кружение и ее песня оборвались, и уже не грубым гортанным голосом, а своим обычным Настя разочарованно сказала:

— А ты совсем и не смотришь на меня и не слушаешь, Будулай. Ты все время смотришь только на огонь.

— Не обязательно, Настя, смотреть, чтобы слышать. Я эту песню хорошо помню.

Конечно же, он ее помнит, как, должно быть, и всю свою прошлую цыганскую жизнь. И есть ли на земле такая сила, чтобы она смогла выхватить его из круга этих воспоминаний, подобного неверному призрачному кругу полусвета-полутьмы, в котором он сейчас находится вдвоем с нею, лишь изредка протягивая руку за его черту, в темноту, за топливом для костра!

— А еще ты помнишь, какой у цыган был один обычай, Будулай?

— Не знаю, Настя, о каком ты говоришь.

— Если у рома умирала жена, ее младшая сестра должна была пойти за него замуж.

— У цыган, Настя, было много таких диких обычаев.

— Конечно, Будулай.

— И почти все они были против женщин. С женщиной, Настя, не считались. За кого скажут, за того и должна пойти. Даже если он уже почти старик, ну, как я, а она, как ты, еще совсем ребенок.

— Я уже не ребенок, Будулай.

— Это я, Настя, к примеру сказал.

— И ты, как я уже тебе говорила, еще не старый. Конечно, среди наших цыганских обычаев много диких. Но есть же среди них и хорошие, Будулай?

Земля возвращает гулкие удары тесно прижавшегося к ней сердца, и опять они уходят в землю, чтобы, приумножившись там, снова вернуться, так что потом уже и не понять, где же они рождаются, откуда они. Так вот еще, оказывается, какие у них есть обычаи. И чего же она еще у него спрашивает, забыл он про них или не забыл, если хорошо знает, что он все помнит и никогда не сможет забыть, как помнит и ту песню, которую когда-то пела ему его Галя! И все же, что же он теперь станет отвечать?..

И тут из-за кургана, из-за его скрытой от них и темной стороны, не освещенной отблесками костра, коротко заржал конь. Почуял, должно быть, близость своего хозяина, услышал его голос и решил отозваться. Совсем тихо заржал, но достаточно, чтобы его хозяин забеспокоился и, вставая у костра, повернул в ту сторону голову.

— Чудно.

— Ничего чудного в моих словах нет, Будулай.

— Да нет, Настя... Ты что-нибудь слышала?

— А что я должна была слышать?

— Я помню, что я моего Грома хорошо к стояну привязал, а сейчас мне послышался его голос.

Впервые и его самого, озаряемого отсветами костра так хорошо видно сверху, с кургана, во весь рост, и то, как он уже подносит ко рту руку, чтобы свистнуть, как это всегда делают табунщики, когда зовут лошадей. Боже ж мой, ведь всего этого могло и не быть, если бы она, Клавдия, не шарахалась его тогда в хуторе! Ничего бы теперь этого не было: ни костра, ни Насти. И все было бы совсем иначе. А сейчас он заложит в рот пальцы, конь его сорвется с непрочной привязи, и тогда так можно и остаться здесь, на кургане, посреди чужой степи, в одной рубашке.

— Это тебе и правда почудилось, Будулай. Успокойся, твой Гром стоит сейчас в нашем дворе, а если бы он даже и сорвался, то там же и бродит, никуда не уйдет, я сама накинула на калитку обруч. Садись.

И с кургана видно, как поднявшаяся было рука после некоторого колебания опускается, а потом он и сам опять опускается на землю у костра, опять начиная подкармливать его кураем. Огонь разгорается ярче и чадит. На вершину кургана доносится едкая горечь.

— Хочешь, Будулай, я теперь станцую тебе?— говорит Настя, но тут же сама и отказывается: — Нет, не буду. Опять ты и не глядишь в мою сторону, а только киваешь головой. Все на огонь и на огонь... А я-то, дура, выламываюсь перед тобой. Кого ты там хочешь увидать?

— Просто смотрю.

— Я знаю. Опять эта женщина. Ради нее ты и от родного сына отказался, а теперь она и тебя самого за душу держит. Виданное ли дело, чтобы цыган своего кровного сына отказался признать?!

— Настя!

— Вот когда поеду на Галину могилу, найду и ее и обо всем этом ей сама скажу.

— Ты этого не сделаешь, Настя.

— Почему? Поехать на могилу моей сестры мне никто не может запретить.

— Ты же знаешь, что все это неправда и ты сама, Настя, не такая, как сейчас говоришь.

— Вон, значит, как ты ее жалеешь! Даже и меня ради ее покоя не забыл похвалить! Спасибо и на этом. Ненавижу я ее! — вдруг крикнула она так громко, что Клавдия на кургане вздрогнула. И Настя еще что-то добавила по-цыгански, но его испуганно-негодующий голос перебил ее:

— Как тебе не стыдно, Настя! Ты же ее не знаешь совсем!

— А ты что же хочешь, чтобы я ее тоже стала любить?! Это ты от меня очень многого захотел! Я ведь еще и цыганка, хоть Шелоро и говорит, будто я совсем забыла об этом. Ненавижу, хоть бы она, проклятая, сдохла!

— Настя! — еще громче и строже повторил Будулай.

А может быть, встать сейчас на кургане и крикнуть им, что она здесь и чтобы они прекратили, не смели больше в ее же присутствии говорить все эти слова. Вот ее не будет здесь, и тогда пусть говорят все что угодно. Она ведь не совсем бесчувственная, не деревянная или каменная, и с нее уже довольно того, что она уже наслушалась. И за что же, за то, что она тогда подобрала в кукурузе и вырастила Ваню? Нет, она, конечно, сделала это не ради благодарности, а из-за Вани, и что бы теперь эта Настя ни говорила, а он сын ей, сын, такой же, если даже и не больше родной, чем Нюра. Она только хочет, чтобы ее оставили в покое и не говорили тут же, под курганом, о ней всех этих слов, от которых у нее в душе уже не осталось ни одного живого места.

Но ведь не они же искали ее и звали ее сюда, а она сама бросилась за ними в д о г о н! Они и не подозревают о ее присутствии, если бы они только знали... Не хочешь слушать, так и не слушай, никто не заставляет тебя, не приподнимай и не тяни голову, вбирая в себя каждое слово с горькой отрадой и сладкой болью.

— Теперь, Настя, уже и совсем поздно. То есть рано, скоро утро. И мне уже пора на отделение ехать, на смену заступать.

— Нет, нет, Будулай, я еще не успела тебе самое главное сказать.— И укоризна сплелась в ее голосе с грустью.— А ты даже и не поинтересуешься у меня, что я хочу сказать.

— Поздно, Настя.

— Что ты заладил все одно и то же! Это я и без тебя знаю. Ну, если не хочешь спросить, то я все равно тебе сама скажу. Ты только не куда-то в сторону смотри, там никого нет, а на меня. Это мне должно быть стыдно, а не тебе. Хочешь, бери меня так, Будулай!

— Лучше нам сейчас отсюда уехать, Настя.

С кургана видно и то, как там, внизу, он поднимается с земли и делает шаг в сторону, к мотоциклу, поблескивающему своей оправой из-за черты призрачного круга, и то, как она заступает ему дорогу.

— Нет, после того, что я тебе сказала, ты не можешь уехать,— жалобно и жарко гово-

А Н

[1] Возле нашего маленького домика
Девушки песни играют, а парни танцуют.
А девушки говорят: «Танцуй, парень, и бей свои сапоги,
Чтобы на тебя девки смотрели».

рит она.— Еще ни одна цыганка никому не говорила таких слов. Теперь ты слышал, я на все согласна. Не надо никакой свадьбы, ничего не надо, будем жить просто так, а там, может быть, ты и полюбишь меня. Ты почему молчишь? Я ведь не совсем тебе противная, да? Я тебя буду любить еще больше, чем Галя. Я знаю, что ты об этой женщине думаешь из-за Вани, но он уже совсем большой вырос, а у нас с тобой тоже будут дети. А если все же не полюбишь, то я тебя неволить не стану, как другие своих мужей. Ты не думай, что это я по своей молодости, я уже все давно обдумала, и жалеть я потом не стану. Ты, пожалуйста, не в сторону смотри, Будулай, а на меня. Разве я такая уж совсем никудышная? Хуже ее, да?

И, виясь перед ним, протягивая руки, она шла к нему. Юбка кружилась и вспыхивала у нее вокруг бедер. А он стоял, не двигаясь, и смотрел на нее в черте призрачного круга, раздвинувшего темноту августовской ночи, и озаряемый его полукрасным-полусиреневым пламенем.

Нет, на это она, Клавдия, уже ни за что не станет смотреть. Это уже не для ее глаз и выше ее сил. Довольно, она уже заглянула за черту этого круга, за которой была совсем другая, чужая и непонятная для нее жизнь. И по какому праву она должна вторгаться в круг этой жизни?! Он цыган, и она цыганка, у них одни и те же обычаи, один язык, они все равно друг друга поймут.

Прочь с этого кургана, прочь! Смоченная росой полынь скользит под босыми ногами, навстречу чутко поднял голову конь... Этого она не должна видеть. Если еще и оглянуться на них, то только один раз, в самый последний раз. И отныне уже навсегда, на всю жизнь останутся перед глазами, как вчеканенные дымным заревом костра в фиолетовое небо, эта цыганка с протянутыми вперед руками, в развевающейся красной юбке и он, не сводящий с нее взора, как вросший в землю.

А теперь, Громушка, неси обратно. Теперь-то я уже знаю, как тебя твой хозяин зовет. Но это уже не имеет значения. И пусть, тпруженька, он так и не узнает, что мы с тобой тоже были здесь. Нам бы совсем не нужно было этого делать, но разве человек всегда и все знает наперед, как захочет распорядиться им жизнь?! Теперь уже можешь не бояться, что они услышат цокот твоих копыт.

— Подожди, Настя, слышишь, кто-то скачет.
— Ну и пусть. Это мимо. Ничего я не хочу больше слышать, Будулай.

* * *

Предрассветная степь отлетает назад с ее темными лохматыми шапками сметанных по сторонам стогов сена, и частая дробь копыт по дороге, сливаясь, и правда, катится, как гром. Все дальше позади остается и ягори и эта чужая жизнь, в которую ей совсем не надо было заглядывать, никто ее не просил. И почему же она всегда должна становиться поперек чужого счастья? Достаточно с нее, что она уже отца разлучила с сыном. Так нет же, не она их разлучила, а все война. И теперь уже ничего не поправить, не нужно и нельзя. Тогда еще можно было, когда он не уходил еще из хутора, и тогда не было бы теперь ни этого ягори, ни Насти, ни этой скачки по ночной табунной степи, но тому, что в свое время не случилось, уже не случиться и, значит, не суждено.

Мой Ваня, мой! Но все равно уже она больше никого не станет разлучать. И эта цыганочка Настя совсем ни в чем не виновата перед ней, ни в чем.

Ты лети, лети, мой Гром... Все как-то мешается, путается в голове, и как будто это он не ее, Клавдию, везет, а кого-то другого. А Клавдия смотрит на нее, как она скачет, со стороны.

Нет, она не должна об этой Насте плохо думать и не будет. Она, Клавдия, одного только Ваню подобрала и воспитала, а эта цыганочка вон для скольких детишек стала как та же мать.

А сама тоже несчастная. И что это она за жизнь так распоряжается: то один другого любит без всякого ответа, а то и обое, может быть, любят друг друга, а чтобы вместе им жить начинать, одной семьей,— поздно уже, поздно. Вон и никакие цветы осенью не цветут. Одна только дереза. Так это же сорняк! Бедная: такая молодая, так его любит и...

Вот, значит, как они умеют любить. Даже своих цыганских законов не побоялась и согласна на все. А он, и правда, как будто бы смотрит на нее и не видит.

Но теперь это ей, Клавдии, уже все равно. Все осталось позади. И что там теперь происходит у этого ягори, ей совсем не нужно знать.

Как по-страшному холодно перед зарей в этой табунной степи! И густая роса падает на плечи почти как дождь... Пожалуйста, еще шибче, Гром, а то вот-вот рассвенет, а я еду на тебе верхи в одной рубашке. Вот бы Ваня с Нюрой поглядели на свою мать! И если бы кому-нибудь в хуторе рассказать — ни за что не поверит.

Ну и что ж, что она молодая! Разве только одни молодые и умеют любить? И не та ведь любовь самая сильная, какая вся сверху, наружу. У молодой и вся жизнь еще впереди — и любовь еще будет и все остальное, а вот как быть, если никакой другой любви уже не остается, не может быть?! И теперь уже наверняка ее не будет, Гром, хоть ты и вез меня туда хорошо, а теперь везешь обратно. Еще прибавь рыси.

* * *

Ворвавшийся в поселок конский топот крупным градом прошелся по окнам домиков из конца в конец улицы и оборвался у самого крайнего двора. Тпруженька, спасибо тебе — и не ты виноват, что все так кончилось, некого тут винить. А теперь стой и отдыхай, вон ты какой горячий и даже взмыленный, но воды я пока тебе не дам, нельзя, а только опять повешу торбу. Напоит тебя потом хозяин. Смотри, береги его.

И она два раза коротко поцеловала коня в чуткие ноздри. На губах у нее остался солонцевато-горький привкус.

А теперь надо только не разбудить хозяйку, тихо одеться — и на первую же машину, что бегут и бегут мимо по шляху. Боже ж мой, а ведь она туда и обратно проскакала почти телешом! А до этого она искала его по всей степи — и по правому и по левому берегу Дона. И все это для того, чтобы увидеть то, что ей совсем не надо было видеть. Не надо было заглядывать в чужую и загадочную жизнь.

А рубль за ночлег надо положить под ту вазочку с бумажными розочками, которая стоит на столе. Шаря в темноте руками по клеенке стола, она неосторожно зацепила вазочку и опрокинула ее набок. Ах ты, господи, еще этого недоставало! Но и стук упавшей вазочки хозяйка заглушила своим густым, мужским храпом. Видно, перед зарей ей, старой, особенно хорошо спится, и она по-детски чмокает губами во сне.

Зато хорошо смазанные двери ее домика отворяются и затворяются совсем беззвучно. Пусть не обижается, что Клавдия так и не простилась с ней.

Теперь только надо перед дорогой попить. Напившись из стоящего на срубе колодца ведра и поднимая глаза, Клавдия сквозь ведерную дужку увидела, что рдяной звездочки в том месте степи, откуда она только что прискакала, уже не было. Выпрямляясь, она лучше поискала глазами по степи: нет, костер погас. И еще прежде, чем она успела что-нибудь подумать, она уловила нарастающий с той стороны из степи знакомый звук. Как будто оттуда большой кузнечик летел. Вокруг нее верещала неисчислимая армия других ночных кузнечиков, но только этот один и был для нее сейчас опасен, только в этом одном и таилась сейчас для нее угроза. И если ей не поспешить, опять она может опоздать.

Только из машин, что бегут и бегут мимо, надо выбрать не ту, чьи огни выворачиваются прямо из-за поселка, с кукурузного поля, а сквозную, еще издали напоминающую о себе заревом по шляху.

Как на грех, идут одни только местные. Только что скошенная кукуруза пахнет не так, как молодое степное сено, но все же и после нее над дорогой еще долго веет какой-то сладостной свежестью и как будто молозивом.

Но вот, кажется, и сквозная... Прощай, тпруженька, прощай, Гром! С поднятой рукой она метнулась на шлях.

Ия МЕСХИ

Фото С. Короткова.

Представьте себе старую абхазскую женщину, живущую на старой абхазской горе Ансра близ шахтерского городка Ткварчели. Никто уже на этой горе, кроме нее, не живет, все спустились в город, устроились там на работу. А ей куда и зачем уходить? Поздно. Она состарилась раньше времени и так давно, что уже не помнит, была ли молодой. Вот разве когда был жив Алеша? Тогда вообще все было по-другому. Вокруг на Ансре жили люди, Алеша вместе с другими бегал в школу, а когда окончил ее, сразу же назначили его бригадиром в колхозе. Колхоз был маленький, бригадир совсем молодой, и все равно можно было им гордиться, так его уважали люди. И если б не война...

Когда пришло известие о том, что Алеша погиб на фронте, свет померк в глазах матери. Алеша был ее единственным сыном. Она надела траур. Если погибает единственный сын, мать в Абхазии не

Алим КЕШОКОВ

Белые горы

МАТЬ И СЫН

снимает траура до конца своих дней.

Итак, она оделась в черное и стала ждать. Не то чтобы не поверила известию — просто не могла себе представить этой смерти. Днем она делала что-то по привычке и ждала ночи. Ночью ее мучали кошмары, и она ждала дня. Так шли годы.

Однажды к ней пришел человек, которого она увидела впервые. Она долго не могла понять, о чем говорит гость, хотя ей слово в слово переводили каждую его фразу. Просто фразы были очень издалека — о ее жизни, о своей жизни, о том о сем... Она видела только его глаза, в которых была жалость к ней. А потом человек достал из сумки, которые носили военные, фотографию. И ее словно ударило в самое сердце. Алеша, весь в лентах с патронами, на голове морская шапка, в руках — винтовка со штыком, стоял и гордо улыбался. Когда она вышла из глубокого обморока, вцепилась в фотографию, стала шептать нежные слова и больше не могла оторваться от нее.

Потом ей много раз повторяли: да, это он, ее Алеша. Человек, который приходил к ней, видел Алешу в последний день его жизни. Вот он его сфотографировал, а ночью Алеша вместе с четырьмя своими друзьями, солдатами морской пехоты, ушел в разведку и погиб. Это было в Севастополе, в районе итальянского кладбища, 29 апреля 1942 года.

Потом ей говорили, что человек, который приходил к ней, сфотографировал и ее с Алешиной карточкой в руках так, что она этого и не заметила. И будто ее снимок печатают во всех газетах и у нас и за границей.

Она уже узнала его поближе, потому что и с этим снимком он поднялся к ней. Она узнала, что его зовут Семен Коротков и что у него тоже была мать и сестра и дети сестры, но всех их сожгли фашисты в Одессе в то время, когда он всю войну снимал таких героев, как Алеша. Почему же столько лет держал он у себя Алешу и не показывал ей? Говорит, что в Абхазии много людей с фамилией Аршба и найти было нелегко.

Теперь она вышла из подавленного состояния, стала думать. Известия приходили к ней со всех сторон. Оказывается, «Комсомольская правда», которая первая напечатала ее снимок 30 апреля 1965 года, получила три тысячи писем от разных людей, пожелавших ей здоровья и жизненных сил. Письма стала получать и она сама. Ей показали книгу с ее фотографией и перевели стихи:

> Он пал за мир — так сказано о нем,
> Так мы тебя о сыне извещали.
> Мы жизнью нашей, нашим светлым днем
> Твоей святой обязаны печали...

Ей показали также письмо из Белоруссии. «Когда учителя идут в колхоз,— говорилось в нем,— проводить беседу и показывают Вашу фотографию, то люди плачут, просят посмотреть на женщину, которая перенесла такое же горе, как многие белорусские женщины». «Какая же она, Белоруссия? Какие же они, женщины?» — думала она теперь.

Мать Алеши узнала, что именем ее сына назвали школу, в которой он учился, что в Ткварчели появилась улица Алексея Аршбы; что сочинцы сделали фильм об истории ее фотографии.

Как-то приехал Семен и рассказал, что немецкие журналисты пригласили его в Берлин и он был у пограничников на посту близ Бранденбургских ворот. Пограничник показал ему стену, на которой висят портреты немецких солдат, охранявших ГДР и убитых подлыми пулями со стороны ФРГ. Семен подарил ему фотографию матери с Алешей, и ее повесили рядом с погибшими немецкими пограничниками в один ряд.

Она думала. Было о чем думать...

Однажды — это было сравнительно недавно — к ней поднялся Семен, а с ним еще несколько немцев с киноаппаратами. Они сняли у себя, в ГДР, как живет ее фотография, а теперь приехали к ней. Немецкая журналистка, написавшая сценарий этого фильма, как вошла в комнату, как посмотрела в глаза матери, так и упала к ее ногам. Фотография, конечно, вещь сильная, но жизнь — еще сильнее.

В этот день старая Маруша Аршба, сидя в своем доме, вопреки древнему обычаю народа, сдернула со своей головы черный платок и сказала, что она больше не хочет носить траур. Траур не нужен, если она видит, что ее Алеша живой.

ВЕЧНЫЕ СНЕГА

Под небом тают вечные снега,
Бегут ручьи по каменистым скулам,
И огласил речные берега
Седой поток осатанелым гулом.

Солнцевороту, север, не перечь,
Ведь все равно твои бессильны стражи.
И ледяные латы сбросить с плеч
Торопятся воинственные кряжи.

В стеклянных трубках лезет кверху ртуть,
Встречает синь заливистую птаху.
У Бичисана обнажилась грудь,
Снимает Ужба белую папаху.

И розовеет утренний туман,
Заря лучи приветливо простерла.
И водопад, похожий на орган,
Льет музыку в отзывчивое горло.

И зацвели альпийские луга,
Но дни весны и лета быстротечны.
И сколь ни тают вечные снега,
Они, как горы, высоки и вечны.

СОЛНЦЕ И ЗВЕЗДЫ

Председатель совета светил —
Всходит солнце, чья царственна сила.
И со сцены, как рок им судил,
За кулисы уходят светила.

Но в багровых одеждах когда
Солнце сходит за белые горы,
За звездой выплывает звезда
На небесные темные хоры.

Во Вселенной порядок таков,
И его не нарушить вовеки
Ордам всех грозовых облаков,
Сворам вьюг, что свистят, как абреки.

Пусть владыка, рассыпав лучи,
Вновь затмил собой звездные лики,
Но находится днем и в ночи
Лишь полмира под властью владыки.

НОЧЬ

Дружина звезд светящиеся стрелы
Метнула в наши грешные пределы.
Тьму побеждая в равном поединке,
Она свободной правит вышиной.
И мир вокруг не пролил ни кровинки,
Он только истекает тишиной.

Перевел с кабардинского
Яков КОЗЛОВСКИЙ.

Борис ПРИМЕРОВ

Свет

* * *

Всплыло облачко парное
Закипающего чая.
Обжигался. Шел в ночное,
полумрак травы качая.
Ах, сторонушка ковылья,
звезды, пахнущие дымом.
Нет! Не верится, что был я
на земле неповторимым.
Губы месяца сгорали
от внезапного рассвета,
обо мне еще не знали,
что такой живет на свете.
Обо мне еще не знали,
да и что возьмешь с такого.
Малахит, алмаз — едва ли!
Ни полпесни, ни полслова...
Сахарятся в травах росы.
Я себя запоминаю
далеко еще не взрослым.
И еще каким — не знаю.
И шумит, шумит над садом
дуб сплошным, зеленым паром,
что сегодня показался
мне тем старым самоваром.

* * *

Вот и ночь небеса повернула
на старинный торжественный лад.
За столом голубого июля
бородатые ветры сидят.
Расцелуемся с летом —
и шало
под гармонь оглушительных слов
светом льющимся, небывалым
мы наполнимся до краев.
Будет ржаньем неторопливым
до утра, закусив удила,
вороная луна над обрывом
оглашать сонный берег села.
Ах, село — мать всего с колыбели,
самого даже города мать!
Как жилось без оглядки, как пелось —
удалого вовек не сдержать!
Так рассказывай, сказывай, требуй!
Мы живем не за смерть, не за страх...
Уплывает река, словно лебедь,
и уносит тебя на крылах.
Аж туда, где безудержно-лунно,
на весь свет пролегли небеса.
И звезда сторожит нашу юность,
не сомкнувшая за ночь глаза.

* * *

Твое лицо бледней, чем было...
А. Блок.

Роса, деревья, вечер, платье
Шумели долго и темно...
Внезапное рукопожатье
И освещенное окно.
Казалось неземным земное,
А неземное тем земным,
О чем сегодня мы с тобою
Совсем еще не говорим.

Ты знаешь, что такое шепот?
Не знаешь? Это, как грехи,
В которых неповинны оба
Уму и сердцу вопреки.

О целомудрие природы,
Когда глядишь со стороны
И видишь, как на землю сходит
Немая исповедь луны!

* * *

Перейдет в невозможность
Свежесть взгляда и слуха.
Хата глянет в окошко
И вздохнет, как старуха.

Тени лунных сияний
Пропитаются снами.
Пробегут расстоянья
Тропкой вслед за шагами.

Я покину вчерашний
Вечер, сумраком сжатый,
Вечер черный, как пашня
У затерянной хаты.

У затерянной хаты,
Возле бора сырого
Потемнеют закаты,
Как у хмурого брови.

Ветер небо полощет,
Голос в травы вплетает...
В этот час даже роща,
Даже та отцветает.

* * *

Егору Исаеву

Приятственно, размашисто, легко
Поют цветы души исповедальной.
Напротив неба, прямо под рукой
Коромыслом гром ходит
наковальный.

Вокруг земля присыпана дымком
И волнами меха перед горнилом.
Горело несмолкаемым огнем
Все то, что так при мне недавно
было.

О возраст мой, ты многого не
знал,
Не допускал, не принимал до
сердца,
Как соловей, ты мысленно витал
И рассыпал беспечные коленца.

Железо в кузнях ка́лят не огнем,
А бойкими воздушными мехами,
Я понял это с возрастом, потом,
Потом уже, как говорят, с годами.

Я потерял крестьянские права,
И не под силу мне отцовы
грабли,
Коса, что выводила: «Я жива,
Покуда жив мужик и травы не
иссякли».

Земля, земля, дай дух переведу!
Сегодня мне и весело и жутко.
Вон солнце красное бьет
крыльями в пруд
И кружит, как подстреленная утка

Роняет перья жаркие и крик,
Прощальный крик безудержного
сердца
О чем еще? И вечер, как старик,
К глазам моим подносит
полотенце

Идем слушать тишину...

Ю. ЛУШИН

Фото Э. КЕРЗОНА.

Чем выше, тем длиннее метры и тяжелее килограммы, а сам себе ты кажешься медлительней и неповоротливей черепахи. В рюкзаке будто не обычные яблоки с ферганского базара, которые здесь, на высоте шести с половиной тысяч метров, давно стали свежемороженными, не спальный мешок, примус, банки со сгущенкой, а груз неимоверный. Идешь медленно, но неуклонно вперед и выше. Сделаешь шаг, остановишься, четыре раза вдохнешь и выдохнешь, и только потом снова шаг. Таков темп. А чтобы сварить чай на этакой высоте, чтобы он закипел, нужно два часа...

«Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет». И все же не вспоминается им здесь эта «мудрость», и не повернет никто из двенадцати назад, вниз. Потому что они альпинисты. Потому что готовились к штурму всю зиму и целых три года до этого. Потому что не каждому удается покорить такой семитысячник, как пик Ленина.

Один из двенадцати заметил однажды в разговоре:

— Мы, люди города, привыкли к шуму, тонем в нем, забыли вкус настоящей тишины. Уходим в горы слушать тишину...

Кто это «мы, люди города»?

Группа инженеров, конструкторов и рабочих из Новосибирска однажды появилась на Луковой поляне — базовом лагере альпинистов в Заалийском хребте. Поляна находится на высоте 3 600 метров, и прямо на нее из голубой дали смотрит пик Ленина. В тот день пик не очень поразил их. Может быть, они хотели чуть-чуть порисоваться — вот какие мы, ко всему привычные! — перед здоровенными парнями из московского «Буревестника», которые встретили их несколько скептически. Впрочем, основания для этого имелись. Во-первых, они считались местными королями футбола, а во-вторых, в их составе был «Барс снегов», Валентин Божуков, человек, четырежды покорявший семикилометровые вершины. Удивляясь собственной дерзости, сибиряки приняли вызов чемпионов, и на заросшей диким луком поляне разгорелись футбольные страсти. Тишина огласилась криками, поскольку игроки являлись одновременно и болельщиками. В конце концов москвичам удалось отыграться, и при счете 3 : 3 они унесли в свою палатку чудом уцелевший мяч, а взамен «Барс снегов» преподнес сибирякам королевское угощение — две громадных банки виноградного сока. Гости были признаны...

В своей палатке, уже вечером, они продолжали обсуждать события дня. Но недолго. Их больше тревожил день завтрашний.

Ранним утром руководитель восхождения, похожий на седобородого патриарха Алексей Серьезнов, вопреки такой фамилии человек веселый, поднял всех на ноги. Пора в путь-дорогу!

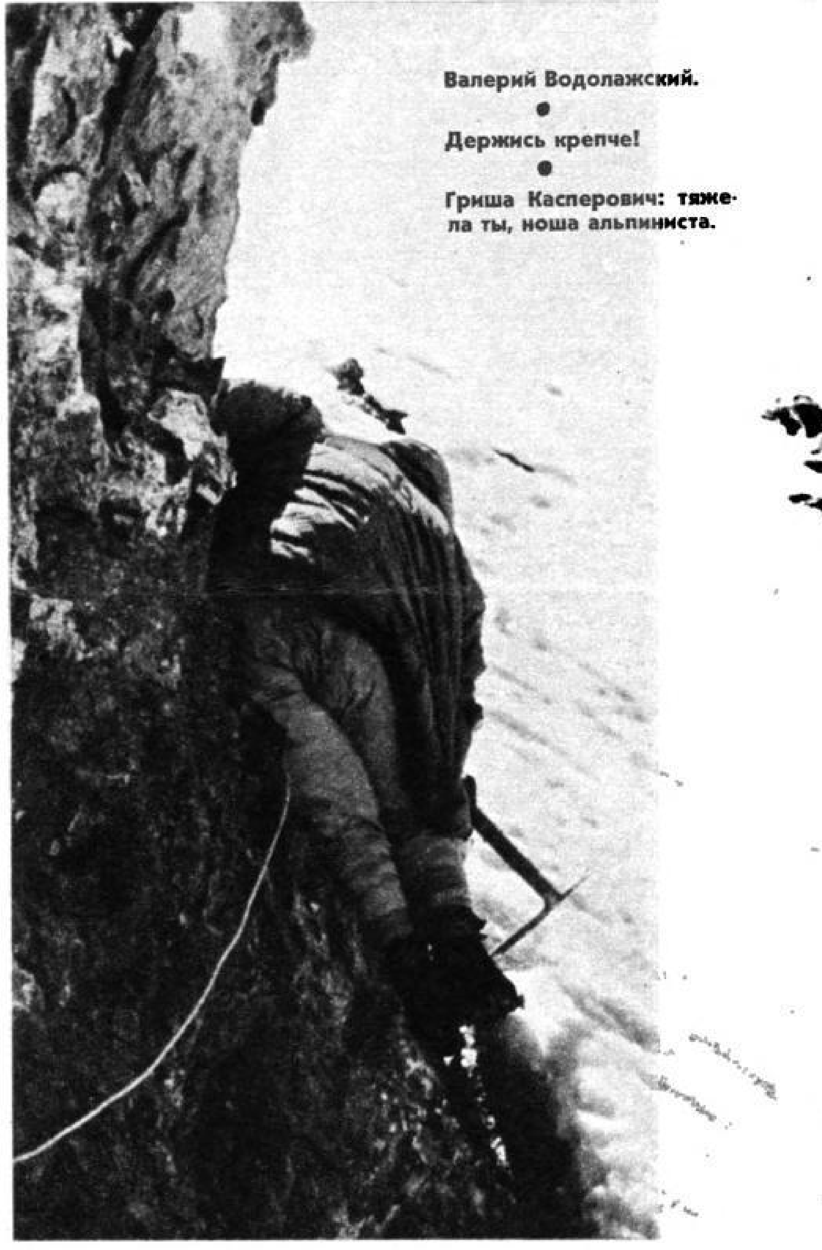
И вот подъем. Чем выше, тем длиннее метры и тяжелее килограммы... Пошел третий день восхождения, а до пика, кажется, так же далеко, как и в первый. Ночами его шапка закрывает половину звезд на небе, и начинаешь сомневаться, что вообще можно достигнуть пика. С шестикилометровой высоты пытались в бинокль разглядеть свою ярко-оранжевую палатку, оставленную на Луковой поляне. Увидели лишь маленькую черточку. Лучше не смотреть. Вперед, вперед... Последние 150 метров оказались особенно круты и трудны. Рюкзаки оставлены на леднике за полкилометра до подъема. Однако и без них ноги будто свинцовые... И наконец последний метр, 7 134-й. Победа! Они покорили пик.

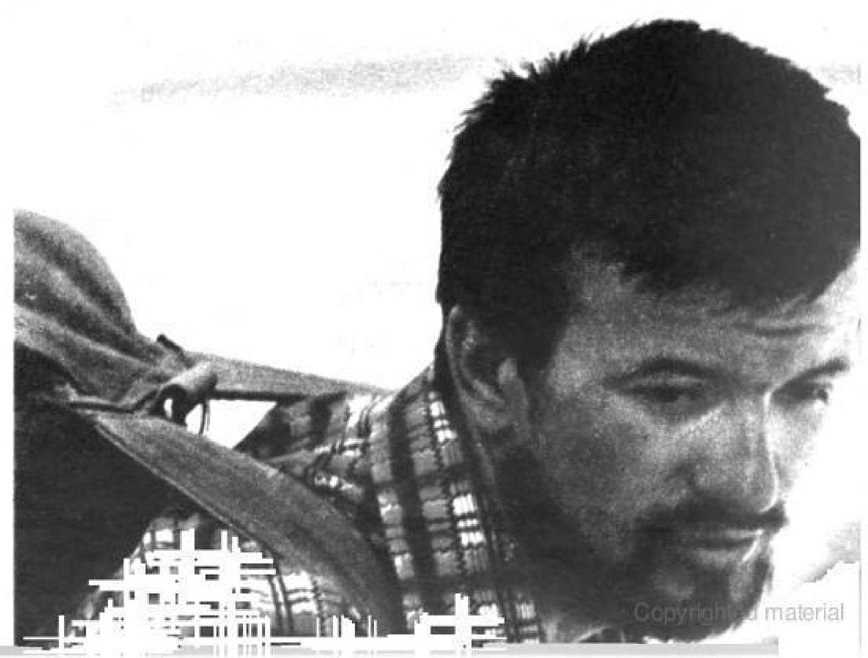
Люди стояли и смотрели вниз.

Все в природе торжественно молчало. И в этой звенящей тишине, раздвинув края облаков, вдруг показалось солнце, такое, каким бывает оно в самых радостных наших снах. И осветило розовые и синие облака, снежно-белый бюст В. И. Ленина и их самих, изумленных и гордых, хмельных от радости, света и той святой тишины, что осталась в наше время, наверное, на таких вот вершинах. Они долго стояли так. А потом по-хозяйски обошли не слишком обширную каменистую шапку, и каждый на прощание сунул в карман по камню — а то не поверят, что был здесь. И кто-то снова пошутил: дескать, братцы, пик-то пониже стал из-за этого... Последний, кто уходил, оставил на вершине вымпел, в котором было сказано, что восхождение в честь 50-летия комсомола и 100-летия со дня рождения В. И. Ленина совершили В. Афанасьев, Н. Бархатов, А. Богомолов, В. Водолажский, Г. Ермолаев, В. Карев, Г. Касперович, Э. Керзон, Ю. Парилов, В. Саратовкин, А. Серьезнов, В. Терещенко. Кроме того, Валерий Карев оставил от себя лично на бланке треста «Сибэлеваторстрой» записку. Что в ней написано, осталось тайной. Пока Валера молчит...

Они уезжали в Фергану на стареньком, тряском автобусе. Седобородые киргизы поглядывали с уважением на патриарха Серьезнова. В окно виднелся покоренный пик, и чем дальше они отъезжали, тем он казался им выше.

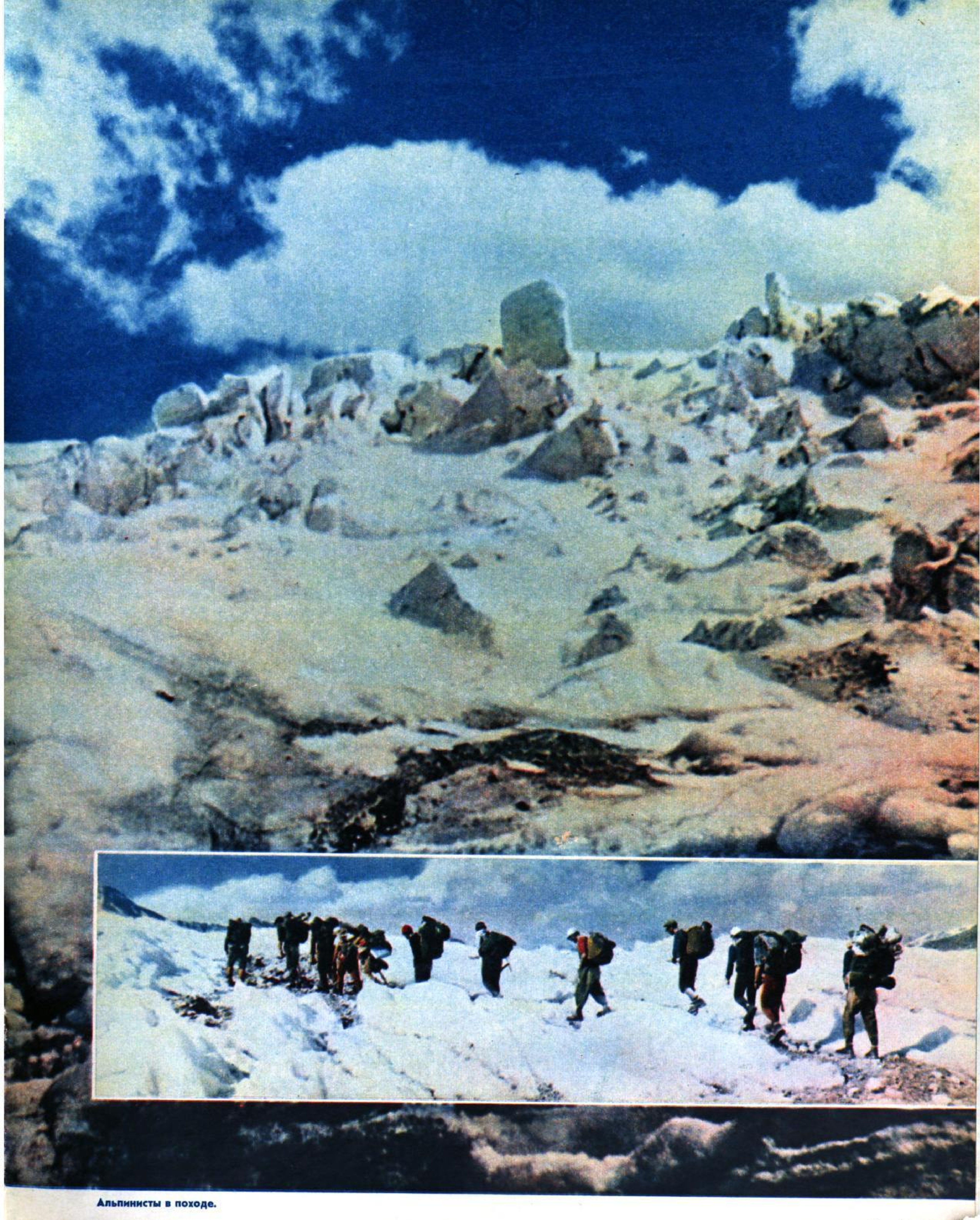
Валерий Водолажский.

Держись крепче!

Гриша Касперович: тяжела ты, ноша альпиниста.

Синее безмолвие.

На вершине.

Альпинисты в походе.

Валерий Карев.

Привал.

Юрий ВЛАСОВ

Рисунок В. БОГАТКИНА.

Рассказ

Осечка

Я иду с помоста. Я сорвал последнюю попытку. Я вижу, как с рычанием вскакивает Рейнгольд Кун, штангист из Западной Германии, как летит на пол его плед и он топчет его. Кресло моего соперника как раз перед лестницей на сцену...

Я жалок, но стараюсь не казаться таким. Я улыбаюсь. Боже мой, представляю, какой была эта улыбка!..

С треском и шипением гаснут за моей спиной «юпитеры», чтобы через несколько минут разгореться над Рейнгольдом Куном. Я двигаюсь в тусклом желтом сумраке.

Навстречу, нервно пожевывая губы, торопливо взбегает Кун. За ним — тренер Хорст Бюкер и доктор-американец Крейн.

На сцене лязгают диски. Ассистенты налаживают новый вес. Если Кун возьмет его, он — чемпион...

Немец рядом со мной.

Мы одариваем друг друга радостными улыбками, но избегаем прикосновений друг к другу. В нескольких сантиметрах от меня проскальзывает громоздкое тело противника, опутанное узлами мускулов.

Крейн вежливо бубнит: «Гуд рашен!» И уступает дорогу.

Мертво поблескивают очки Хорста Бюкера.

Я скалю зубы в беззаботной улыбке. Все должны видеть, что я по-прежнему уверен в себе.

Прыгаю с последней ступеньки. Мне страшно хочется оглянуться, но заставляю себя спокойно идти на свое место.

Лишь на секунду изменяю себе, когда взглядом ищу своего тренера. Но Трунов смотрит мимо. Он покусывает губы и ждет исхода поединка.

Старший тренер Варакушин привстает на цыпочки и жадно впивается глазами в помост. Повисает глубокая тишина.

«Кун прицеливается к «железу»,— догадываюсь я.

Душная, невыносимо душная тишина! Я не смею уйти. Я очень хочу уйти. Я должен ждать.

И я жду...

Когда поворачиваюсь к сцене, вижу, как отяжеленная дисками штанга лениво, но верно наползает на грудь немцу.

Вместе с Куном непроизвольно воспринимаю ее удар в свою грудь. Пальцы сдавливают воображаемый гриф...

Я ловлю быстрый взгляд менаджера Гилпатрика в свою сторону — и прихожу в себя.

Кладу руки на спинку кресла и равнодушно слежу за Куном. Краем глаза замечаю слева рыжую голову Чарли Хьюстона, моего стариннего и преданного болельщика.

Кун долго со стоном выпрямляется. С ним стонет весь зал. Сплошной надсадный вой!.. Почему у меня нет в запасе ни одной попытки?!. Меня лихорадит злоба. Сейчас я «сработал бы» без осечки! Только была бы попытка!..

Похрустывают остатки канифоли на моих подошвах.

Скверное это состояние — быть зрителем своего крушения.

Меня окатывает жаркий пот. Я не могу отквитаться! Я бессилен! Поздно! Поздно!!.

Визг, аплодисменты, топот сливаются в рев. Штанга застревает на прямых руках Куна.

Есть!

Я вижу, как упруго колышется гриф, осаживая атлета. Вижу, как он мощным усилием снова и снова загоняет штангу на место, пока, наконец, она прочно не застревает над его головой.

Дело сделано — Кун расплывается в блаженной улыбке.

Публикой овладевает безумие. Воздух дрожит от рева.

Словно кто-то скомандовал, на меня смотрят сотни глаз.

Доктор Солонцов в отчаянии сжимает свою голову руками. Трунов валится в кресло и хрипит: «Кун — чемпион! Кун!!.»

Меня стремительно охватывает усталость. Я тупею от усталости. Я крупно дрожу. Трико и майка липнут к телу. С головы до пят заливаюсь потом. Едва поспеваю смахивать соленую влагу с бровей, висков, ресниц...

Губы, наоборот, сухи. Судорожно припадаю губами к бутылке с водой. Пью нарочно долго, чтобы никого не видеть и ничего не говорить.

Кругом бешеный гвалт, смех. Мечутся люди...

Я кажусь себе нелепым и глупым в разве селой толпе одетых мужчин и женщин. Меня разглядывают с нескрываемой жалостью, будто увечного.

Меняю майку. Приглаживаю волосы. Вытираюсь полотенцем. Мне помогает массажист.

Трунов тупо смотрит на меня из кресла.

Через несколько минут награждение призеров чемпионата. На сцене я должен быть подтянут и невозмутим. Быть другим — значит признать свое поражение.

Мимо на плечах проносят Хорста Бюкера. Он снял очки и дирижирует ими. Зал провожает его ревом.

Живой клубок тел катится со сцены за Рейнгольдом Куном. Его целуют в щеки, руки, затылок, плечи, спину — кому что достается...

И тогда на моей коже воскресают точно такие же поцелуи в недалеком прошлом: ушаты слюны! Дрожь прокатывается по моему телу.

На лестнице исступленно вопит немецкий легковес Георг Данген.

Я подавлен, я уничтожен, но и доволен: на какое-то время ноша «первого в мире» освободила мои плечи. Я уверен, что лишь на какое-то время, потому что снова буду первым!

Однако я рад перевести дыхание. Я удивляюсь этой странной смеси горя и неподдельного облегчения. Я ждал только горя...

Меня оцепляют репортеры. Всем любопытно, какой я теперь. Я в кольце колючих глаз. Они роются во мне, выискивая следы страдания, чтобы завтра, смакуя, поведать о нем...

Отшучиваюсь. Спокойно, без тени раздражительности, отвечаю на подлые и вздорные вопросы. Сейчас я обязан отвечать на любые вопросы и даже грубости сносить с улыбкой.

Я бормочу сквозь зубы своему тренеру: «Встаньте! Будьте мужественны! Что вы скрючились, как на панихиде?!.» В эти мгновения я ненавижу его! Где прежняя самоуверенность моего тренера?!

Я хочу, чтобы он стоял рядом со мной, смеялся, шутил, ласково трепал меня по плечу, а он сгорбился и понуро молчит. Неужели я в самом деле «износился» и вот здесь сейчас мои «похороны»?!. Подавляю в себе жгучее желание рвануть тренера к себе за грудь, мотать и кричать во все горло: «Неужели вы тоже думаете, что я «износился»?! Как смеете молчать теперь?! Как смеете предавать молчанием?!.»

Сквозь толпу протискивается венгр Габор Орос, неоднократный чемпион мира в среднем весе. Он снимает свои очки и, покусывая дужки, говорит на ломаном русском языке: «Ты опять будешь первым, Калёнов! Это так же точно, как и то, что я — Габор Орос, сын Имре Ороса и Агнеш Залаи...»

Я напряженно ловлю каждое слово.

Венгр близоруко щурится и улыбается. Я вижу прозрачную тонкую кожу на скулах Трунова. Я отворачиваюсь.

Кислов кидает мои вещи в сумку. Ему помогают атлеты Зыков и Прозоров. Варакушин расчищает в толпе путь для нас...

Я шагаю через спрессованную ненасытным любопытством толпу...

...Утром, когда еще все ребята спали, я вышел из отеля и купил газету. Тут же, на тротуаре, стал по складам переводить с французского отчет о вчерашних соревнованиях: «...Когда оркестр готовился заиграть немецкий гимн, побежденный, такой спокойный, словно был зрителем, поведал нам: «Рейнгольд Кун заслужил медаль чемпиона. У него славное будущее. Я рад за него...»

Значит, я ничем не выдал себя!

Впрочем, ведь только я и знал: если не в Лондоне, то еще через год, но первым я снова буду! И буду ровно столько, сколько это понадобится мне!..

Георгий Федорович Ежиков.

Семь дней в Миассе

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото Д. УХТОМСКОГО.

В Московском государственном институте культуры на факультете культпросветработы мы взяли несколько адресов выпускников, ныне режиссеров народных театров. И выбрали один из них.

Воскресенье. Город Миасс — это дно чаши, а стенки ее — густо заросшие лесом Уральские горы. По вечерам тихий шелест деревьев словно убаюкивает город. И, наверное, от этого на всем Миассе лежит печать какого-то особого спокойствия и строгой красоты...

Такое же впечатление произвел на нас и Дворец культуры автомобилестроителей. Большое серое здание окружено деревьями. Внутри красиво оформленное фойе, вместительный зрительный зал, хорошо оборудованная сцена. Пока мы осматривались, к нам подошел высокий худой человек с усталым лицом.

— Режиссер народного театра — Георгий Федорович Ежиков,— представился он.

И повел нас на занятия студии, созданной при народном театре.

Ребята еще сидели в гримерных. Сегодня не надо надевать костюмы, гримироваться. Тихонько напевали они песни из спектакля. Потом вдруг один схватил гитару, эдаким лихим жестом рванул струны и надтреснутым, нарочито цыганским голосом стал выводить «Очи черные». А на сцене какой-то сорванец принялся дубасить на белом концертном рояле хиппишейк, приводя окружающих в восторг.

Но тут раздается голос режиссера: «Ребята! Приготовились». И вмиг все на сцене.

Начинается репетиция пьесы А. Арбузова «Город на заре» — через два дня спектакль.

Георгий Федорович сидит рядом с нами, по ходу действия записывает что-то в тетрадь. Замечания делает изредка.

— Понимаете, не хочу им мешать. Пусть попробуют пока без меня! Ведь каждый из них хочет что-то сам раскрыть в своем герое, без подсказки...

Когда репетиция заканчивается, ребята кубарем скатываются со сцены и окружают Ежикова. Режиссер раскрывает тетрадь и начинает подробный, обстоятельный разбор игры каждого.

А вечером во Дворце идет «Барабанщица» А. Салынского — спектакль артистов народного театра, и все студийцы, конечно, в зале...

Понедельник. Утром снова во Дворце. Заходим в комнату для студийных занятий. На стенах афиши, фотографии спектаклей, поставленных здесь Ежиковым за три года его работы. Репертуар большой и разнообразный: «Враги» М. Горького, «Цемент» Ф. Гладкова, «Девушка-гусар» Ф. Кони, «104 страницы про любовь» Э. Радзинского...

Фотографии, множество рецензий из газет и отзывы в альбомах. Здесь же письма. С разрешения адресата читаем некоторые из них.

«Уважаемый Георгий Федорович! Получил ваше письмо, и на сердце стало тоскливо-тоскливо. Так сжился и свыкся с работой в народном театре, что без него как что-то дорогое, потерянное ищу и не могу найти. В. Топорский». (Топорский — старейший актер театра, ныне переехал в другой город.)

А вот письмо совершенно иного характера. Автор его Ежикову незнаком. «Георгий Федорович, я хочу обратиться к вам с большой просьбой. Наш цех — шефы одной школы. И нас послали работать с пионерами этой школы. Мне дали комсомольское поручение: организовать в школе драмкружок и быть его руководителем. Я даже не знаю, с чего начать. Может быть, вы посоветуете, какую литературу мне в первую очередь нужно прочитать?»

Здесь же письма Юрия Николаевича Мальковского, заслуженного артиста РСФСР, преподавателя режиссуры в институте культуры. «Пусть не смущает вас, что не все сразу получается. Так и должно быть! Это закономерно! И лучше, когда трудности встают в начале пути — в борьбе с ними вы закалитесь и смелее и увереннее пойдете к намеченной цели...»

— Постоянно чувствую связь с институтом. Даже получаю из Москвы газету факультета «Ленинец», раньше я был ее ответственным секретарем,— рассказывает Ежиков.— А письма учителя моего — большая поддержка и помощь. Трудности возникают каждый день. И будут возникать все время, до тех пор, пока народный театр не перестанет находиться в неопределенном положении!..

Как возникает народный театр? Сначала работает при Дворце культуры небольшой драмкружок. Если работает постоянно и хорошо, ему присваивают звание народного театра. Практически изменяется только вывеска. Сами посудите, театру постоянно нужна сцена: самодеятельным актерам необходимо осваивать ее. А по плану Дворца культуры, и это везде, сцена предоставляется для репетиций всего четыре дня в месяц! И часто репетиции происходят вечером, так как все актеры работают и учатся. Но если с драмкружка мало спрашивают, то спрос с народного театра почти как с профессионального. Взять хотя бы наш город: у нас нет театров, только два Дворца культуры...

Чего-то мы, конечно, добиваемся, но нам нужны права.

Вторник. Днем Георгию Федоровичу удается собрать несколько актеров народного театра и студийцев. Скоро премьера, а работы еще очень много.

Репетируется «Божественная комедия» И. Штока. Адама играет студиец, 18-летний токарь с автозавода Сережа Федоров, Еву — артистка народного театра учительница русского языка Людмила Усачева.

Режиссер за столом внимательно следит за движениями актеров. Он весь в напряжении. Лицо, руки, глаза — ни на секунду не остаются в покое. Иногда стремительно вскакивает из-за стола и, волнуясь и за себя (вдруг плохо объясняю) и за актеров, начинает показывать и подробно разъяснять ту или иную сцену.

А вечером — студийные занятия. Отрабатывается дикция, сценическое движение, голос...

Среда. Приходим во Дворец за три часа до начала премьеры «Город на заре». Георгий Федорович уже на сцене. Надо проверить, все ли готово, на месте ли костюмы, грим, освещение. Ребята придут прямо с работы. А нужно перед началом поговорить с ними, напутствовать...

— Когда приехал в Миасс, здесь было всего шестнадцать актеров. Разных — получше и похуже,— рассказывает Ежиков.— Работать почти не с кем. Начал создавать молодежную студию народного театра. Прозанимался год, ничего не получается! Уходят студийцы. Нет постоянного состава. Только потом я понял наконец, что ребятам нужно играть, а не скороговорки повторять да лекции выслушивать. Стали готовить спектакли, и уже параллельно шли студийные занятия. Все сразу стало на свои места.

Пьесы в основном ставили серьезные — репертуар театра, особенно народного, нельзя рассматривать в отрыве от учебно-воспитательных задач.

...Начался спектакль. Мы стояли за кулисами, удивляясь способности этой молодежи мгновенно перевоплощаться.

— Мне кажется,— негромко говорит нам Ежиков,— что из этих ребят года через два-три получатся хорошие актеры...

Четверг. Единственный свободный от репетиций и спектаклей день. Тем не менее Ежиков во Дворце. Он секретарь партбюро, ведет семинары.

◀ Вряд ли в «Девушке-гусаре» узнают ученики свою строгую учительницу Валентину Пирогову.

«Город на заре» играют студийцы.

Создание макета.

— Сегодня собираюсь заняться философией.— Георгий Федорович показывает нам стопку книжек (Кант, Фейербах, «Основы марксистско-ленинской философии»). Приходится много всего изучать: ужасно боюсь отстать, упустить что-нибудь новое. Часто читаю ребятам лекции о кино, театре, о международной жизни... Я ведь оканчивал в институте факультет культпросветработы, а не просто режиссерский...

Ежиков всю свою жизнь связан с самодеятельностью и культурно-просветительной работой. А кем только ему не пришлось побывать за 38 лет жизни! Он был механиком, слесарем, гидротехником, редактором многотиражки на шахте... Все эти профессии очень помогли ему сейчас в Миассе.

— Институт культуры готовит не профессиональных режиссеров, а руководителей театральных коллективов, народных театров. И режиссеру, приехавшему на место, надо гораздо больше уметь, чем режиссеру профессионального театра. Там большой штат, а у нас на весь огромный Дворец всего два столяра, так что декорации зачастую делаем сами с ребятами. Нет художника, заведующего постановочной частью...

Одним словом, все приходится делать самому, и в этом смысле в институте надо побольше давать. То, что мы оканчиваем факультет культпросветработы, обязывает нас быть не только режиссерами, но и организаторами клубной работы... Когда были студентами, большинство из нас думало: я ведь режиссер, зачем мне клубная работа? А ее обязательно придется вести на местах! — заканчивает Ежиков.

Да, все мысли, идеи, жизненные планы этого человека связаны с работой. Иногда ему не спится по ночам после неудачных репетиций. В эти моменты наверняка приходит в голову: «Все брошу и уйду!» А наутро он снова во Дворце, снова добивается, волнуется, но все равно работает. Работает со своими актерами, студийцами, ставшими такими родными и необходимыми за три коротких, но трудных года...

Пятница. Студийцы занимаются движением, работают над голосом. Произносят пословицы с самыми разными интонациями, выражая, по заданию режиссера, радость, огорчение, страх, печаль...

В студию Георгий Федорович принимает всех желающих, в отличие от многих других самодеятельных коллективов, куда попасть бывает так же трудно, как в ГИТИС. Он никого не исключает, потому что неодаренный человек сам уходит. А те, кто остаются, любят театр всю жизнь.

Все конфликты студийцы решают сами, на собраниях, и всегда зовут Георгия Федоровича.

Нам повезло. Мы присутствовали на таком собрании. Решался вопрос об исключении одного из студийцев за зазнайство, противопоставление себя коллективу. Собрание было коротким: надо было продолжать занятия,— но бурным. Решение: оставить виновного в студии до первого предупреждения.

После собрания, все еще взволнованные, ребята рассаживаются по местам. И вновь начинается: «Купи кипу пик... У быка бела губа была тупа...»

Суббота. Последний день в Миассе. Последний раз на репетиции. Опять «Божественная комедия», только уже с другим составом. Георгий Федорович старается вовлекать как можно больше актеров и студийцев в спектакли, хотя это требует вдвое больше времени и энергии.

Ребята души не чают в своем режиссере. И старшие актеры с большой симпатией отзываются о нем. «Мы ведь понимаем,— говорят они,— что к каждому из нас нужен особый подход. Нас нельзя наказывать, любой может обидеться и уйти, и тогда срывается спектакль. А спорить мы готовы из-за всего: из-за костюмов, ролей, декораций. Попробуй уживись!..»

— Действительно,— как бы подтверждает Ежиков,— институт нас не учил обращению с актерами самодеятельных театров. Никакие предметы по психологии и прочие не смогут предусмотреть бесчисленное разнообразие характеров... Как пришел сюда из института, засучил рукава — и за работу! Теперь намного легче. А дальше будет еще лучше: у меня много помощников среди ребят. С их помощью у нас в Миассе будет подлинно народный театр: постоянный состав актеров, планомерная постановка спектаклей, свой зритель...

Мы прощаемся с Георгием Федоровичем Ежиковым и его актерами. Ребята хором и дружно кричат «До свидания!», а Георгий Федорович выходит вместе с нами из комнаты. И сразу к нему подошли — они ждали режиссера в коридоре — две девочки-школьницы и почти умоляюще спросили: «Георгий Федорович, можно к вам в студию записаться?..»

Принцесса-партизанка

Алексей ВАСИЛЬЕВ

Фото автора.

Недавно в одном из партизанских отрядов Лаоса я встретил двух юношей, которых спасла врач Давон. Вместе с этим отрядом я пробирался сквозь джунгли к медицинскому училищу, созданному в горных пещерах на освобожденной территории. Те двое ребят обещали, что там я смогу увидеть их спасительницу.

Мы идем день, второй, и мне нелегко втянуться в марш хорошо тренированных солдат. Еда — два раза в день: в семь утра и в семь вечера. Огонь разводят под лесными великанами, чтобы в их кронах таял дым. Если во время марша замечают американский самолет, просто замирают на тропе: сверху не различишь человека, затаившегося в густом кустарнике. Когда раздается долгожданная команда «Привал!», я сажусь в густую, высокую траву, отрывая от ног отвратительных, надувшихся травяных пиявок. Мне дают фляжку с тепловатой водой. Перед глазами плывет зеленое марево, зеленая фантазия. Горы одеты тропическим лесом. Он буйствует, окружает, захватывает тебя со всех сторон. Деревья — титаны, перевитые воздушными корнями и лианами, непролазные заросли бамбука, диких бананов. Потом команда «Подъем!», и снова путь через зеленую сказку лаосских гор.

Неожиданно потянуло дымком, залаяла собака. Мы миновали колючую изгородь у кукурузного поля и подошли к чернеющему в зарослях входу в пещеру. Над ним нависала скала. У входа стояли двое с винтовками — студенты. Из пещеры вышла молодая, стройная, хрупкая на вид женщина. Большие черные глаза. Скромная, застенчивая улыбка. Густые волосы, тяжелым пучком уложенные на затылке. Женщина была одета в белую кофточку и длинную расклешенную лаотянскую юбку. Это и была Давон, создатель и директор медицинского училища.

Командир нашего отряда подошел к ней, вытянулся по стойке «смирно» и отрапортовал о прибытии. Давон подала нам маленькую крепкую руку — ее пожатие было удивительно сильным,— с видимым удовольствием приветствовала своих бывших пациентов. Потом жестом она пригласила следовать за ней.

Через лабиринт галерей, переходов, отвесных лестниц мы пробрались в главную пещеру, расположенную метров на пятьдесят выше в скале. На стороне, открытой в долину, был сделан деревянный помост с перилами. На нем установлен стол. Сверху спускались метровой толщины воздушные корни дерева, которое росло выше, на карнизе. На бугристых каменных стенах пещеры висели медицинские схемы, портрет принца Суфанувонга, лозунги. Посредине «зала» стояли сколоченные из бамбука столы и скамейки. В глубине сырой пещеры — ряды многоярусных нар. Зал служил и общежитием. Потом мне показали и другие общежития — большие дома на сваях, прилепившиеся к скале.

Здесь, в зале, Давон рассказала мне о своей жизни.

Над ее колыбелью старый буддийский монах, бритоголовый, в оранжевой тунике, долго бормотал молитвы, отгоняя злых духов. В честь рождения девочки в главной пагоде Вьентьяна поднимался к сводам дым благовоний. Новорожденная лежала в тончайших тканях, колыбель была инкрустирована золотом, а верные няньки облегчали жару взмахами вееров из слоновой кости. Принцессе Давон Вонгсак прочили легкую, блестящую жизнь, сверкающий паркет дворцов, элегантных, учтивых поклонников...

Но жизнь принцессы пошла по иному руслу.

— Вы давно находитесь в освобожденных районах?— спросил я Давон.

— Здесь прошла почти вся моя жизнь.

После второй мировой войны, когда японские захватчики ушли из Лаоса и на лаотянскую землю вернулись французские колонизаторы, ее отец, принц Суквонгсак, видный политический деятель Лаоса, вместе со всей семьей ушел в джунгли. Он был одним из первых руководителей партизанского движения против колонизаторов. Девочка с двух лет росла в суровой среде воинов, и над ее постелью звучали уже не молитвы монахов, а мужественные песни бойцов, выл ветер и шумели деревья. Она рано перестала бояться страшного лесного демона Фиконгкоя и зверей, которыми пугают детей в городах и деревнях.

Принцесса Давон шла той же тернистой дорогой лишений, опасности и борьбы, что и тысячи других лаотянцев. Она рассказывала, какие светлые надежды связывали они и его друзья с установлением мира в Лаосе, какую горечь почувствовали они, когда правые попытались превратить ее прекрасную родину в тюрьму, которой управляли бы американцы. Годы труда, борьбы... В 1962 году появилась надежда — во Вьентьяне было сформировано правительство национального единства из представителей правых, левых (Нео Лао Хаксат), нейтралистов. В столицу прибыли лидеры Нео Лао Хаксат — Патриотического Фронта Лаоса — во главе с принцем Суфанувонгом. Но слишком нужен был американцам лаосский плацдарм для прыжка на Вьетнам, слишком ненавидели и боялись патриотов лидеры правых. По указке из Вашингтона правые саботировали соглашения, достигнутые в Женеве в 1962 году, патриоты вынуждены были уйти в свои старые освобожденные районы. И вскоре американские бомбы уже падали на жилища лаотянцев, единственная вина которых состояла в том, что они хотели мирной жизни в независимой, нейтральной стране.

Среди партизан Давон научилась главному — умению служить людям. Поэтому и пошла она в военно-медицинскую школу в партизанском крае, работала фельдшером, а затем уехала учиться в Ханойский медицинский институт.

Давон стала директором училища три года назад. Тогда оно находилось далеко отсюда, в Самнеа. Но затем начались американские бомбардировки. Во время первого налета один преподаватель был убит осколком, а несколько студентов погибли в пламени напалма. На похоронах двадцатидвухлетняя Давон стояла в скорбных рядах студентов и преподавателей и думала о том, как найти безопасное место для учебы. Об этих пещерах ей рассказал старый друг ее отца — охотник из племени белых тхаи. Летучий отряд студентов обследовал их, и вот уже, прорубаясь топором сквозь джунгли, распугивая тигров и горных медведей, сюда перебазировалось все училище.

Вместе со студентами киркой и лопатой Давон расчищала пещеры, устраивала аудитории, общежития. На берегу крошечного ручья под навесами был устроен небольшой склад учебных медицинских пособий, препаратов. Однажды ночью после необузданного тропического ливня ручей вздулся, и вода двинулась на холмик с драгоценным имуществом. Директор вовремя забила тревогу, подняла людей, и первой по горло в воде бросилась выносить схемы, книги, ящики с колбами, пробирками...

Мы познакомились со студентами. Они представляли почти полсотни племен и народностей Лаоса. В этой пещерной аудитории отражался весь Лаос, который шел за Нео Лао Хаксат.

Я присел на одну из скамеек в пещере, где шли занятия. В полной тишине, ловя каждое слово, слушали лекцию по анатомии юноши и девушки, дети крестьян из долин и горных племен, из Верхнего и Нижнего Лаоса. Неделями,

Гимн труду

Автору знаменитого революционного гимна рабочих «Кузнецы», поэту из народа и для народа, певцу труда и созидания, видному публицисту и общественному деятелю, Филиппу Степановичу Шкулеву исполнилось сто лет со дня рождения.

Он родился в подмосковной деревне Печатники, бывшего Московского уезда (ныне Текстильщики). Лишь в одиннадцатилетнем возрасте Шкулев впервые сел за школьную парту, но ненадолго: через два месяца пришлось оставить учение и поступить на ткацкую фабрику Либиша. Здесь случилось несчастье: попав рукой в машину, он лишился правой кисти. Не скоро инвалиду-подростку удалось устроиться на работу в зеленную лавку (сначала без жалованья), при которой он состоял в течение десяти лет.

Первые увидевшие свет стихи Шкулева появились в коллективном сборнике писателей из народа за 1890 год «Наша хата». Позднее стал печататься в популярных изданиях «Донская речь», «Детское чтение», «Детский друг», «Светлячок», «Будильник», «Путеводный огонек».

Изгнанный за такие «вольности» из лавки, вынужденный подолгу приискивать себе работу сторожем, грузчиком, чернорабочим, Шкулев продолжал тем не менее писать стихи и даже выпустил в 1894 году первый свой самостоятельный сборник из пятидесяти стихотворений «Думы пахаря». На характер дальнейшей литературной деятельности Шкулева повлияло знакомство и последовавшая за этим тесная дружба с поэтами-публицистами из народа М. Л. Леоновым (отец Леонида Леонова) и С. Дрожжиным, вокруг которых группировались пи-

а иногда месяцами пробирались они через джунгли и горные перевалы, чтобы поступить в училище, слава о котором шла по всем освобожденным районам. В годы французской колониальной оккупации, в годы американского вмешательства лаотянская деревня оставалась без какой-либо медицинской помощи. Людей лечили знахари или монахи. Сейчас в освобожденных районах готовят сотни специалистов, знакомых и с современной и с народной медициной, и эта задача в немалой мере лежит на плечах изящной, на первый взгляд хрупкой молодой женщины.

...Когда Давон училась в Ханое, она познакомилась там с русскими студентами и стала изучать русский язык. Она немного говорит по-русски, смешно и мило коверкая слова, и, готовясь к лекциям, просиживает вечера за советскими медицинскими учебниками, переводит на лаотянский язык подписи под схемами.

— Вы замужем?

— Да, уже год.

— А где ваш муж?

Давон улыбается несколько печально.

— Он солдат, на фронте.

— Вы давно его видели?

— Месяца два назад, он заехал на несколько дней. Мы женаты почти год, но не провели вместе и пяти недель.

И добавила:

— Не одна я так. Идет война. Уже много лет. Мужчины уходят на фронт. Так надо.

— Можно взглянуть, как вы живете?

— Прошу вас...

Мы пробрались по карнизу, нависшему над пропастью, к небольшой сухой нише. Нары с циновкой, стол, стул, радиоприемник — вот и вся обстановка. У изголовья в кобуре — пистолет. Но чувствовалась и рука женщины — в лаотянском орнаменте, вышитом по краю белой подушки, в цветах, пламенеющих в снарядной гильзе, в каком-то неуловимом уюте.

Вдруг откуда-то снизу раздался крик:

— Товарищ Давон! Товарищ Давон!

Директор быстро спустилась по отвесной лестнице вниз. Там стояли крестьяне и о чем-то тревожно говорили. Их лица обратились к Давон.

— В чем дело?

— Горе, сестра Давон, горе.

— Что случилось?

— Там, в горах, раненый. Он расчищал участок джунглей под рисовое поле, и его придавило деревом.

Давон быстро собралась и ушла, захватив чемоданчик с медикаментами и инструментами, в сопровождении нескольких студентов...

Мне отвели циновку в студенческом общежитии. Тропическая ночь плыла за бамбуковой стенкой в крике обезьян, пронзительном скрежете цикад, пении незнакомых птиц.

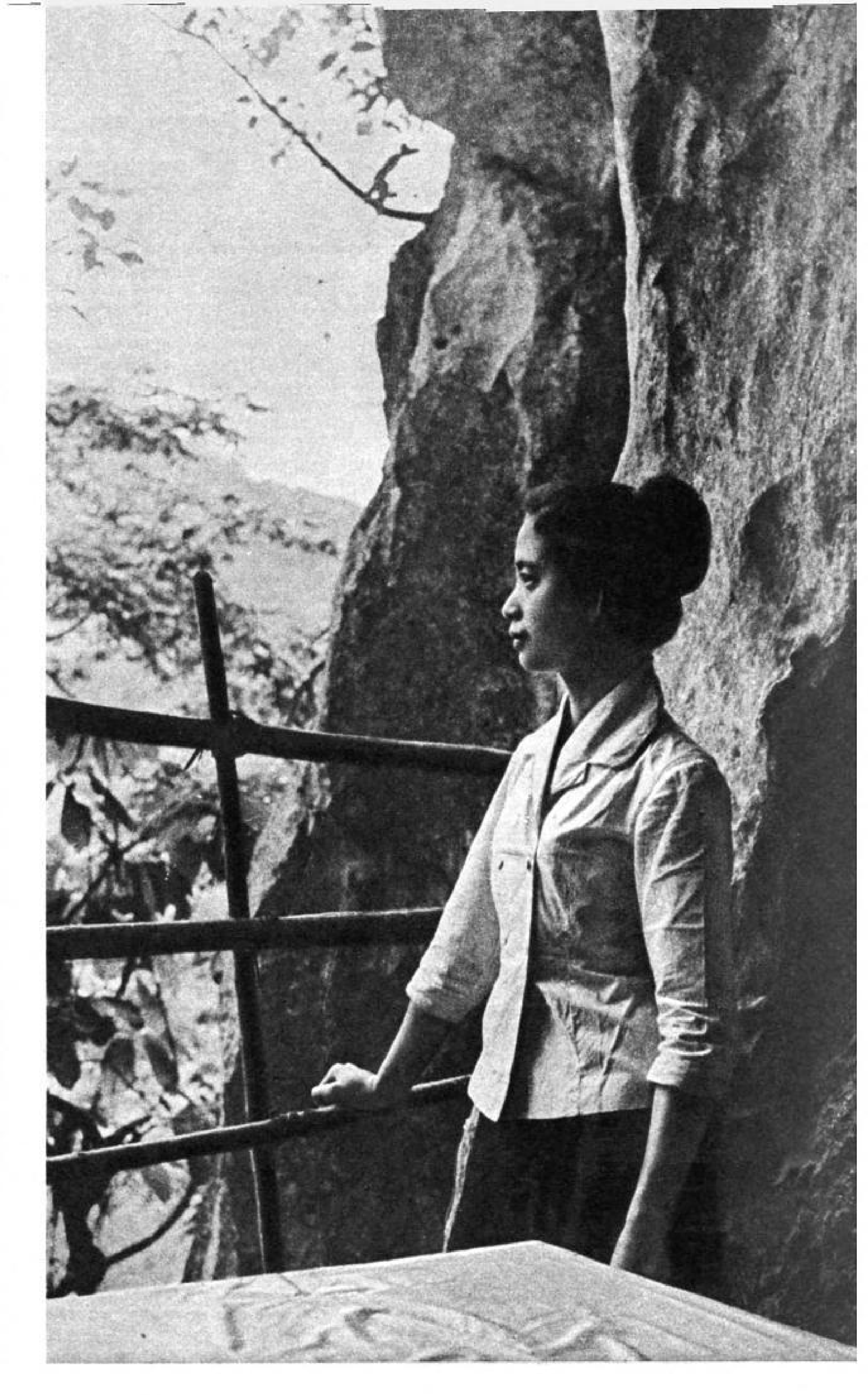
Утром нас разбудил бой барабана. Я взглянул на часы — было около пяти. Вскакивали с нар студенты, бежали умываться к хрустальному ключу, бившему из-под скалы, разбирали мотыги и винтовки.

На кукурузном поле, на клочках отвоеванной от джунглей земли, шла работа. Среди юношей и девушек в гимнастерке защитного цвета орудовала мотыгой Давон. Как мне потом объяснили, студентов и преподавателей обеспечивают рисом на 8—10 месяцев. Остальное время они должны снабжаться самостоятельно. Поэтому дирекция училища и создала, так сказать, подсобное хозяйство — поля риса, кукурузы, маниоки, огороды. Студенты и преподаватели разводят свиней, кур. Поэтому приходится выставлять охрану против тигров. Никто из десяти преподавателей училища, включая Давон, не получает жалованья, как, впрочем, и все другие кадровые политработники, учителя, врачи, офицеры Нео Лао Хаксат. Освободительную борьбу ведут люди, посвятившие себя служению идее, родине.

...В шесть часов снова застучал барабан, и медучилище отправилось на завтрак, состоящий из риса, овощей, кипятка с заваренными кореньями, лесных ягод. Затем с семи до одиннадцати часов в пещерах-аудиториях шли занятия. Их сменил двухчасовой сон. Затем снова учеба до пяти вечера. Перед ужином — час работы на поле, уборка и ремонт пещер. Вечером — самостоятельные занятия.

Еще один день закатился красным солнцем за взъерошенные очертания гор. Высоко в небе пролетело несколько американских самолетов. Они спикировали километрах в пятнадцати от нас. Раздались глухие взрывы. В районе медучилища все было спокойно.

Наш маленький отряд ушел по горной тропе к дороге.

Принцесса Давон — директор медицинского училища.

сатели-самоучки — «Московский товарищеский кружок писателей из народа», позднее переименованный в Суриковский.

Основанное Шкулевым совместно с М. Л. Леоновым издательство «Искра» было закрыто в 1906 году за выпуск нелегальной литературы: брошюр «Пауки и мухи», «Собственность есть кража» и сборника песен «Под красным знаменем».

В условиях жестоких цензурных репрессий осуществлялась и собственная литературно-издательская деятельность Шкулева. Меняя ежегодно названия своих полулегальных изданий, Шкулев выпускает и редактирует на протяжении последующих десяти лет до пятнадцати газет и журналов, сотрудничая одновременно под различными псевдонимами в других народных изданиях. За издание в 1910 году «Народного рожка» и выпуск сборника своих стихов «Смелые песни» Шкулев отдается под суд, приговаривается к одному году тюрьмы и отбывает этот срок в Таганской тюрьме, в одиночке.

Поэтическое творчество и публицистическую деятельность Шкулева ценил В. И. Ленин, привлекший его вместе с Серафимовичем, Нечаевым и Демьяном Бедным к сотрудничеству в большевистских газетах «Правда» и «Невская звезда». За опубликование в 1912 году нового варианта революционного рабочего гимна «Кузнецы» «Невская звезда» была конфискована. В этих же газетах были напечатаны и такие революционно-взрывные стихи его, как «Яснеет даль», «Гуди, набат», «Красный звон».

Гуди, набат, сильней над Русью,
Смелей, настойчивей гуди
И всех, кто спит в родной Отчизне,
На дело общее буди.

После Октябрьской революции, которую Филипп Степанович Шкулев встретил восторженно, он весь отдается строительству новой жизни, одновременно занимая в родном своем Московском уезде посты председателя волкомитета, военного комиссара и судьи, печатает стихи, посвященные Революции, издает несколько сборников своих произведений.

Память замечательного пролетарского поэта, воспевавшего русский рабочий класс, высоко чтит наш народ. Его поэтическое наследие живет и поныне, оно воскрешает великие страницы нашей революционной истории.

Ф. ИНЯКИН

Ал. ДЫМШИЦ, доктор филологических наук, профессор

Серьезные ошибки серьезн

Вышел в свет пятый том Краткой Литературной Энциклопедии.

Принципиальное значение такого издания трудно переоценить. Литературная энциклопедия — многотомник справочного характера, своего рода путеводитель по мировой литературе. Это не только свод фактов,— КЛЭ должна давать фактам, данным, сведениям научное, марксистское освещение.

Выпускается КЛЭ с технической точки зрения отлично — хорошее оформление, шрифты, иллюстрации. В каждом томе много удачных заметок, статей, написанных специалистами по литературам разных стран и народов. И в то же время почти каждый из вышедших томов вызывает возражения общественности, серьезную и обоснованную критику. Объясняется это тем, что в Краткой Литературной Энциклопедии выходит немало неудачных и нередко ошибочных статей, тем, что в томах КЛЭ заметно сказываются тенденции, идущие вразрез с принципами и традициями марксистской литературной науки.

Вот новый, пятый том энциклопедии... О многих статьях и заметках можно было бы сказать доброе слово. Но впечатление о книге, а значит, и о ее сильных сторонах решительно испорчено грубо ошибочными тенденциями, проявившимися в ряде ответственных статей этого тома.

Вот, к примеру, такая важная статья, как статья о ленинском принципе партийности литературы. Удивляет уже самое ее название: не «Партийность литературы», а «Партийность в литературе». В статье, разумеется, высказаны и отдельные правильные мысли. Но попробуйте узнать из этой статьи, как приуготовлялся исторически — в сочинениях Маркса и Энгельса — принцип партийности литературы, сформулированный Лениным в его знаменитой работе «Партийная организация и партийная литература». На сей счет в КЛЭ ничего не говорится. Нет в пятом томе ни слова и о том, как внедрялся практически в искусство, в литературу ленинский принцип партийности,— ни в статье о партийности в литературе, ни в специальной статье ничего не говорится о той великой роли, которую сыграла в этом отношении партийная газета «Правда». О «Правде», прославленном борце за принцип партийности в литературе, в КЛЭ попросту отсутствует статья. (Вместо центрального органа Коммунистической партии Советского Союза в пятом томе энциклопедии фигурирует журнал «Правда», выходивший во Львове в 1867—1898 годах.) Есть заметка о «Новой Рейнской газете», которую В. И. Ленин, как известно, считал лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата. В этой газете основоположники марксизма осуществляли — на раннем ее этапе — борьбу за партийные тенденции в литературе. В заметке об этом не сказано, как не сказано и о ленинском отношении к этой газете.

Если читатель захочет по статье «Партийность в литературе» узнать о том, как в марксистской критике проходил процесс осознания и теоретической разработки ленинского принципа партийности искусства, он не получит для этого необходимых данных. В статье говорится, что развернутое теоретическое осмысление ленинского принципа было дано впервые в 1932 году А. В. Луначарским. Но это, конечно, неверно,— это умаляет значение более ранних коллективных усилий критиков-марксистов (в том числе, разумеется, и А. В. Луначарского).

О ленинском принципе партийности искусства повествуется не только неполно, но и бесстрастно, так, как если бы вокруг этого принципа не было никаких теоретических битв. А между тем в литературной науке и критике идет активная борьба против попыток ревизионистского извращения эстетического смысла работы Ленина «Партийная организация и партийная литература». Марксисты уже давно сражаются против ревизионистских поползновений, стремящихся ограничить значение этой статьи Ленина и утверждающих, будто она относится только к области публицистики, а не к области художественной литературы. Но в Краткой Литературной Энциклопедии вопросам и задачам идеологической борьбы отводится немного места. Более того, в нем нередко проскальзывают идеологически ошибочные утверждения.

В той же статье «Партийность в литературе» мы встречаемся, как это ни парадоксально (статья о партийности!), с совершенно ложным утверждением, основанным на противопоставлении метода и мировоззрения, искусства и политики. Вот что читаем мы, например, на столбце 609: «...невозможно оценить значение И. С. Тургенева, А. Н. Островского, И. А. Гончарова, если судить об их месте в русской общественной жизни по их либеральной или консервативной политической позиции, а не по их вкладу в художественную сферу русского освободительного движения. Это хорошо понимала революционно-демократическая критика, которая создавала теорию и эстетику, опираясь преимущественно на художественные идеи своих политических антагонистов». Итак, типичный случай деидеологизации искусства, отделения «художественной сферы» от «политической позиции», да еще со ссылкой на тех, кто никогда не отделял искусство от политики,— на революционных демократов. Да еще и приписывание последним эстетической зависимости от их политических антагонистов. (Это на каких же политических антагонистов «опирались» Чернышевский, Добролюбов, Писарев? На Дружинина, Анненкова, Шевырева, Юркевича, Крестовского, Клюшникова?..)

Краткая Литературная Энциклопедия нередко уклоняется от задачи идейно-эстетического наступления, идет на идеологические уступки.

Вот, например, статья «Натурализм». Казалось бы, вот тема, которую можно разработать не только в историко-литературном плане, но и в аспекте критики натуралистических тенденций современного декадентского искусства. Однако натурализм рассматривается в КЛЭ только как литературное направление прошлого, о натуралистических тенденциях в современности говорится мельком и применительно к советской литературе, а декадентский Запад с его разнообразными натуралистическими «художествами» оставлен вне рассмотрения и критики.

Возьмем другую статью — «ОПОЯЗ» — филологическое общество, бывшее, как известно, цитаделью формальной школы в литературоведении. В этой статье во имя ретроспективной «реабилитации» формализма произведены прямые искажения исторических фактов. О борьбе марксистов против формализма почти не идет речи, полностью игнорируется тот факт, что под влиянием этой борьбы формализм во второй половине двадцатых годов практически «лежал в развалинах», более того, утверждается обратное — будто формальная школа во второй половине двадцатых годов продолжала свое «положительное» развитие, обогащая искусство и литературную науку. В резком противоречии с фактами говорится, что формализм во второй половине двадцатых годов оказал «плодотворное влияние» на С. М. Эйзенштейна. Но можно ли требовать научной объективности от статьи, исходной посылкой которой оказывается заявление, что опоязовцы направили «все внимание... на анализ формы» (оторванной от содержания), «стремясь к целостному анализу поэтического произведения»?!

Идеологическая уклончивость сказалась и в статье «Пастернак», в которой рядом с интересными и точными суждениями дается совершенно беспомощная характеристика реакционного романа этого писателя — «Доктор Живаго». Приведу те «жалкие слова», которыми высказывается КЛЭ об этом романе:

«В центре романа «Доктор Живаго» — интеллигент, ...стоящий на трагическом распутье между личным миром и общественным бытием, связанным с активным действием. В романе выражено глубокое разочарование в идее революции, неверие в возможность социальной перестройки общества. Герой романа отвергает жестокость белогвардейского лагеря и не приемлет революционного насилия и жертвенного подчинения личности судьбам революции. С большой силой написаны страницы романа о жизни природы, любви героев».

И все! Вместо характеристики позиции Пастернака, вместо объяснения того, что привело его к написанию романа, проникнутого «веховским» отношением к революции,— рассуждения о позиции героя. Но ведь герой мог быть и самым что ни на есть отрицательным (вспомним хотя бы Клима Самгина), такие качества героя еще ничего не говорят о позиции автора. Удивительно, что в то время, когда «Доктор Живаго» стал бестселлером на Западе, когда он сделался основой для реакционного фильма, направленного против нашей революции, Краткая Литературная Энциклопедия не находит для его оценки точных, продуманных определений и ограничивается каким-то инфантильным лепетом.

Очень странно выглядят в изображении КЛЭ молодые социалистические литературы ГДР и Польши, обладающие старыми и крепкими боевыми традициями и новаторскими достижениями, получившими широкое признание. В статье «Немецкая литература» литературе ГДР уделено меньше места и внимания, чем литературе ФРГ. Между тем кому не известно, что именно в ГДР развивается и расцветает свободная, социалистическая литература, что для ее успехов очень много сделано СЕПГ, замечательным вдохновителем и руководителем немецкой социалистической культуры. Ни о роли партийного руководства литературой в ГДР, ни о значении так называемого Биттерфельдского пути для развития художественного творчества, ни о социалистическом реализме — ведущем методе литературы ГДР — читатель ничего не узнает из КЛЭ. Зато вместо всего этого он прочтет слова, которые могли бы характеризовать развитие эстетической теории в любой передовой литературе: «Для развития литературы и эстетики ГДР большое значение имеют работы и письма К. Маркса и Ф. Энгельса, их переписка с Ф. Лассалем по поводу драмы «Франц фон Зиккинген» (1859), письма Энгельса к М. Каутской (1885), М. Гаркнесс (1888) и другие (?) сочинения» (стлб. 216).

В статье «Польская литература» в разделе «Литература Народной Польши» можно встретиться с упоминанием о социалистическом реализме. Но вспоминают о нем только в связи с литературой конца сороковых и начала пятидесятых годов и говорят о нем как о «лозунге» (стлб. 866). Все дальнейшее развитие литературы уже не связывается с борьбой за новый метод искусства, с его успехами в творчестве ряда польских писателей (среди которых, кстати, почему-то не упомянуто имя столь крупного художника, как Юлиан Тувим). В названном разделе отмечаются «новые черты» литературы, но характеризуются они вне всякой связи с проблемой развития социалистического художественного творчества. Говорится, что в литературе после 1956 года «усилилась интеллектуализация художественной прозы, преобладание рефлексии над описанием, ограничение фабулы в пользу интеллектуальной конструкции (?)», но поди пойми, в какой связи все это находится с процессами развития новой действительности в Польской Республике.

Отсутствие идеологической последовательности приводит к тому, что в КЛЭ, в частности в ее пятом томе, порой проявляется повышенная внимательность к явлениям, чуждым и враждебным социалистической культуре, тогда как заметно умаляются некоторые явления литературы, кровно связанные с этой культурой.

С какой предупредительностью написана в КЛЭ статья о «русско-американском» писателе В. Набокове-Сирине: он, разумеется, рассматривается критически, но критикуется он так, словно речь идет об авторе значительных произведений. Между тем в эмигрантской литературе Владимир Сирин величина далеко не крупная и написано им немало низкопробных сочинений. Насколько раздуты «масштабы» этого литератора, можно видеть по тому, что ему уделено столько же места, как Льву Никулину, и немногим меньше, чем А. Неверову и Г. Николаевой.

Известно, что Фридрих Ницше писал по вопросам искусства и обладал весьма определенным писательским талантом. В литературной энциклопедии его не обойдешь. Но уделить Ницше в КЛЭ почти столько же места, сколько статье о партийности литературы, —

...ого издания

...то уже нечто, граничащее с беспардонностью. Да и чего стоит эта статья о Ницше, в которой «тихо и мило», весьма «нейтрально» излагается «Рождение трагедии...» и другие сочинения, в которой господствует псевдонаучная абракадабра (Ницше, видите ли, критикует Вагнера «в плане конкретно-социальной иллюзорности» — стлб. 296) и нет подлинной марксистской квалификации роли и места философско-эстетических взглядов этого реакционного мыслителя, характеристики той роли, которую они играют в современности в частности, в руках реакционных «культурполитиков» в США, ФРГ и других буржуазных странах). Прямо-таки совестно читать эту длинную статью в издании, где для крупнейшего современного эстетика-марксиста болгарского ученого Тодора Павлова нашлось ровно столько места, сколько для Вл. Набокова, и где марксистским критикам-ленинцам М. Ольминскому и А. Мясникяну отведены небольшие заметки.

Думается, что если бы составители энциклопедии отнеслись к некоторым советским ученым так же внимательно, как к некоторым эмигрантским поэтам, то это устранило бы отдельные, мягко выражаясь, неловкости. К примеру, для характеристики воспоминаний поэта-эмигранта Н. Оцупа нашлось словечко «интересные», а для видного советского ученого, одного из серьезнейших теоретиков литературы, А. Мясникова, не нашлось ни одного слова оценки, так просто и сказано: «автор статей и брошюр...» В заметке об эмигрантской поэтессе И. Одоевцевой точно учтены и парижские и нью-йоркские издания (что, конечно, порицания не заслуживает — точность есть точность), но в заметке о советском ученом А. Овчаренко спутано все (или почти все) — имя, место рождения, наименование диссертации...

Остается сказать еще несколько слов о библиографических рекомендациях, которые дает КЛЭ. Библиографические справки в КЛЭ создаются на основе выбора, отбора — это неминуемо. Но это же придает справкам рекомендательный характер. И тут снова возникает впечатление, что в КЛЭ и в этом деле — библиографические рекомендации — господствует дурная тенденциозность. В библиографических справках нередко отсутствуют указания на интересные работы советских ученых и критиков, зато рекомендуется знакомство с разного рода сомнительными и вредными сочинениями. Что побуждает составителей советовать читателям разыскивать реакционнейшие писания Льва Шестова о Ницше, взятые на идеологическое вооружение в США и ФРГ, работу известного «советолога» В. Сечкарева об ОПОЯЗЕ, книгу эмигранта Г. Адамовича — как «пояснение» к заметке о В. Набокове-Сирине, статью открытого антисоветчика А. Рипеллино о Б. Пастернаке?..

Я остановился на некоторых примерах, свидетельствующих о том, что в КЛЭ нередко забывают об идеологической ответственности, о верных научных критериях, о марксистских, социальных принципах подхода к литературным явлениям.

Повторю сказанное вначале: принципиальное значение такого издания, как КЛЭ, очень велико. Сотни тысяч читателей у нас и за рубежом должны получить в этом издании точную справку, верную идейную ориентировку.

К сожалению, КЛЭ слишком часто дезориентирует читателей. Об этом наша печать писала уже не раз, начиная с выхода первого тома энциклопедии. Но вот вышло уже пять томов, пройден цикл от «Аарне» до «Припев». А в КЛЭ все еще продолжают звучать разного рода фальшивые припевы и напевы.

Доколе же так будет? Не пора ли стать строже, взыскательнее хоть напоследок?

Академик А. П. Виноградов.

Фото Ю. Абрамочкина.

Навстречу утренней звезде

Елена КНОРРЕ

Желтые полосы на горизонте. Причудливые силуэты карликовых берез. Морошка да клюква на болотах. Все холодное, приглушенное. Север. Но повеет вдруг теплом и влагой Гольфстрим. Тогда туман опускается на город. За туманом чудится пестрота дальних портов, зной пронзительно синего неба над нездешними зелеными и радужными морями.

Для Александра Павловича Виноградова это была встреча с Мировым океаном. Думал ли он тогда об этом, предчувствовал ли, что только начинает разматывать нить бесконечного нептунова клубка? Сейчас даже он сам не сможет ответить точно на этот вопрос.

Он вышел на «Персее» — деревянной посудине водоизмещением в триста тонн, приписанной к мурманской биологической станции. «Персей» был тихоходом. Его машины успели изрядно потрудиться на своем веку. Зато он мог ходить под парусами. Да и не было у нас тогда хороших исследовательских судов. К тому времени Александр Павлович Виноградов уже стал правой рукой Вернадского — мыслителя поистине гениального, далеко опередившего свое время.

Ему было присуще удивительно цельное восприятие мира. Он смотрел на человечество как на некий космический фактор, способный преобразовать не только лик Земли, но и Вселенную. Поэтому он одинаково интересовался подсчетом лево- и правозакрученных галактик, миграцией меди в земной коре и миграцией саранчи в Северной Африке. Он видел мир единым и легко находил тонкие властительные связи между, казалось бы, совершенно разнородными явлениями.

Так смотрел на мир Вернадский. Так смотрел на мир и Виноградов, хотя не сразу осознал,

что его научному методу сродни цельность учений древних.

Тогда, в 1927—1928 годах, на Баренцевом море, под холодным, цвета серного колчедана небом Виноградов ловил асцидий, или оболочечников. В золе оболочечников Виноградов обнаружил несколько процентов ванадия. Больше, чем в иных качественных сталях! Животные оказались концентраторами ванадия, который извлекали из придонного ила.

Тогда это выглядело непостижимо. Но потом окончательно оформилась новая наука, биогеохимия, которая выяснила, что живые организмы — необходимый этап круговорота элементов. Теперь это не вызывает особого удивления. Тогда это было открытием первостепенной важности. Рухнул еще один барьер, искусственно отделявший живую природу от неживой.

1926 год — «Химические элементы и живое вещество», 1927 год — «Йод в природе», 1928 год — «Физиологическое значение никеля, кобальта, меди и цинка в животных организмах», 1929 год — «Об определении воды, углерода и азота в организмах насекомых», «Химический состав планктона», «Марганец в насекомых» — вот некоторые работы Виноградова тех лет. Этапы становления новой науки. Полет фантазии и тщательные измерения в химической лаборатории. Первые работы, блестящий старт разностороннего исследователя...

Потом он займется другими делами, но так никогда и не расстанется с океаном. Фундаментальная монография о химическом составе морских организмов (1935, 1937, 1944) пройдет почти через всю его жизнь. Ее переведут потом на многие языки, а профессор Хатчинсон, предваряя ее американское издание, напишет: «Не верится, что все это сделал один человек... В этой книге собраны данные по аналитической химии, физиологии, биохимии, геологии, океанологии, физике и науке о питании...»

Такой метод станет излюбленным для Виноградова, и слова «не верится, что все это сделал один человек» станут повторяться все чаще и чаще.

Найденный в оболочечниках ванадий не останется для Виноградова только вехой на пути. Потом, через много лет, исследуя происхождение ванадия в нефтях и твердых битумах, он покажет, что источником его были илы приконтинентальных морей. И молнией сверкнет догадка: «Ванадий мог играть роль катализатора при нефтеобразовании». Так идея выйдет на новую спираль. Соединит как будто бы несоединимое, перебросит мосты между геологическими эпохами и научными дисциплинами.

Мир един. Мы это знаем. Но только немногим дано по-настоящему чувствовать это единство, и лишь считанные исследователи могут заниматься наукой, постоянно сознавая это.

В 1054 году два безымянных астронома зафиксировали в своих рукописях необычайное явление природы: засияла новая небесная гостья. Теперь, спустя более девятисот лет, мы знаем, что в созвездии Тельца тогда произошел взрыв сверхновой звезды. А вокруг нее взрывообразно расширяется исполинское газовое облако — знаменитая Крабовидная туманность.

Кажется, какое отношение имеет все это к Виноградову? Ну, взорвалась когда-то сверхновая, ну, выбросила во Вселенную потоки жестких лучей.

Именно жесткие лучи космического взрыва заинтересовали Виноградова. Но разве можно найти хоть какие-то следы этого давным-давно случившегося события? Разве что деревья. Годичные кольца, относящиеся к 1054 году, должны были зафиксировать ворвавшийся в атмосферу Земли лучевой поток, как зафиксировали они взрывы атомных и водородных бомб. Североамериканские секвойи — настоящие Мафусаилы. 4 000—5 000 лет для них не рекорд. Значит, путь лежит в Канаду. Надо сделать достаточное количество спилов. Потом в лаборатории можно исследовать изотопный состав годичных колец...

Впрочем, изотопные исследования Виноградова начались гораздо раньше, еще в тридцатых годах, задолго до открытия цепной реакции деления урана, задолго до «битвы за тяжелую воду». Хотя начались именно с тяжелой воды.

В 1934 году появилась его работа «Тяжелая вода и нахождение ее в земной коре». Мы легко найдем связь этого исследования со всеми последующими. А с предыдущими?

И вновь арктические воды бьют в задраенный иллюминатор. Океан — основа химии. Вода — мать живого. Химический состав организмов. Редкие элементы. Микроэлементы. Живая и мертвая вода. Космическое излучение. Изотопы. Радиоактивность. Изотопный состав минералов и живых организмов.

Так волна за волной, прилив за приливом. Вот почему ранее начатые работы возобновлялись иногда спустя несколько лет, когда ученый занимался вроде бы совсем другими проблемами. Это — следствие научного метода Виноградова.

В первую свою заграничную командировку Александр Павлович поехал в 1936 году. Академия наук СССР поручила ему установить связь с геохимиками и океанографами, познакомиться с новыми методами исследования.

В Праге он познакомился с нобелевским лауреатом Ярославом Гейровским, разработавшим полярографический метод. Возвратившись домой, Виноградов усовершенствовал полярографию и широко внедрил ее в исследовательскую практику. Новый метод позволил ему изучить распределение химических элементов между средой и организмами. Так было положено начало учению о биогеохимических провинциях, а сельское хозяйство стран мира как бы между прочим получило совершенно новые удобрения — те самые микроэлементы, о которых сейчас столько пишут и говорят.

Возможно, что долго дремавший в Виноградове врач вырвался наконец наружу. Иначе трудно объяснить, почему биогеохимические провинции — области с недостатком или избытком химических элементов — сразу же, без неизбежной в таких случаях постепенной трансформации превратились в самостоятельную главу медицины. Такие болезни, как флюороз, молибденоз, цинковая, медная, вызваны только нехваткой или избытком микроэлементов. Работы Виноградова в области эндемий — минеральных эпидемий — бесценный вклад в медицину.

Так замкнулся еще один круг мысли, еще один виток универсальной спирали познания совершил оборот. Пожалуй, именно виток спирали, а не просто логический круг. Ведь точка никогда не ставится. Конец одного неуловимо переходит в начало другого.

Древнейшая история Земли. Буйная флора и формирование атмосферы. Это цель и вместе с тем всего лишь повод, а может быть, только необходимое звено в познании. Во всяком случае, должен быть перекинут мост и к работам по изотопному составу. Раз уж Виноградов задумался над грандиозной эпохой первичного фотосинтеза и плюс к тому владеет новыми методами исследования, тут намечается мостик к работам по изотопному составу элементов, участвующих в фотосинтезе. Мировое круговращение элементов...

После кропотливых исследований Виноградов установил, что кислород в процессе фотосинтеза растений образуется не из углекислоты, как это всегда считали раньше, а из воды. Это сам по себе вклад в мировую науку.

...Снова вода. Океан.

Виноградов разослал гонцов во все концы света. Они «устроились» на гидрометеорологических и китобойных судах, траулерах и кабелепрокладчиках, их взяли к себе на борт гидросамолеты и катера пограничной охраны.

Зачем? Задача у всех была одна — собрать как можно больше проб воды в разных морях и на разных глубинах. Особенно интересовали Виноградова большие глубины. Их он отдал на откуп специальным исследовательским кораблям.

Вся эта грандиозная эпопея сводилась к тому, что Виноградов хотел знать изотопный состав кислорода в водах океанских, речных и биологических. Необходимо было подтвердить обнаруженный им и Руфиной Владимировной Тейсс эффект. Все упиралось в тяжелый изотоп кислорода O_{18}. Двадцать лет продолжались эти работы! Виноградову нужна была абсолютная уверенность в правильности его взглядов на фотосинтез. Почему все же кислород атмосферы несколько тяжелее кислорода фотосинтеза? Ответ был найден. Потому, что при биологических процессах дыхания, тления, окисления преимущественно потребляется легкий изотоп O_{16}.

Обширны работы Виноградова по изотопному составу. Здесь определение абсолютного геологического возраста горных пород, предыстория элементов в месторождении, происхождение минералов, температурные режимы Земли и океана древнейших эпох, геохимические изотопные реакции и многое другое.

Изотопный состав кислорода (вспомним, что этим закончилась виноградовская «поправка» к теории фотосинтеза) послужил для Александра Павловича критерием для теории происхождения основных групп горных пород земной коры.

Сделав допущение, что загадочная мантия Земли состоит из вещества метеоритов, он воссоздал эволюцию нашей планеты. Он показал, что механизм образования земной коры и других оболочек Земли объясняется выплавлениями дегазацией части вещества мантии по механизму зонной плавки. И это удалось доказать экспериментально. Виноградов провел зонную плавку метеоритов и обнаружил, что метеоритное вещество разделяется на две фракции: легкоплавкую—базальтовую (земная кора) и тугоплавкую — дунит (вещество верхней мантии). И все химические элементы, как показали опыты, распределяются между этими слоями соответственно тому, как распределены они в мантии и земной коре (литосфере). Так была приподнята завеса над тайной нашего прошлого, далекими эпохами, когда раскаленная планета корчилась в огненных муках, тяжело дышала, готовясь создать и жизнь, и чувства, и мысль.

Зонной плавкой первичного вещества нашей планеты Виноградов объясняет и появление ее оболочек (знаменитая «теория оболочек»): литосферы, атмосферы и гидросферы. Это новый шаг вперед и возврат к далеким истокам. Ведь Виноградов объясняет, как возник на Земле Мировой океан! Дань извечной любви, ответ на зов, отблеск северного сияния, белых ночей над «Персеем».

Наконец, третий этап. Создав теорию химической эволюции Земли, Виноградов показал, как образуется кора, другие оболочки и на планетах. Это прыжок во Вселенную. Опять новое грандиозное дело.

Эксперимент «Венера» блестяще подтвердил теорию оболочек. Количество углекислоты и азота на Венере такое же, как на Земле. Только на Земле вода и углекислота находятся в земной коре и в океане, как говорится, у наших ног, а на Венере она поднята, запрокинута вверх, навстречу Солнцу.

Если бы Земля приблизилась вдруг к нашему светилу, то под влиянием разогревания атмосфера обогатилась бы углекислотой карбонатных пород, да и с океанов бы увеличилось испарение. Облака стали бы гуще и долговечней, а тепловое излучение оказалось бы запертым. Климатологи называют это «тепличным эффектом». В результате температура Земли еще более возросла бы, а это, в свою очередь, вызвало бы новое обогащение атмосферы углекислым газом. Одним словом, Земля могла бы превратиться в Венеру.

К счастью, это всего лишь воображаемый эксперимент, иллюстрирующий теорию Виноградова о саморазогревании атмосферы.

Так был сделан новый прыжок к новой ветви на спирали Познания. Прыжок во Вселенную, навстречу утренней звезде.

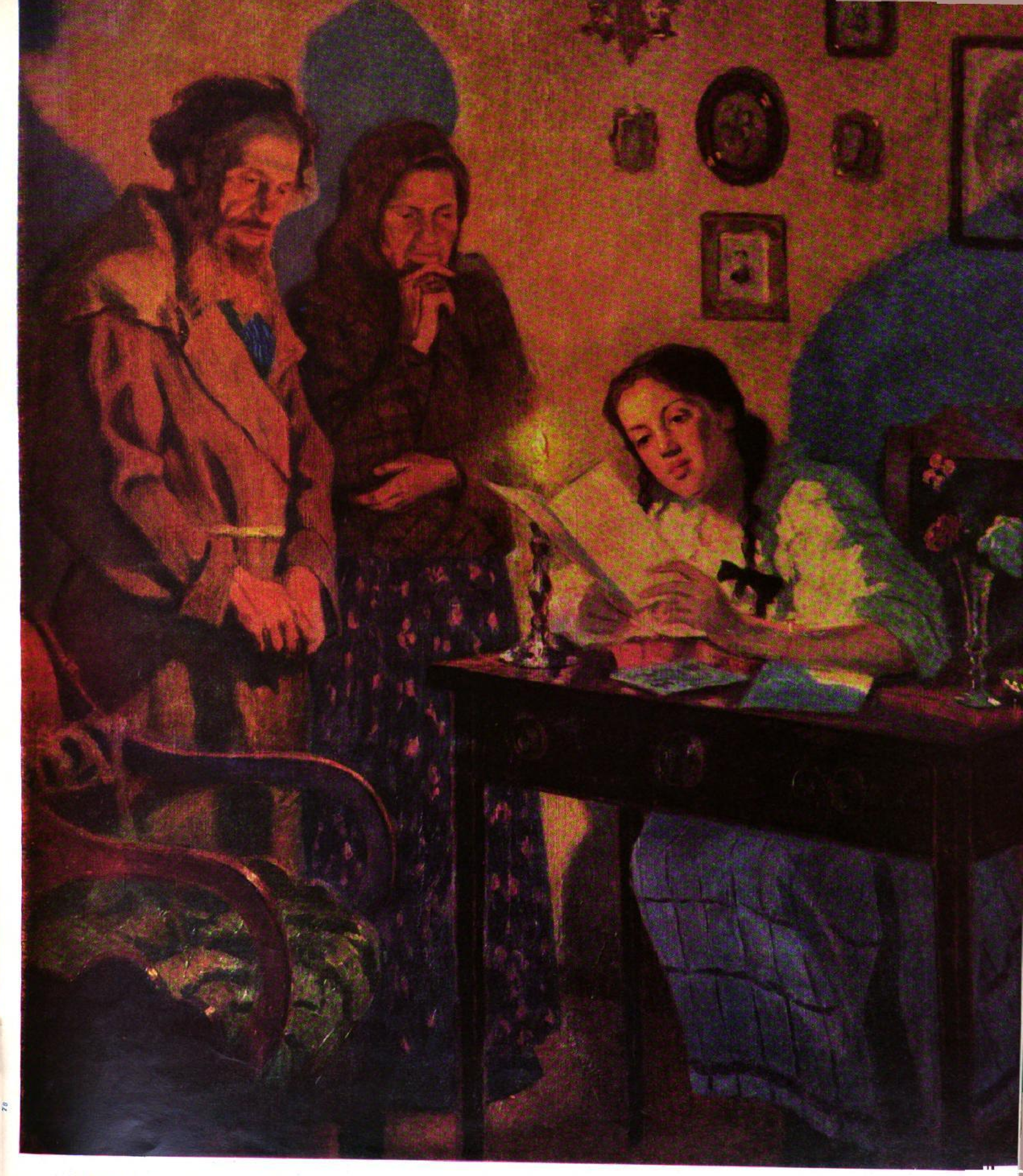
Виноградову часто говорят: «Разве можно жечь свечу с двух концов?» «Свечу — нельзя,— отвечает он.— Но человек не свеча».

Он слишком много работает и слишком мало отдыхает. Но, наверное, иначе просто не может. Человек действительно не свеча. Ему свойственно гореть каждым нервным окончанием, каждым нейроном мозга. Поглощать свет, отдавать его.

Однажды академика Виноградова спросили, каким ему представляется ученый, исследователь.

«В солнечной системе, затерянной в спиралях одной из миллионов галактик, на одной из десятков миллионов планет стоит существо и пытается слабым взором охватить Вселенную.

Почему ему это удается? В чем сила этого слабого обитателя затерянной в мироздании планеты? Я думаю, в вечном беспокойстве».

Н. Богданов-Бельский. 1868—1945. ПИСЬМО.

Бердянский областной художественный музей.

Н. Богданов-Бельский. У ДВЕРЕЙ ШКОЛЫ. 1897.

Государственный Русский музей.

„Я ведь от земли..."

Ник. КРУЖКОВ

Николай Петрович Богданов-Бельский рассказывал о себе: «Я ведь от земли, отца не видал: я незаконнорожденный сын бедной бобылки, оттого Богданов, а Бельский стал от имени уезда. Был пастушонком».

Тот, кто хоть немного помнит старое время, знает, сколько надо было сельскому пастушонку, да еще незаконнорожденному, затратить сил, проявить характера и таланта, чтобы выбиться «в люди», стать художником, добиться признания, в 35 лет сделаться академиком, а в 46 лет достичь звания действительного члена Академии художеств. Таланта тут одного было недостаточно. Немало талантливых людей из народа так и оставались в неизвестности, гасли, чахли в путах нищеты, невежества, глушили тоску в кабаках, сходили с круга. На жизненном пути Н. П. Богданова-Бельского, еще когда он был мальчишкой, повстречался чуткий и добрый человек, известный в свое время педагог С. А. Рачинский, организовавший образцовую народную школу в селе Татеве, Смоленской губернии. В эту школу удалось поступить сыну бедной бобылки, и здесь он привлек к себе внимание педагога своими способностями к искусству. Мальчик очень здо́рово вырезывал из дерева разные фигурки, рисовал на грифельной доске, на клочках бумаги все, что попадалось на глаза. Рачинский заметил это и решил, что пастушонка надо учить сообразно его склонностям.

— Из тебя выйдет толк,— сказал он ему.

Хлопотами Рачинского Николай Богданов был определен в школу рисования при Троице-Сергиевской лавре. Здесь он учился два года, а в 1884 году, шестнадцати лет, поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

Это была пора, когда в училище имели большое влияние славные мастера — русские художники-передвижники, учившие жизненной правде, любви к народу, прививавшие своим ученикам навыки честного, реалистического искусства. В. Д. Поленов, И. М. Прянишников, В. Е. Маковский стали учителями Н. П. Богданова-Бельского, и если всмотреться в его картины, то отчетливо увидишь следы их благотворного влияния.

Вначале он учился в пейзажном классе, но чего-то не хватало его сердцу, тянулся он к жанру, к непосредственному вторжению в народную жизнь, в ее самую гущу. Впоследствии, вспоминая о своих юношеских стремлениях, Богданов-Бельский рассказывал: «Меня тянуло в деревню, мне казалось, что там я напишу что-то значительное, нужное...»

Школьные годы, столь счастливо и удачно сложившиеся, остались в сознании художника светлым лучом, осветившим всю его жизнь. Его любимые герои — дети, учителя, его лучшие картины посвящены школе. Кто не знает его знаменитого произведения «Устный счет»?.. Когда-то оно воспроизводилось даже на школьных тетрадках и было знакомо в этом виде и тем, кто не знал самого имени художника. Здесь целая вереница образов сельских ребят, пытливых, сметливых, занимающихся с великим усердием. Один уже решил задачу и сообщает об этом учителю, другой сосредоточенно взялся за подбородок,— решение уже близко, третий весь ушел в размышления, и ничего не существует для него — ни шума, ни гама. Вся картина — воспроизведение класса Татевской школы, а учитель с утомленным, добрым лицом — это и есть Рачинский, который оказал такое влияние на судьбу художника.

Не менее примечательна картина Богданова-Бельского «У дверей школы», тоже вполне биографическая. Вот таким нищим мальчишкой предстал художник в Татеве, когда явился учиться в школу. Лица мальчика не видно, но вся его фигура полна трепетного волнения. Он снял шапчонку, жадно вслушивается в слова учителя, с завистью глядя на своих сверстников, сидящих за партами. Мальчик хочет учиться и будет учиться. В это веришь, ибо весь настрой картины светлый, оптимистический, хоть и несколько грустный. В ней символически выражено стремление народа к знанию, простого деревенского народа, который был близок и дорог душе художника.

Лучшие картины живописца посвящены школе: «Сочинение», где изображен мальчик за партой, погрузившийся в глубокое размышление, «Воскресное чтение», где дана целая портретная галерея крестьян, явившихся послушать рассказ учителя, «Проба голосов», «У больного учителя», «Новички»... Размноженные в тысячах репродукций, эти картины Богданова-Бельского получили в свое время широкую известность.

Кисти художника не были чужды и большие, социальные темы. Такова картина «Вести с войны», написанная в 1905 году, где изображена группа крестьян, слушающих чтение газет. Тревога, волнение, напряженность запечатлены в позах крестьян.

В 1913 году художник написал картину «Новые хозяева».

...Барский дом, купленный у разорившегося барина богатым мужичком. Столовая со старинными часами, окно в сад, портрет какого-то сановного предка, еще не снятый со стены. И в середине комнаты стол с самоваром и торжественное чаепитие всей семьи нового хозяина. Хозяин в жилетке, бородат, лицо жесткое, властное — рядом сыновья, дочери, весь вид которых говорит, что немало получили они колотушек от главы семейства, набившего мошну торговлей, барышничеством и ставшего, наконец, на ноги. Хозяин дома теперь — сила, власть, гроза для своих домашних и всей сельской округи.

На смену разоряющемуся дворянству идут щедринские Деруновы.

Получили старик со старухой письмо от сына из города. Надо идти в барский дом, там прочтет добрая барышня: в деревне прочитать некому. И вот с напряженным вниманием слушают старые люди письмо сына, наполненное низкими поклонами всем родственникам и односельчанам, рассказывающее о тяжелой и скудной жизни в поисках куска хлеба. «Пропадет Митька»,— думает старик. Старуха более спокойна: «Может, все обойдется...»

Таково содержание картины «Письмо», напоминающее об одной из страниц нашей истории. Произведение художника имеет огромный подтекст. Оно заставляет переживать и размышлять.

Картина «Подруги» снова обращает нас к сельской детворе, которую так любил и тонко понимал художник. К дочери помещика пришли подруги — деревенские девчонки. Барышня играет на пианино, это кажется чудом. Слушают с истовым вниманием, звуки, кажется, льются с небес — так хорош этот непонятный, недоступный для деревни инструмент! Барская музыка! Но не за горами уже то время, когда и в деревню придет настоящее искусство, ворвется вместе с революционным вихрем, станет доступным всем...

Для Н. П. Богданова-Бельского, художника «от земли», чрезвычайно характерно то, что, изображая крестьянство, он всячески подчеркивает тягу деревенского люда к знанию, к свету. Его крестьянин нищ, задавлен нуждой, но он размышляет, стремится к лучшей жизни, хочет все познать. Какие замечательные мальчишки и девчонки на его картинах — сметливые, толковые, любящие школу! И народный учитель — подвижник, отдающий все свои силы народному просвещению, встает перед нами на полотнах художника героем-тружеником, сеющим на Руси «разумное, доброе, вечное».

Пусть это покажется спорным, но, всматриваясь в живопись Богданова-Бельского, явственно ощущаешь железные шаги приближающейся революции. Герои картин художника — русские крестьяне — народ умный, толковый, он недолго будет терпеть свое тяжкое, угнетенное положение. И ведь впрямь, школьники, дети, так любовно изображенные художником, в 1917 году, сделавшись взрослыми, стали на сторону революции, вымели всю нечисть со своего крестьянского двора, построили новую жизнь.

Кроме жанровых картин, художник создал целую галерею портретов, весьма примечательных мастерским выполнением. Среди них наиболее удачны портреты историка и библиографа Н. П. Барсукова, профессора В. И. Сергиевича (того самого, который в свое время экзаменовал В. И. Ленина на юридическом факультете), художницы Е. М. Бем, артиста Московского Художественного театра А. Р. Артема. Многие портреты работы Богданова-Бельского были сделаны по заказу богатой клиентуры, для заработка. Об этой стороне своей деятельности сам художник отзывался без излишнего авторского восторга: «...приходится приезжать в Петербург, набирать заказы у богатых и знатных людей и, обеспечив себя, возвращаться в деревню работать над тем, что по сердцу».

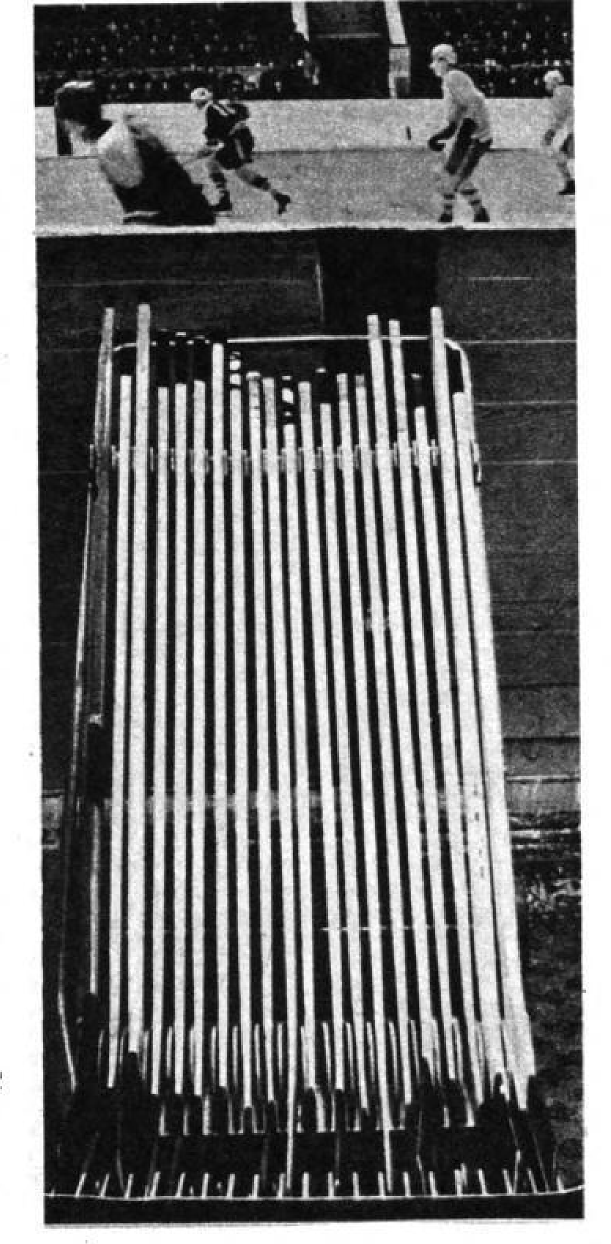
А сердце художника «от земли» принадлежало простому народу, крестьянскому люду, из среды которого он сам вышел.

Встретив великую революцию с радостью, художник тем не менее не смог выдержать трудностей жизни, лишений и бедствий, вызванных гражданской войной, разрухой, и в 1921 году уехал в Латвию, где тогда была буржуазная республика. Но, как всегда бывает, разрыв, хотя и временный, с родиной, со своим народом крайне неблагоприятно отозвался на творчестве художника: за весь латвийский период жизни ему не удалось создать ничего значительного. Лишь тогда, когда Латвия вошла в семью советских республик, художник почувствовал, как у него расправились крылья. В 1940 году он написал отличный портрет Максима Горького, буревестника революции, великого пролетарского писателя, сумев запечатлеть его характерные черты. Это была последняя большая работа художника. В 1945 году Н. П. Богданов-Бельский умер.

Не стало крупного мастера, чье искусство было глубоко демократичным, служило народу и воспевало народ. Все лучшее, что создано художником, вошло в сокровищницу великого нашего искусства, заняв в нем достойное место.

Мы чтим память Богданова-Бельского, он и его мастерство дороги советским людям.

Анатолий ТАРАСОВ,
заслуженный тренер СССР

Игрок сегодняшнего и будущего хоккея мне представляется в первую очередь атлетом, сильным и разносторонним, умеющим быстро, резко бегать, обладающим прекрасным, «взрывным» стартом, высокой маневренностью. Такой мастер не только не боится единоборства, но сам предлагает, ищет его. Это удивительно ловкий хоккеист, у него высокая техническая оснащенность, большое мастерство обводки. Он умеет внезапно и точно послать шайбу в цель, его передачи своевременны и удобны для партнеров. Он умеет отобрать шайбу, и тактическая эрудиция такого мастера весьма солидна, его отличает глубокое понимание игры, а в волевом плане он непреклонен, смел, решителен, стоек.

Как хороший актер, такой спортсмен неповторим в своих движениях, в действиях, в игровых решениях, в творческой манере. Каждый раз, на каждом матче, в его «почерке» появляется какая-то новая черточка, и все это делает его игру и узнаваемой и неузнаваемой — как будто той же самой, что и вчера, и все-таки иной, более интересной и более зрелой. Давайте же поближе познакомимся хотя бы с несколькими хоккеистами.

Пять асов

На площадке Володя Викулов, один из лидеров нынешней сборной, трехкратный чемпион мира, олимпийский чемпион. Викулов всегда старается, ворвавшись в зону нападения, действовать напрямик, но не прямолинейно, идти к цели ближайшим путем. Владимир в любой обстановке достаточно хорошо контролирует шайбу. Он охотно, если этого требует ситуация, вступает в силовое единоборство, но, если есть возможность, стремится уйти от невыгодного для него из-за малого веса столкновения. Чем сложнее обстановка, чем больше около Викулова соперников, чем мощнее его опекун, чем злее и беспощаднее относится он к нашему молодому форварду, тем тот хладнокровнее и рассудительнее.

И еще парадокс: чем сложнее обстановка, чем больше рискует Викулов, тем явственнее проявляется его удивительная собранность, несгибаемая воля. А техническое мастерство Владимира имеет великое множество различных и весьма своеобразных нюансов, обусловленных быстротой движения клюшки и крайне замысловатыми решениями, принимаемыми Викуловым в ходе сложного единоборства.

А вот другое имя. Шестикратный чемпион мира, спортсмен, с именем которого ассоциируется крепость и неприступность наших оборонительных порядков,— Александр Рагулин. Его отличает колоссальная разрушительная мощь. Александр — защитник практически непроходимый, удивительно спокойный, физически необычайно одаренный, предельно расчетливый. Почти без осечек провел Александр олимпийский турнир в Гренобле. Владея шайбой, он не терял из виду партнеров, успевал следить за всеми их перемещениями и потому всегда находил наилучшее решение. Вот почему Рагулин и контратаковал удачнее всех других защитников. Из 142 его передач 128 были посланы по точному адресу, и в результате немедленно возникала острая контратака.

В последние месяцы стремительно прогрессирует способный молодой форвард. Я говорю о необыкновенно скромном, трудолюбивом и одаренном спартаковце Александре Якушеве. Высокая техника, прекрасная обводка, сильный и коварный бросок, большая подвижность — все это выгодно отличает левого форварда из молодежной тройки «Спартака». Саша — человек умный, немного застенчивый, мягкий и деликатный. Он умеет выслушивать замечания тренера, советы наставников команды и товарищей. Александр требователен к себе, и из него, не сомневаюсь, вырастет игрок громадного масштаба.

Я уже не раз имел удовольствие вспоминать двух выдающихся форвардов, которые заметно выделялись среди нападающих последних лет: Вячеслав Старшинов и Анатолий Фирсов. Удивительные, счастливые таланты!

Старшинов — игрок объемный, страстный, с медвежьей хваткой. Физической силы у него на троих. Казалось бы, с такой силищей ему и не очень нужна техника. Но Вячеслав — хоккеист высокотехничный. Однако нет хоккеиста, более далекого от Викулова в смысле несхожести технических арсеналов. Обводка с учетом его недюжинной силы, с опорой на силу, обводка, в которой нет замысловатых движений, обводка напрямик, с открытым вызовом сопернику — вот каков Вячеслав на поле.

В этой обводке, может, и нет изюминки, что отличает почерк Викулова или Анатолия Фирсова, но в ней есть огненная страсть и точный расчет на психологическое подавление соперника. Но не подумайте, что у Вячеслава нет высокого, самого высокого технического мастерства. Он в совершенстве владеет шайбой, отличается великолепным пасом и феноменальным по силе и точности броском. Говорят, что Старшинов универсал. Говорят, что он мог бы сыграть и защитником. Нет, это типичный центральный нападающий, у которого очень сильно развиты навыки игры в обороне. Второго такого объемного игрока, пожалуй, нет в мировом хоккее.

Совершенно непохожим на прославленного спартаковца кажется Анатолий Фирсов. Сила этого мастера заключается в умении преображаться. Анатолий может действовать так же, как и Старшинов, если попадает в переплет сложного единоборства. Но наиболее примечательной чертой таланта Фирсова я считаю быстроту его действий и решений, их скрытность, завуалированность. Этот мастер подходит к сопернику спокойно, может быть, даже чуть вяловато, но в последнее мгновение взрывается, и вот перед нами другой, непохожий на прежнего Фирсова, хоккеист — огневой, страстный, импульсивный.

Финты Фирсова уникальны. Знаменитый его финт «конек — клюшка — конек» применяется им уже пятый год, и никто до сих пор не может разгадать этого маневра, найти против него контрприем.

А кто лучше Фирсова разбирается в сложной игровой обстановке? Его завершающие броски, то поразительно мощные, то коварные и скрытные, вводят в заблуждение всех стражей ворот. Его пасы абсолютно неожиданны, и частенько даже его смышленые партнеры по тройке, Владимир Викулов и Виктор Полупанов, не догадываются о намерении товарища.

Левый нападающий из «All stars»

Разумеется, хоккеисты одаренные, незаурядные, по-настоящему талантливые есть не только в нашем хоккее, особенно их много в канадских профессиональных командах.

Талант первой величины — Бобби Халл. Он шесть раз кряду, в том числе четыре последних года, входил в символическую сборную НХЛ, в шестерку лучших—«All stars» («Все звезды»).

В списке ныне действующих игроков, забивавших по три шайбы за один матч, Бобби оторвался от всех конкурентов: двадцать раз добивался он такого успеха. Для сравнения скажу, что Хоу это удавалось 15 раз, Беливью — 12, Стену Миките — 8, Маховичу и Генри Ришару — по 5.

Халл среднего роста. Его физические данные не относятся к тем, что потрясают воображение, но мне редко удавалось видеть Халла, упавшего на лед. Он удивительно устойчив, ловко и быстро катается боком и спиной вперед. У него отличная дистанционная скорость, мощный резвый старт.

Я видел несколько раз тренировки с участием Бобби Халла, и у меня создалось впечатление, что он все умеет и все может. Видимо, самое сложное для тренера, работающего с таким мастером, заключается в том, чтобы подобрать для него достойную его возможностей роль. Но, пожалуй, самыми впечатляющими чертами его мастерства являются виртуозность и надежность обводки и умение безошибочно точно выбрать место для завершающей атаки. А кроме этого, Халл блестяще играет и в обороне.

Боб Халл — исключение в профессиональном хоккее и потому, что он охотно участвует в

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ

Сверху вниз: На ледяном поле — А. Якушев. В. Старшинов и Б. Майоров остаются лидерами атак. Красивая игра — хоккей! Судья — хозяин красного огня. Тренер армейской команды А. Тарасов и нападающий А. Фирсов. Защитник ЦСКА А. Рагулин и молодой нападающий «Спартака» Е. Зимин. В. Кузькин — один из лучших защитников. Гол!..

Фото А. БОЧИНИНА.

ЕИСТЫ

коллективных действиях. Хотя, как и у каждого профессионала, у него ярко выражено беспокойство о себе, о своей славе, он тем не менее умеет вести игру в пас.

Халл чрезвычайно живуч. Сколько бы его ни били, как бы ни останавливали ударами кулака или клюшки (на его лице нет живого места, сплошные шрамы), он в этом сложном и жестоком единоборстве никогда не потеряет из виду ни шайбы, ни ориентировки. Он рвется к цели, бросая открытый вызов сопернику, буквально продираясь сквозь защиту. И знаете, на кого похож Халл? На нашего Анатолия Фирсова. Оба они, не зная друг друга, идут во многом одним путем. Пожалуй, преимущество Боба Халла заключается лишь в одном: в удивительной его игровой живучести.

Я не хотел бы просто так, бездоказательно утверждать, что Анатолий Фирсов не слабее лучшего игрока канадского профессионального хоккея. В общем-то, до тех пор, пока они не встретятся на ходу, в игре, до тех пор это сравнение будет отвлеченным. И все-таки я готов и сейчас поспорить с кем угодно о том, что московский армеец — игрок не менее высокого класса, чем великолепный форвард из команды «Чикаго блэк хоукс».

В чем я вижу преимущество Анатолия Фирсова над канадцем? В постоянном поиске. В бесконечном, неизменном творчестве. В вечной, неповторимой новизне его решений. В том, что с ним играть значительно легче, чем с Бобом Халлом. На Халла работают многие, почти вся команда, хотя, следует признать, что и сам он немало дает команде. Однако Фирсов делает это лучше, легче и благожелательнее. Он никогда не оставит партнера в беде, всегда придет ему на выручку, всегда за него отработает, подставит себя, чтобы облегчить участь товарища.

Для меня Фирсов представляет большую ценность еще и потому, что с его помощью мы воспитали и воспитаем еще немало молодых одаренных спортсменов. Не думаю, что свой опыт игры Халл передает с такой же степенью благожелательности...

Два левых крайних, играющих на одном крыле атаки, на одном фланге, стоят на разных, далеких друг от друга флангах, на разных полюсах спорта.

Спортсмен и команда

Хотя человеку, мало-мальски разбирающемуся в хоккее, в общем-то несложно определить, какая команда играет более интересно, более творчески, я все же думаю, что определить возможности того или иного игрока дано не каждому. Ох, не так уж прост он, наш хоккей, не так уж доступен, как это иногда кажется некоторым любителям спорта.

При определении степени полезности спортсмена для меня, тренера, главным является его способность жертвовать собой для команды, играть коллективно.

Хорошо, конечно, что талант возвышается своим мастерством над остальными спортсменами. Безусловно, хорошо. Но какую пользу приносит он команде не только как игрок, но и как человек, как незаметный воспитатель — вот что, по моему глубочайшему убеждению, определяет истинную и твердую ценность таланта.

За многие годы через мои руки прошло немало одаренных мастеров. Я бесконечно благодарен им. С ними всегда было интересно работать. На тренировке приходится постоянно подбирать для этих хоккеистов какие-то новые упражнения, все время думать, беспокоиться, не останавливаться на найденном, проверенном, отработанном. Для них, талантливых ребят, нужны более сложные, нежели для всех, упражнения. Но самое трудное и самое главное, что требуется в этом случае от нас, тренеров,— придумать для такого хоккеиста сложную и интересную роль, такую роль, которая увлекала бы его, звала к росту, к труду, к поиску.

Перед каждым хоккеистом нужно раскрыть его перспективы, чтобы он никогда не останавливался в творческом росте, и должен признаться, что увидеть — в деталях — «будущее» большого мастера крайне непросто.

Ни журналисты в большинстве своем, ни тренеры-специалисты долгое время не верили в талант Игоря Ромишевского. Даже среди лучших защитников нашей страны создалось мнение, что Игорь им не конкурент, что из него классный мастер не выйдет.

Когда Ромишевского стали приглашать на сборы в составе национальной команды, то многие ветераны сборной говорили мне, что им и при недостаточной тренированности сыграть сильнее Ромишевского совсем нетрудно. И когда мы, в клубе или в сборной, выставляли Игорю за матч более высокие оценки и отдавали должное его высокому игровому подъему и мужеству и, напротив, хулили его партнеров по обороне за их небрежность, старомодность в действиях, то эти прославленные ветераны частенько на нас, тренеров, простонапросто обижались. Но жизнь показала, что Ромишевский действительно стал хоккеистом наивысшего класса. И в сборную он попал не «по блату». В конце 1967 года и в самом начале 1968-го, когда наша национальная команда отправилась в канадское турне, которое предшествовало Олимпийским играм, Игорь зарекомендовал себя сильнейшим защитником сборной. В Гренобле Игорь играл на равных, если не лучше, с другими игроками обороны, не уступая никому, кроме, может быть, Александра Рагулина.

А вспомните знаменитый матч со «Спартаком» в сезоне 1967—1968 года. Помните, уже в начале встречи армейцы остались втроем против пяти соперников, и эта минута громадного преимущества спартаковцев стала минутой высшего торжества Ромишевского, минутой блестящей демонстрации его совершенного искусства игры в обороне. Более минуты шайбы одна за другой летели в ворота армейцев, но... Виктор Толмачев был не у дел: все шайбы принял на себя Игорь.

Я вспоминаю и другую историю — как Николай Сологубов не хотел признавать молодого защитника Виктора Кузькина, с усмешкой говорил он и о кандидатуре Виталия Давыдова, когда мы стали подключать в сборную молодого динамовца. Помню и еще одно недоразумение, помню, как молодые еще Веня Александров и Костя Локтев с недоверием встретили совсем юного Сашу Альметова. Вспоминаю, как ставили мы молодым защитникам высокие оценки, чтобы поднять их авторитет, чтобы могли они обрести столь важную в спорте уверенность в своих силах, возможностях и, наоборот, несколько придирчиво относились к ветеранам, которые не только прославляли наш хоккей, но и порой подводили сборную, вспоминаю эту нашу педагогическую «хитрость» и думаю, что мы были, безусловно, правы.

* * *

«Назовите будущую звезду,— такими словами начиналась записка, которую я получил на одной из встреч с любителями спорта.— Кто может подняться до уровня Александрова, Старшинова, Фирсова, Рагулина? Лутченко? Крылов? Васильев? Лапин? Шаталов? Шадрин? Репс? Мальцев? Григорьев? Блинов? Солодухин? Чурашов? Залогин? Кто? Кто?..»

Видите, даже имена подсказали мне.

Я хотел бы ответить на этот вопрос. Очень хотел бы! Однако... Если бы я мог! Если бы мы могли!

Как будто достаточно посмотреть, как играет парень, чтобы определить его будущее. Чрезвычайно распространенное заблуждение! Это как раз и представляется мне наиболее сложным моментом в тренерской работе — попытка угадать наличие таланта и предпринять все меры для создания такой обстановки, таких условий, при которых он мог бы быстро вырасти и сформироваться в большого мастера.

Если бы только знали читатели, как много потеряли мы одаренных парнишек, которые попадали в руки тренеров, не особенно пытливых, наставников, не привыкших думать, не отличающихся сообразительностью. А роль, влияние коллектива? Если в команде подобрались в этот момент спортсмены слабые и одаренный юноша едва ли не единственное радостное исключение, то вряд ли можно ждать расцвета таланта. На этой неблагодарной почве и побеги растут хилые, тщедушные.

Опыт показывает, что только коллектив примерно равных спортсменов может вырастить новый талант. А частенько талант не расцветает еще и потому, что юноша тренируется в общей массе с опытными взрослыми мастерами и ему не оказывают помощи. Утверждают, что лучший способ научить парнишку плавать заключается в том, чтобы вытолкнуть его из лодки в воду. Побарахтается, побарахтается — и научится. Я в такое «обучение» не верю. Молодым нужно помогать. Молодых, простите еще одну банальность, нужно учить. Но ни в коем случае не создавать особых, тепличных условий.

Мы у себя в клубе уже несколько лет работаем с так называемой перспективной группой. В нее входят хоккеисты четырнадцати — восемнадцати лет, занимающиеся по несколько ускоренному и усложненному тренировочному графику. Эти ребята как бы опережают время. Они хотят играть в команде мастеров, а там плохо играть или плохо тренироваться нельзя, там нужно изо дня в день работать и работать, и ребята это понимают и потому стараются вовсю, и у них, как мне кажется, получается.

Я вижу немалую пользу в создании такой группы для ребят одаренных и старательных: здесь нет серых, неперспективных, здесь все имеют равные основания надеяться на удачную и привлекательную спортивную судьбу. И отбирали мы, как вы понимаете, ребят в эту группу не только по чисто, так сказать, хоккейным данным, но руководствуясь теми принципами, которые я излагал несколько выше.

А для проверки навыков мы изредка устраиваем контрольные матчи между мастерами и ими. И чтобы юноши не утратили уверенности в своих силах, не растерялись, не оробели — ведь противостоят им олимпийские звезды,— тренеры подключают в юношескую команду лучшего своего вратаря, придают несколько сильных защитников или двух-трех выдающихся мастеров, таких, как Фирсов или Александров, и ребята с радостью готовятся к этим матчам. В этой группе и вырос Владимир Лутченко, ставший сейчас одним из лучших защитников страны. И кто знает, кого мы завтра увидим на пороге большого хоккея.

История одного преступления

А. ВОЛКОВ, комиссар милиции 3-го ранга

Е. КРЕЧЕТ, подполковник милиции

I

Перекинув через плечо два связанных ремнем бидона и взяв в руки кошелку, Мария Гавриловна чуть свет шла продавать молоко. Женщина умная, наблюдательная, умевшая хранить чужие секреты, она многое знала о своих постоянных покупателях — жителях московской окраины. Марию Гавриловну уважали и стар и млад. От нее не скрывали ни мест хранения ключей, ни семейных тайн.

Стоял сентябрь. В садах уже созрели яблоки, и воздух был пропитан их запахом. Открыв калитку Орловых, Мария Гавриловна, как всегда, залюбовалась садом.

Знакомого кувшина на обычном месте не оказалось.

«С чего бы это?» — подумала молочница. И вдруг услышала слабый мужской голос, доносившийся с террасы:

— Кто там?

— Я, Александр Моисеевич, я, милок. Что, аль не надо молочка-то сегодня?

— Развяжи меня, Гавриловна...

Дверь террасы была распахнута настежь, чего раньше не случалось. Хозяин дома, одетый в шерстяной спортивный костюм, лежал на раскладушке. Руки и ноги его были связаны, голова замотана полотенцем.

Мария Гавриловна сдернула повязку и в два счета развязала узлы веревки. Александр Моисеевич встал, потянулся и, шатаясь, направился в комнаты. И вдруг с диким воплем выскочил обратно.

— Там... там... Любочка... убитая...— Он упал на раскладушку и зарыдал.

— В милицию надо сообщить,— не теряя присутствия духа, сказала Мария Гавриловна.— Я до Сысоевых добегу — Тамарочка позвонит.

— Нет соседей-то,— всхлипывая, ответил потрясенный горем Александр Моисеевич.— Позавчера в Сочи уехали.

Мария Гавриловна поспешила на улицу, остановила попутную машину и вскоре была в отделении милиции. Вернулась она вместе с оперативной группой.

Жена Александра Моисеевича, Любовь Васильевна, лежала на полу в спальне. Шелковая рубашка сбилась на грудь. Руки связаны обрывком электропровода. В рот затиснут носовой платок с голубой каемкой.

Всюду в комнате — следы борьбы. Постель в беспорядке, дверца у тумбочки, на которой стоял телевизор, оторвана, сам телевизор стоит на полу.

В двух других комнатах ничто не тронуто. В незапертых ящичках туалетного столика лежали золотые вещи. В платяном шкафу — дорогая одежда, меха, отрезы...

Осматривая труп, судебно-медицинский эксперт пришел к выводу — и позже вскрытие подтвердило это,— что смерть Орловой наступила от удушения.

Что же произошло минувшей ночью в этом доме?

«Мы легли около полуночи,— рассказывал Орлов работникам опергруппы.— Я на террасе, жена — в спальне. Дело в том, что мы по очереди охраняли сад: до рассвета я, потом жена. Дверь на всю ночь оставалась открытой, чтобы сразу можно было выбежать и поднять тревогу. Знаете, какая молодежь теперь пошла, а сад у меня — сами видите... Жаль, если яблоки отрясут...

Так вот... Часа в три-четыре я задремал. Проснулся оттого, что кто-то навалился на меня. Мне завязали глаза и приказали молчать.

В спальне слышалась возня, жена стонала. Потом грохот какой-то, и все стихло.

Кто-то дернул меня за плечо и спросил:

— Где деньги? Не скажешь — убьем!

Деньги — две с половиной тысячи, для «Москвича» приготовленные, были в книжном шкафу, в одном из томов Большой Советской Энциклопедии. Пришлось сказать. Жить ведь каждому хочется. Черт с ними, с деньгами!

Грабители связали меня, запихали в рот носовой платок и ушли. Только вот когда молочница пришла, я сумел кляп языком вытолкнуть...»

Вечером у полковника, одного из руководителей МУРа, состоялось совещание. С информацией выступал начальник отдела.

— Все это произошло при весьма загадочных обстоятельствах,— начал он.— Пока что мы не добыли никаких данных, указывающих на возможность убийства кем-либо из посторонних. Не можем мы также сказать, что к убийству имеет отношение Орлов.

Что ни шаг, то вопрос.

Первым грабители увидели хозяина дома, солидного, пышущего здоровьем мужчину. Естественно, он представлял для них бóльшую опасность, нежели хозяйка, спавшая в дальней комнате. И совершенно непонятно, почему хозяина они только связали, да и то уже перед уходом, а хозяйку задушили.

Орлов показал, что неизвестные (он не знает, сколько их было) взяли две с половиной тысячи рублей, хранившиеся в одном из томов Большой Советской Энциклопедии. Но книги в шкафу стояли в идеальном порядке. Трудно поверить, что грабители такие аккуратисты.

— Вы все тома направили в научно-технический отдел?

— Да.

— Ну и что?

— Петру Михайловичу это поручалось,— уточнил начальник отдела.— Готова экспертиза, Петр Михайлович?

— Готова,— доложил капитан милиции.— Признаков того, что в каком-либо из поступивших на исследование томов Большой Советской Энциклопедии находилась пачка денег в две тысячи пятьсот рублей, не обнаружено. В шкафу много книг. Мы их все просмотрели и в одной нашли пятьдесят семь рублей различными купюрами. Эту книгу тоже направили в НТО. Эксперт представил заключение.— Капитан достал из кармана записную книжку, полистал ее и прочитал:— «Оттого, что в пятом томе сочинений М. А. Шолохова находились деньги в сумме пятьдесят семь рублей, образовался увеличенный промежуток между 322 и 323 страницами».

— Понятно,— сказал полковник.— Продолжайте, Михаил Иванович.

Собираясь с мыслями, начальник отдела заглянул в лежащий перед ним листок бумаги.

— Я долго беседовал с молочницей и узнал от нее любопытные вещи. Покойная не раз жаловалась Долженковой — это молочнице,— что муж почти с первого дня совместной жизни относился к ней дурно, часто бил ее, неделями не разговаривал. И Долженкова прямо-таки не поверила ушам своим, когда Орлов назвал Любовь Васильевну «Любочкой». При жизни он никогда ее так не называл.

Веревка, которой был связан хозяин дома, использовалась для сушки белья. Мария Гавриловна Долженкова показала мне, где именно. Это в дальнем конце сада. Можно смело утверждать, что посторонние не станут ночью разыскивать веревку в саду и отвязывать ее.

И вот что еще удивило женщину. По ее словам, полотенце на голове у Орлова еле держалось. Мария Гавриловна легко сняла повязку. Освободиться от нее мог бы и сам Орлов, но почему-то этого не сделал. Молочнице без труда удалось развязать узлы на руках и на ногах у Орлова. Мы провели эксперимент. Орлов вполне мог освободиться от веревки без посторонней помощи.

Молочница признала и обрывок электропровода, которым были связаны руки у хозяйки. Он на мусорном ведре был, вместо дужки. Преступники воспользовались веревкой, электропроводом, полотенцем, двумя носовыми платками. И все это взяли у Орловых.

— Выходит, шли на грабеж и ничего с собой не захватили?

— Так получается.

— Костюм, который был надет на хозяине, не имел карманов, я специально поинтересовался,— сказал лейтенант милиции Виктор Дроздов, недавно пришедший в МУР из университета.— Хозяйка спала. Носовые платки в чужом доме с ходу не найдешь.

— Резонно,— согласился полковник.— А как, Михаил Иванович, насчет телевизора?

— Электротехническая экспертиза будет произведена завтра. На корпусе нет никаких признаков, что телевизор упал на пол с высоты в шестьдесят сантиметров. Если и внутри все окажется в полном порядке, значит, телевизор не падал, а его просто-напросто осторожно переставили с тумбочки на пол, чтобы дополнить картину «разгрома».

Во время осмотра квартиры мы нашли семь сберегательных книжек, принадлежащих А. М. Орлову, на общую сумму три тысячи четыреста пятьдесят рублей (в двух были вклады по пятьдесят рублей, в одной — двадцать пять), письма к Орловой от родственников, записную книжку хозяина дома. Письма и книжку изучает эксперт научно-технического отдела. Чем можете похвастаться, Иван Романович?

— Пока ничем,— коротко ответил майор.

— На террасе был подобран окурок папиросы «Казбек»,— напомнил полковник.— Что вы думаете по этому поводу, Михаил Иванович?

— Не готов еще к ответу,— честно признался начальник отдела.— Окурок свежий, что называется, тепленький. Мы его отправили на экспертизу. Орлов не курит. Это точно. Кто-то к нему приходил.

На кухонном столе стоял графин с водкой. Стекло сохранило отпечатки пальцев и ладоней обеих рук какого-то человека, годные для сравнительного исследования. Эксперт НТО, когда беседовал с Орловым, присматривался к его рукам — на стекле другие папиллярные узоры. Не знаю, что по этому поводу и думать.

— Ладно,— сказал полковник.— Поживем — увидим. Все, что вами сделано, Михаил Иванович, сделано правильно. У меня нет претензий. Что надо предпринять еще? Следует самым подробнейшим образом изучить личность Орлова. Кто он такой? Где жил и работал раньше? С кем дружил и дружит? Как проводит свободное время? В каких взаимоотношениях находился с женой и ее родственниками?.. Надо поговорить с соседями. Еще раз — с Марией Гавриловной Долженковой. Это ценный для нас человек.

Необходимо установить, кто бывал у Орловых: родственники, друзья, соседи, водопроводчики, электромонтеры, маляры, кровельщики, другие лица. Версию об ограблении отбрасывать мы не имеем права, какой бы сомнительной она ни была.

Я внимательно выслушал Михаила Ивановича. Внутренне я не верю в рассказ Орлова. Но, как из ста кроликов нельзя сделать одной лошади, так множество косвенных улик не являются доказательством вины.

— План у вас хороший, Михаил Иванович. Одобряю. Работайте, как наметили. Обратите больше внимания на личный сыск. Мы должны знать каждый шаг Орлова и его связи.

Полковник полистал перекидной календарь и подытожил:

— Если ничего не будет срочного, соберемся у меня еще раз шестого в это же время.

II

Девушки даже опомниться не успели. Молодой человек забежал вперед, вскинул к глазам «Киев». Рраз — и готово!

— Валерка, сумасшедший, что ты делаешь! — воскликнула одна.

— Мы же непричесанные, прекрати! — запротестовала другая.

— Это будет чудесный снимок,— возразил самодеятельный фотограф.— Вот увидите...

...Лейтенант Дроздов опоздал к автобусу и с досады чертыхнулся. Он представил, как будет недоволен начальник отдела, как начнут подтрунивать над ним ребята. Лейтенант купил в киоске газету, надвинул на лоб шляпу и пошел следом за двумя девушками и парнем.

На перекрестке молодые люди расстались: девушки перешли на противоположную сторону улицы, юноша свернул в переулок.

— Валерий! — окликнул его лейтенант Дроздов.

Тот оглянулся и удивленно посмотрел на незнакомого человека.

— Откуда вы меня знаете? — спросил Валерий.

— Слышал, как тебя девчата распекали, что ты их сфотографировал без предупреждения,— объяснил Дроздов и улыбнулся.

— А-а! — Валерий тоже улыбнулся.— Зря они, снимок получится. Благодарить потом будут.

— Я тоже уверен, что получится,— согласился Дроздов.— Знаешь, о чем я тебя хочу попросить? Сделай одну фотографию и для меня. Тут, понимаешь, одна любовная история.

— Уж не киноснерша ли приглянулась? — хитро прищурившись, спросил Валерий.— Она как раз в кадре была.

— Во-во! — обрадовался лейтенант.— Она.

— Пустые хлопоты,— разочаровал Дроздова фотограф.— За ней каждый вечер летчик заходит. Капитан.

— Да? — огорчился Дроздов.— Надо же... Но ты все-таки сделай мне карточку-то.

— Сделаю. Мне не жалко. Приходи завтра утром во-он к тому дому...

Совещание началось точно в назначенное время.

— Кто был на похоронах? — спросил руководитель уголовного розыска.

— Я, товарищ полковник.

— Расскажите коротко, Федор Григорьевич.

— Покойную в последний путь провожали соседи, Мария Гавриловна Долженкова. Орлов плакал навзрыд, особенно на кладбище. На поминках пил рюмку за рюмкой и все повторял: «Как же я теперь жить буду? Один. Совсем один». Брату жены он о случившемся не телеграфировал. Орлов сказал молочнице: «Не могу поверить, что Любочки нет в живых. Не могу написать своей рукой, что она мертвая. Да и какой толк писать об этом ее брату? Он с Сахалина все равно на похороны не прилетит».

— Все у вас?

— Все.

— Разрешите, товарищ полковник?

— Да?

— Я был в отделении милиции,— стал рассказывать Дроздов.— Там хранится заявление Орлова. Он лично принес его начальнику. В заявлении написано, что в сад каждый вечер наведываются хулиганы, отрясают яблоки, терроризируют его, хозяина, показывают ему ножи, грозят, что однажды ночью зарежут его вместе с женой...

Лейтенант умолк на секунду, словно раздумывал, стоит ли рассказывать о том, что он предпринял дальше, и продолжал:

— Потом я решил заняться личным сыском. Перед вечером у газетного киоска увидел Орлова с хорошенькой девушкой лет восемнадцати-девятнадцати. В руках у нее был портфель, видимо, с книгами. Они очень обрадовались встрече, о чем-то оживленно говорили и смеялись. Неожиданно для меня Орлов и его спутница сели в подошедший автобус. Я сесть не успел...

— Жаль...— Полковник забарабанил пальцами по столу.

В оправдание себе Дроздов сказал:

— Один парень сфотографировал у этого киоска знакомых девушек как раз в тот момент, когда к киоску подошли Орлов и его спутница. Они попали в кадр. Я познакомился с фотолюбителем, попросил его сделать один отпечаток для меня. Вот он.

— Удачно схвачено! — похвалил полковник и повернулся к начальнику отдела.— Михаил Иванович, фотографию немедленно размножить. К установлению личности девушки надо привлечь оперативных и участковых уполномоченных райотдела и городского отделения. Я почему-то уверен, что ее надо искать среди учащихся вечерних школ. Десятые классы занимаются в первую смену. Студенты еще на каникулах.

Он помолчал немного и добавил:

— Рыдал, и вдруг такая радость. Есть над чем подумать... Кто докладывает дальше? Петр Михайлович?

Капитан поднялся, откашлялся в кулак.

— Я разговаривал с соседями Орловых и с молочницей. Вот что мне удалось выяснить. Хозяин никогда не ложился отдыхать в верхней одежде. Он почему-то испытывал суеверный страх. «Увидит кто-нибудь меня в постели одетым,— говорил он молочнице,— и подумает, что я мертвый». В доме существовала целая система запоров. Орлов больше всего на свете боялся, чтобы дверь не осталась незакрытой. Даже ночью просыпался и проверял. Крупных сумм денег дома он не хранил и даже каждую свободную десятку спешил отнести в сберегательную кассу... Между прочим, любил похвастаться. Если решал купить какую-нибудь вещь, то соседи задолго знали об этом. А вот о желании приобрести «Москвич» он никому не говорил... В гости к Орловым почти никто не ходил, и они никуда не ходили. В театрах и кино бывали редко. Хозяин — мастер на все руки, поэтому обходился без водопроводчиков и электромонтеров.

— Ясно. Все у вас? Ивану Романовичу слово.

Майор доложил:

— В записной книжке у Орлова есть адреса и телефоны более ста человек. Веду их проверку... Обнаружено письмо к покойной от брата. Там есть такие слова...— Майор заглянул в блокнот.— «Люба, я не могу читать твои письма без слез. Ну, чем он присушил тебя, этот злодей? Ты ведь всю жизнь мучаешься». Больше пока мне сказать нечего.

— Михаил Иванович интересовался личностью Орлова. Послушаем его,— объявил полковник.

— Александру Моисеевичу Орлову пятьдесят восемь лет. Выглядит гораздо моложе. Регулярно занимается спортом. Участвовал в Великой Отечественной войне с первого до последнего дня. Правда, не на передовой — заведовал дивизионными и армейскими складами. Сейчас работает заместителем директора торга. Дважды привлекался к партийной ответственности за аморальное поведение. Первый раз ему объявили выговор, второй раз — строгий... Любит выпить и поволочиться за женщинами. Увлекается игрой в преферанс и биллиард. Часто не ночевал дома. На этой почве возникали скандалы с женой.

Орлов утверждает, что убийцами жены являются два человека, которые пообещали ему безо всякой очереди приобрести «Москвич», сагитировали снять со счета в сберегательной кассе деньги и хранить их некоторое время дома. Больше, мол, о деньгах никто не знал.

Проверка показала, что деньги — две тысячи пятьсот рублей — покойная лично сняла со счета, выписанного на ее имя. Это было за два дня до убийства...

III

Девушку, знакомую Орлова, искали несколько дней. Напасть на ее след удалось участковому уполномоченному отделения милиции. Это была доставщица телеграмм Июльтина Сидорова. Как и предполагал полковник, она училась в вечерней школе. Успевала плохо, пропускала занятия.

Лейтенант Дроздов в кинотеатре «случайно» познакомился с нею.

Когда сеанс окончился, Виктор Дроздов и Сидорова долго бродили по усыпанному опавшими листьями скверу. Среди других там прогуливалась еще одна пара. Молодые люди ничем не выделялись, поэтому Сидорова не обращала на них внимания. Только Дроздов знал, что это его товарищи неотступно наблюдают за ним.

Сидорова не возражала против встреч с Виктором, только попросила никогда не провожать ее домой. Она так объяснила это свое условие: «Мама у меня очень строгая. Каждый раз дожидается на лавочке».

На другой день Дроздов получил официальную справку: «Сидорова Июльтина Петровна, 1946 года рождения, проживает по указанному адресу одна. Родители ее умерли пять лет назад».

«Почему она меня обманывает? — рассуждал сам с собой Дроздов, направляясь к начальнику отдела.— Опасается, что нас может повстречать Орлов? Но он живет на другом конце города. Или в этой истории замешан кто-то еще, кого Сидорова боится?»

Вечером Виктор и Июльтина встретились у станции метро «Таганская», перешли площадь, купили билеты в кино и до начала сеанса решили немного погулять.

Неподалеку от кафетерия им повстречался здоровенный детина, еле державшийся на ногах.

— Тинка,— икая, пробасил он,— на два слова! — И скрылся за углом расположенного рядом ларька.

Сидорова сделалась бледной, инстинктивно прижалась к Дроздову, всего на какое-то мгновение. Потом, извинившись, пошла на зов.

Дроздов тут же оказался с другой стороны ларька. Ему все было слышно.

— Еще одного подцепила! — прошипел верзила.— И когда ты...— Последовало грязное слово.

— Тише, Славик,— умоляла Сидорова.— Нас могут услышать.

— Плевать! — пьяно артачился тот.— Пойдем к тебе. Домой сегодня не поеду.

— Славик...

— Что — Славик? Думаешь, я совсем тебя ему отдал? Как захочу — всегда моей будешь. А нет — попутаю вас с дедом. Все трое сядем.

— Славик, вот тебе ключ. Нельзя мне сейчас уходить, понимаешь? Подозрение можно вызвать. Сеанс начинается через пять минут. Я тебя прошу...

— Лады. Только не задерживайся. Гляди у меня!

Дроздов был уже довольно далеко от ларька, когда в свете уличного фонаря показались Сидорова и ее знакомый — они разошлись в разные стороны.

— Кто это? — поинтересовался Виктор, когда девушка подошла к нему.

— Брат... Пристал: дай ему три рубля — и все. Выпить, говорит, хочется. А самого хоть выжимай.

— Дала?

— Конечно. Разве от него отвяжешься?

Дроздов увидел, как знакомая ему пара пошла следом за Славиком...

IV

Владислава Тюрина (Славика), Александра Моисеевича Орлова и Июльтину Сидорову задержали в один и тот же час. Следствие собрало неопровержимые доказательства их вины.

На допросе Орлов утверждал, что даже не слыхал такой фамилии — Тюрин. Но в его записной книжке были домашний адрес и телефон этого опасного преступника.

Следы ладоней и пальцев рук на графине в доме Орловых оставил Тюрин.

О возможной причастности Тюрина к убийству свидетельствовало и исследование слюны на окурке. При обыске в его комнате нашли крупную сумму денег и много новых вещей. Тюрин не мог членораздельно объяснить их появление. А сколькими косвенными уликами располагало следствие!

...Смазливая девчонка Июльтина Сидорова рано познала изнанку жизни. Уже в четырнадцать лет она свысока смотрела на своих целомудренных подружек. Вор-рецидивист Тюрин развратил ее окончательно. Когда Тюрин отбывал в колонии очередное наказание, она встретила Александра Моисеевича Орлова, который был старше ее почти на сорок лет, и стала его любовницей.

Орлов, человек морально разложившийся, ненавидевший рано состарившуюся жену, потянулся к предмету своего очередного увлечения. Он одел и обул Июльтину, купил ей дорогую обстановку.

— Я хочу быть твоей женой,— сказала однажды Сидорова и, немного помедлив, добавила совершенно спокойно: — Если бабка не даст развод, убей ее.

Развода Любовь Васильевна не дала. К тому времени вернулся из заключения Тюрин. Сидоровой не стоило большого труда уговорить бывшего любовника «устроить ее счастье». Тюрин потребовал крупное вознаграждение. Орлов согласился. Он сказал жене, к которой в последние дни стал вдруг ласков, что решил купить «Москвич», и та пожелала приобрести машину на свои деньги.

Первого сентября соседи Орловых, жившие через стену, уехали на юг. Третьего сентября Любовь Васильевна была задушена в постели. Убивали ее Тюрин и Орлов вдвоем. Чтобы создать убедительную картину грабежа и насилия, они положили труп на пол, придав ему соответствующую позу, связали руки. Оторвали дверцу от тумбочки. Поставили на пол телевизор.

Тюрин, выйдя из спальни, прямо из графина выпил водки и закурил.

Орлов хотел, чтобы утром его нашли связанным. Стало быть, дверь террасы надо оставить открытой. Но он не имел желания мерзнуть, поэтому, вопреки привычке, решил лечь в постель в шерстяном спортивном костюме. Он сходил в сад за веревкой, и Тюрин связал его так, чтобы удобно было лежать.

Бросив окурок, Тюрин распрощался и ушел к Сидоровой, у которой провел остаток ночи. Выслушав его рассказ, Июльтина передала убийце полученные накануне от Орлова две с половиною тысячи рублей. На столе появились водка и закуска...

Кадр из фильма «Ошибка Оноре де Бальзака»: Бальзак — В. И. Хохряков, Эвелина Ганская — Р. Нифонтова.

БАЛЬЗАК НА УКРАИНЕ

Разве найдется литератор, который отказался бы от заманчивой возможности побыть рядом с героями своего произведения, переброситься с ними шуткой, потолковать? Украинскому писателю Натану Рыбаку недавно удалось это осуществить. Не один день провел он с теми, о ком написал четверть века тому назад в романе «Ошибка Оноре де Бальзака». Сейчас героев его ждет новая жизнь — на экране.

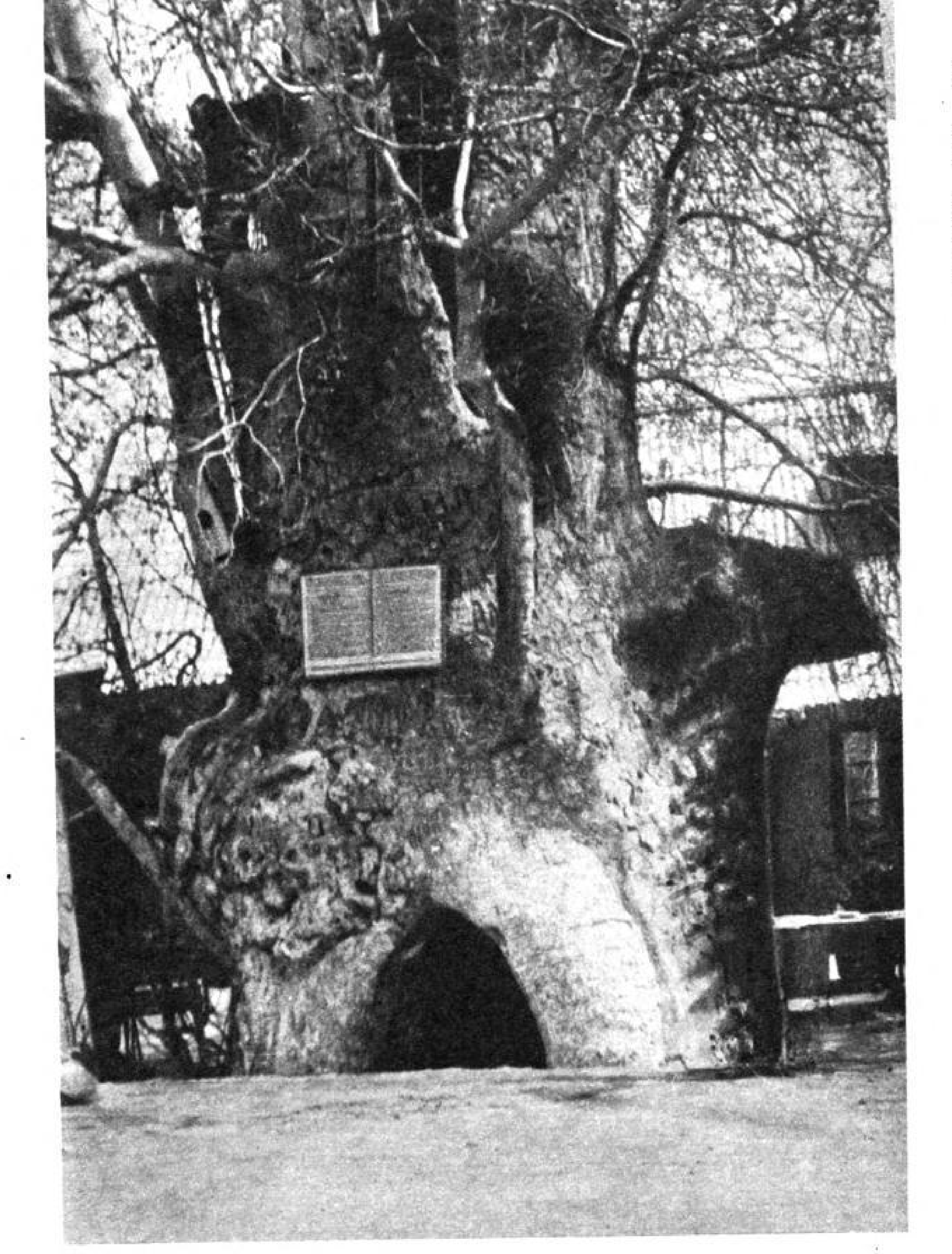
На киностудии имени А. Довженко режиссер Т. Левчук закончил фильм о последних, полных драматизма годах автора бессмертной «Человеческой комедии». Мы попросили Натана Рыбака рассказать об этом.

— Трижды я посетил Париж и всякий раз с волнением входил в дом на улице Ренуара, 47. Я окунался в неповторимую бальзаковскую атмосферу, в мир его рукописей, книг, писем. Мне довелось много беседовать с известным бальзаковедом Пьером Абрагамом, с моим старым, добрым другом писателем Андре Вюрмсером, автором книги «Нечеловеческая комедия». И я часто думал о том, что Бальзак, о котором Виктор Гюго сказал, что он, хотел сам того или нет, был из могучей породы писателей-революционеров, его титанический труд, творчество принадлежат и современности и будущему. Мне очень захотелось дать вторую жизнь героям романа — на киноэкране. Но вскоре я убедился, что метод простой экранизации неприемлем. Нужно было создать иные коллизии, углубить характеры, ввести и другие образы, раздвинуть рамки действия. Словом, роман послужил лишь основой для нового произведения. В нем главное для меня не романтическая история из жизни Бальзака, жизни вообще-то не богатой внешними эффектами — его привязанность к графине Ганской, три года, проведенные в глухом селе на Украине... Сложность бальзаковской натуры, ее противоречивость, отношения гениального писателя с окружавшей его средой, его стремления, надежды и иллюзии, столкновения с жестокой действительностью на родине и далеко от дома, на украинской земле — все это представлялось мне благодатным материалом для фильма философского, социального звучания.

Мне и моим друзьям, актерам, киномастерам хотелось создать образ великого писателя, сына Франции, человека мятущегося, мучимого раздумьями, ставшего участником той «Человеческой комедии», которую он с такой силой раскрыл перед людьми. Показать истоки взаимопонимания народов и культур.

В какой мере замысел удался, будет судить зритель. Скоро кинофильм о Бальзаке на Украине выходит на экран.

А. СТАСЬ,
собкор «Огонька»

САЙРАБСКИЙ ТЕРЕМ-ТЕРЕМОК

Перед вами 800-летний платан, который растет в поселке Сайраб, Узбекской ССР.

Дупло этого дерева настолько просторно, что в дореволюционное время в нем располагалась школа, в 1920 году заседал Сайрабский сельсовет, позже размещалась библиотека кавалерийского полка, затем магазин...

И. Сидельников
Фото А. Асанова.

ХОБОТ ПРОТИВ ТУМАНА

Из тридцатиметровой трубы, напоминающей хобот слона, выбрасывается специальная жидкость, и туман тут же рассеивается. Это приспособление применяется на одном из аэродромов в американском штате Массачусетс.

Ничего особенного

Фельетон

К. ОБОЛЕНСКИЙ

Если уж говорить откровенно, нет более бесправного существа, чем жилец дома, именуемый еще весьма сурово — квартиросъемщиком. Обратите внимание на объявления, вывешенные в домах.

«Жильцы должны... съемщик обязан...»

Вы где-нибудь видели надпись: «Жилец имеет право...»? То-то!

В полной мере весь комплекс собственной ничтожности я испытал не так давно на своей шкуре.

Утром собираюсь ставить чайник... Что за чепуха! Вместо ожидаемой струйки из крана слышится какое-то хрюканье, напоминающее объявление остановок в автобусе без кондуктора. Вода не шла. Она не показалась ни через час, ни через два. Ее не было и вечером, когда я пришел с работы.

Из соседних квартир выглядывали взволнованные лица жильцов. У них тоже не шла вода ни на кухне, ни в ванной, ни... словом, нигде. Пустыня Гоби в местном микрорайоне!

Бегу в жэк,— на счастье, он еще работает. Рассказываю о стихийном бедствии технику-смотрителю. Но техник смотрит куда-то вдаль и с ледяным спокойствием отвечает:

— Ну и что?

...Впоследствии я к этой фразе привык. Многие деятели сферы обслуживания незамедлительно пускают ее в ход при малейшей неурядице в своей «сфере». Действительно, что особенного произошло? Наводнение? Землетрясение? Тайфун или цунами?.. Ах, не идет вода?

— Ну и что?

И заметьте, обязательно с междометием «ну». Эта приставочка как бы автоматически ставит вас на ступеньку ниже вопрошающего...

Все это я осознал потом, но в ту минуту такой ответ в форме вопроса как-то вывел меня из равновесия:

— Не вам, а мне надо спрашивать. Почему мы сидим без воды?

— У мотора, который воду качает, подшипники полетели,— все так же глядя вдаль, ответствовал представитель технического надзора.— Когда дядя Гриша наладит, тогда и вода будет.

— Неужели нет запасного мотора?

— Вы, гражданин, ребенок, что ли?

Решив испить (за отсутствием воды) горькую чашу до дна, я спустился в подземные владения жэка, несколько похожие на трюм заброшенного парохода.

При каждой Жилищно-эксплуатационной конторе (она всюду пишется с большой буквы!) всегда существует свой дядя Гриша (Миша, Саша). Он царь и бог в своей «сфере». Он считается абсолютно незаменимым, потому что берется за любое дело («берется» прошу не путать с «выполняет»).

В тот вечер он сидел в каморке возле котельной за столом, на котором покоились детали разобранного подшипника. Сам дядя находился тоже в явно разобранном состоянии. Воздух каморки был пропитан таким густым, устоявшимся запахом, что с языка готово было сорваться «дайте закусить». На мой вопрос, когда же можно будет напиться, он с изумлением глянул на меня, потом подмигнул и доверительно пробасил:

— В любое время дня и ночи.

ПРОШУ ИЗВИНИТЬ!

Это произошло на конных состязаниях в Стокгольме. Лошадь одного спортсмена неожиданно проявила упрямство и отказалась взять последнее препятствие. Сбросив всадника, она уселась рядом с ним, как бы извиняясь.

ОБРАЗЦОВАЯ НЯНЯ

Так в семье служащего парижского зоопарка решена проблема няни. Трехмесячный Эдуард морщится. Только не думайте, что его пугает няня. Нет, Эдуард уже привык к шимпанзе Юдит и дружит с ней. А морщится он потому, что не привык к слишком теплому молоку. Видите: молоко остыло, и Эдуард охотно пьет. Теперь Юдит, как и полагается няне, убаюкивает его.

ДЕТСКИЙ САД НА КОЛЕСАХ

В одном из детских садов Копенгагена ребят возят на прогулку в такой большой коляске.

— Вода,— говорю,— у нас не идет. Вода-а!

— Ну и что?

После такого интервью надежды умыться и напиться (чаю!) уже не оставалось. Пришлось дома мобилизовать местные ресурсы. На умывание вполне хватило бутылки боржоми, чай был заменен томатным соком, взятым у соседа.

На следующий день, когда пошла вода, потух свет. Потух во всем парадном, разумеется, с прилагаемыми к нему квартирами.

На сей раз у жэка оказался выходной. Словоохотливая уборщица, бросив мыть пол, любезно растолковала:

— Это у вас в ящике что-то сгорело. В том самом, что внизу висит. Там завсегда перегорает.

Мобилизую инженерно-технический состав среди туземного населения, и оперативная группа отправляется на осмотр ящика. Ящик действительно существует, но на нем такой замок, каким, вероятно, в прошлом запирали амбары с пушниной.

Снова бегу в жэк, с дрожью в голосе спрашиваю: где раздобыть ключ и есть ли вообще дежурный?

— А как же, есть,— радостно отозвалась уборщица.— Дядя Гриша дежурит.

Но моего старого знакомого на этот раз не удалось найти даже в разобранном виде. Пудовый замок висел на всем жэковском трюме.

Освещая спичкой диск телефона, набираю номер «аварийки». Докладываю, что часть дома погружена во мрак.

— Ну и что? — слышится в трубке.

Стараясь сдержаться и чувствуя, что придется два вечера просидеть в темноте, пускаю в ход ложь во спасение:

— От проводов дым идет.

Трубка весьма недовольным тоном буркнула:

— Выезжаем. Диктуйте адрес.

Получив от аварийщиков через полчаса громовой нагоняй за отсутствие запаха дыма, умоляю навести порядок в злосчастном ящике. Диалог напоминает притчу о коле и мочале.

— Вас и побеспокоили потому, что никого в жэке нет.

— Ладно, так и быть. Отпирай замок, тогда починим.

— Но ведь я сказал, что ключа не нашли. Сломайте серьгу, и все дела.

— А кто отвечать будет?

— Я, я отвечу!

— Ищи вас потом!

— Хотите, расписку дам?

— А кто ее заверит? Поставьте возле подписи печать, тогда и ломать будем.

— Кто ж поставит? В жэке ведь никого нет!!!

Субботу и воскресенье мы провели в потемках. А через два дня...

Впрочем, оставим хронологию в покое. Не в ней суть. Дело в сравнении. Видя размеренный ход жизни в других областях и ответственность, которую там несет каждый за порученное дело, как-то неуютно чувствует себя житель (квартиросъемщик) в домашней обстановке. Выражение «как дома» потеряло свой смысл. Ощутимее стал холодок в работе тех организаций, коим положено заботиться о нашем брате именно в домашних условиях.

Никто не ждет, что после его заявления о какой-то неурядице в квартире техник-смотритель тут же по-молодецки свистнет, гаркнет, собирая бригаду слесарей, и во главе их ринется исправлять неполадки. Такое никому не придет в голову. Но, безусловно, каждого раздражают бесконечное хождение в контору и безрезультатные записи в книгу заявок. Вышел из строя мотор? Держите наготове запасной. Не дают? Добейтесь. Надо выключить воду для ремонта системы? Повесьте объявление или позвоните жильцам по телефону и вежливо предупредите их об этом. Ведь находится же время у работников конторы напоминать (порой далеко не вежливым тоном) о скорейшей уплате денег за квартиру. Наведите порядок с дежурством. Пусть хоть днем дяди Гриши пребывают в божеском виде.

Повышения чувства ответственности можно пожелать не только жилищным работникам. Анекдотов про работу лифта существует столько, что их можно выпускать отдельным сборником. Если в кинокомедии герой входит в лифт, мальчишки в зале с восторгом шепчут:

— Сейчас застрянет!..

Уверенность мальчишек разделяют, видимо, и организации, занимающиеся бесконечными неполадками этого мистического хозяйства. Во всяком случае, уже существуют размноженные типографским способом внушительные плакаты с категорическим текстом:

«Лифт не работает».

Почему не работает? Сколько он простоит? На этот вопрос никто отвечать не собирается.

...В квартире раздается телефонный звонок. Кокетливый женский голос интересуется, какая сегодня идет картина. Вы объясняете, что произошла ошибка, но тут же телефон звонит снова, и уже детский голосок робко спрашивает:

— У вас можно кормить зверей? А что больше всего любят обезьянки?

После этого телефон замолкает наглухо.

...Не у всякого есть время читать газеты у себя на работе. Иной хочет это сделать дома, до начала рабочего дня. Более-менее регулярно вам приносят почту около половины восьмого. Но вот уже восемь. Половина девятого. Девять. Никого!

Вы звоните в отдел доставки, излагаете свои претензии и в ответ слышите знаменитое:

— Ну и что?

После некоторого раздумья могут добавить:

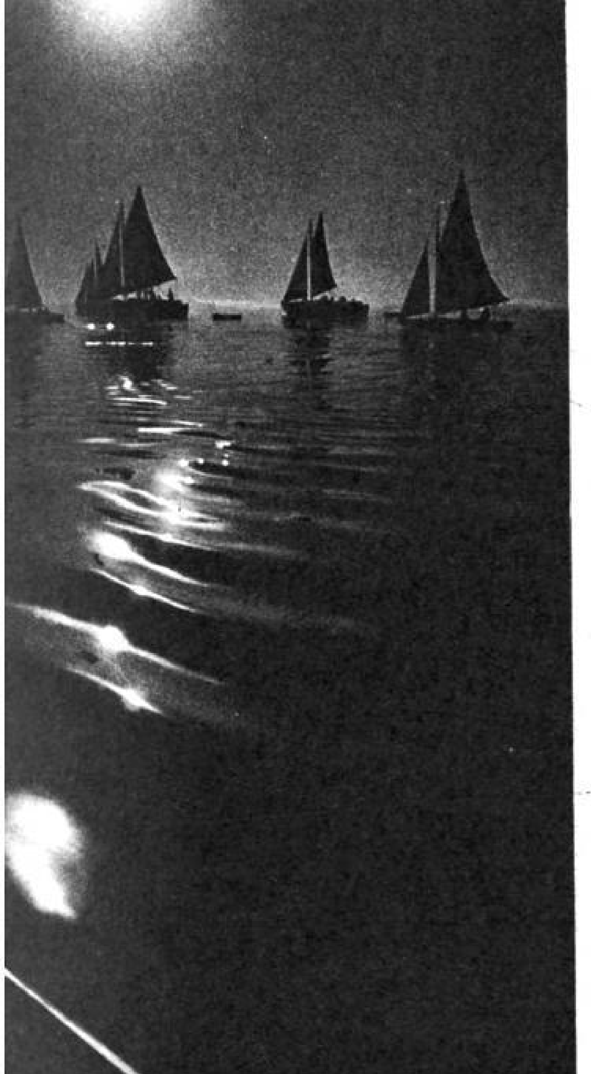
— Письмоносец вашего участка не вышел на работу.

Интересно, как разговаривал бы сам начальник отдела доставки, выписывающий себе журнал, если бы он, не получив его в субботу, на свой вопрос о причинах услышал ответ:

— Ну и что?.. В редакции заболел корректор.

Разумеется, все может случиться. Может лопнуть водопроводная труба, стать лифт, сломаться телефон, заболеть письмоносец. Но эти непредвиденные обстоятельства все-таки не стихийные бедствия. Даже тайфуны люди научились предугадывать. В хозяйстве, что нас окружает дóма, можно и должно предусматривать бедствия местного масштаба.

Каким образом? Пусть это решают на месте. Каждый из нас в своей области отвечает за порученные ему дела, а дома по-настоящему хочется себя чувствовать как дома.

Я. Халип. ЯХТЫ.

БЛАГОДАРНЫЙ ТРУД

43 года работает в печати Яков Халип — один из старейших советских фотомастеров. Его снимки отражают биографию страны, важнейшие события ее истории.

Тяжелый, но благодарный труд фоторепортера подлинно вливается в труд республики, прославляя ее героев и знаменосцев.

Советская общественность тепло отметила 60-летие со дня рождения Якова Николаевича Халипа.

Весь Союз объездил Яков Халип, побывал во многих странах мира, работал в «Правде», «Красной звезде», в «Красной Ниве», в «Огоньке», в «СССР на стройке». В настоящее время работает в журнале «Советский Союз».

Во время войны был на фронте. Его фотографии, снятые в боевой обстановке, пользовались большим успехом,— они доносили до читателя дыхание грозных событий.

Яков Халип — высококвалифицированный мастер. Работы его привлекают к себе внимание своей художественностью, проникнуты духом патриотизма, любовью к человеку.

●

БЕГ НА МЕСТЕ

Как известно, время — лучший и строгий критик. Но нельзя же всерьез считать, что рецензию В. Друзина «Современно об истории», опубликованную в четвертом номере журнала «Москва» за этот год, и статью М. Синельникова «Доводы жизни и критические фантазии», помещенную в 11-й книжке того же журнала, разделяет солидный временной рубеж. Однако, как ни мaлó время, разделяющее эти выступления, разительное расхождение их оценок романа Всеволода Кочетова «Угол падения» заставляет не без грусти задуматься над прихотями литературной жизни.

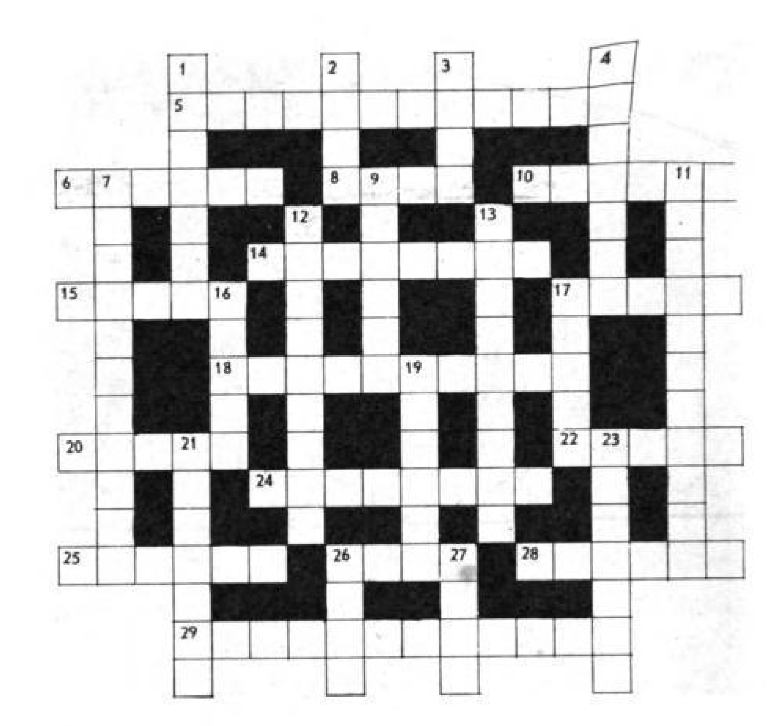
В рецензии В. Друзина роман «Угол падения» расценивается как значительная удача писателя, успешно справившегося с задачей создания историко-революционного произведения. В ней подчеркнута историческая достоверность художественного материала и умение автора воплотить его ярко и выразительно.

В статье же М. Синельникова, хорошо аргументированной и доказательной в отстаивании, например, несомненных достоинств романа Виталия Закруткина «Сотворение мира» (книга вторая) от кавалерийских наскоков предвзятого критика, историческая достоверность героев и ситуаций «Угла падения» полностью зачеркивается.

Известно, что роман В. Кочетова «Угол падения» был высоко оценен нашей литературной критикой. В журналах и газетах появилось более 15 рецензий, авторы которых единодушно признавали верность исторической концепции романа и его художественные достоинства. Правда, в свое время в «Литературной газете» была опубликована статья В. Оскоцкого, в которой именно эти главные качества романа категорически отрицались. Как видим, точка зрения М. Синельникова повторяет давнее «оригинальное» выступление В. Оскоцкого.

Так же, как и В. Оскоцкому, М. Синельникову «не показался» в романе образ Зиновьева. Ну что ж, «не показался» так «не показался». Но почему? На этот вопрос критик не отвечает, считая, возможно, что все аргументы исчерпал его предшественник. Ну, а как же быть с аргументами тех многочисленных критиков, которые расценили трактовку образа Зиновьева как исторически достоверную?

Об уровне критического анализа М. Синельникова можно судить по такому, например, упреку: «Излишняя (!) детализация приводит к тому, что временами изображение врагов преобладает над изображением защитников Петрограда,— а это, разумеется, не входило в задачу автора». Как же понять это «преобладание», когда абзацем выше М. Синельников с одобрением отзывается об удачном изображении положительных персонажей романа — героических защитников Петрограда?! Нет, это уже не диалектика критического мышления, а настойчивое стремление повторить «оригинальное» мнение своего критического предшественника — так сказать, бег на месте.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Масличная культура. 6. Советская автономная республика. 8. Хлопчатобумажная ткань. 10. Метеорологические условия, свойственные данной местности. 14. Государство в Центральной Америке. 15. Цветок. 17. Единица веса драгоценных камней. 18. Пористый известняк. 20. Птица. 22. Рыба семейства лососевых. 24. Грузинский поэт. 25. Приспособление для вышивания. 26. Река во Франции. 28. Остров в Вест-Индии. 29. Наука о полетах в мировое пространство.

По вертикали: 1. Небесное тело, движущееся вокруг планеты. 2. Геометрическая фигура. 3. Металл. 4. Струнный инструмент. 7. Умение разборчиво и красиво писать. 9. Охотничья сумка. 11. Областной центр в РСФСР. 12. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 13. Памятник древнерусской литературы XIV века. 16. Горная коза. 17. Питательный напиток. 19. Столица союзной республики. 21. Морской моллюск. 23. Порт в бухте Нагаева Охотского моря. 26. Большая копна сена. 27. Южное плодовое дерево.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали: 5. Жаботинский. 7. Кокс. 9. Нура. 12. Колба. 13. Бланк. 14. Ливан. 15. Скерцо. 17. Байбак. 18. Светлогорск. 19. Одесса. 21. Ньютон. 23. Сукно. 25. «Арион», 26. Тиски. 27. Аист. 29. Бега. 31. Кибернетика.

По вертикали: 1. Огайо. 2. Глиэр. 3. Консул. 4. Есенин. 6. Александрит. 7. Кадр. 8. Айвазовский. 10. «Абай». 11. Каварадосси. 16. Онега. 17. Буран. 20. Сана. 22. Юрта. 23. Сеттер. 24. Орбита. 28. Ирина. 30. Гекла

На первой странице обложки: Триумфальная арка в честь победы русских воинов в Отечественной войне 1812 года. Восстановлена на Кутузовском проспекте в Москве.

Фото А. Бочинина и Ю. Кривоносова.

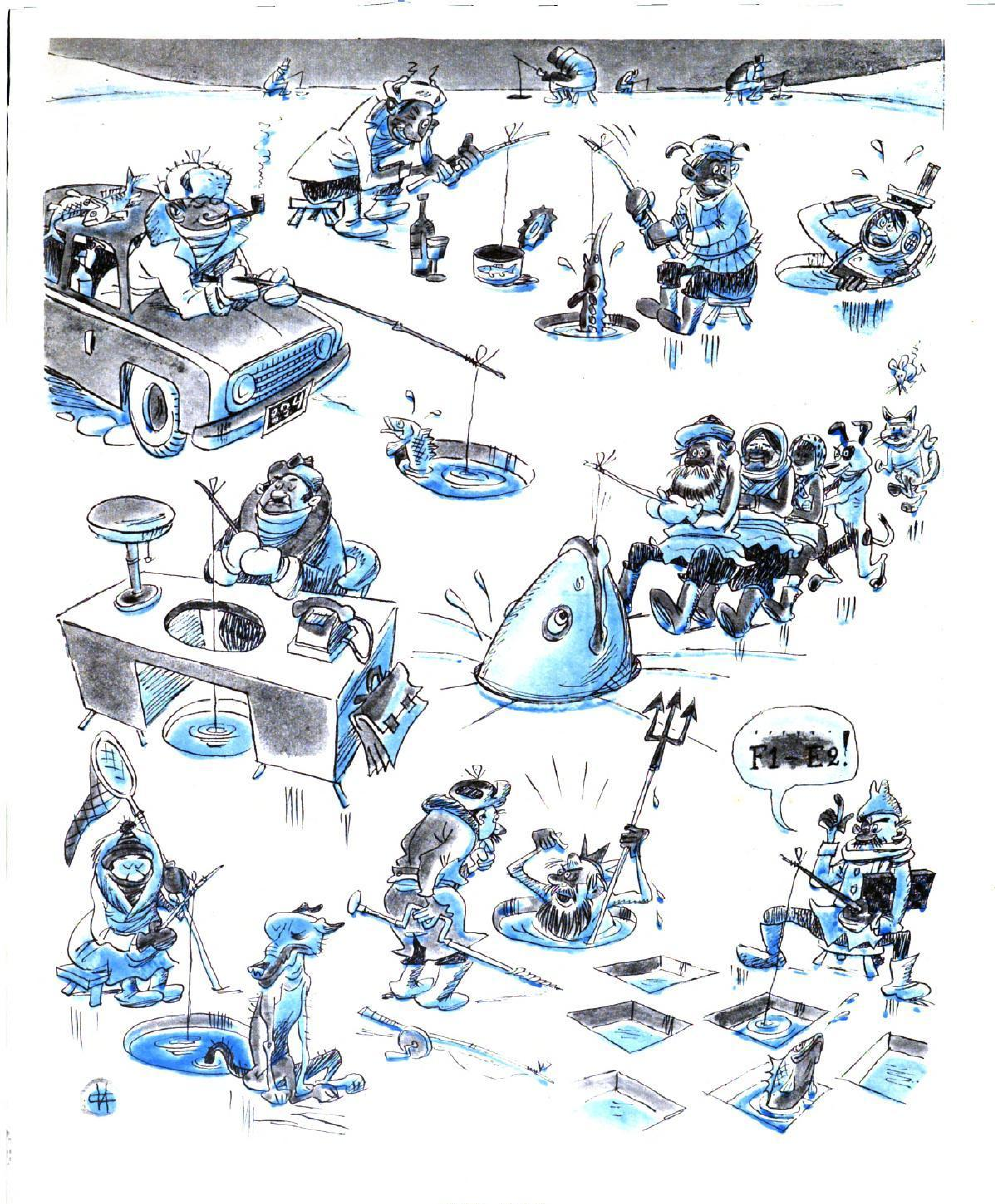
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; черка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00518. Сдано в набор 19/XI-68 г. Подписано к печ. 2/XII-68 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 988 000 экз. Изд. № 2212. Заказ № 3276.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЛОВИСЬ, РЫБКА...

Рисунок И. СЫЧЕВА.

INTERNATIONAL